This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

GR
203.19
C28
1905

STANFORD
LIBRARIES

ЗАПИСКИ
КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
Книжка XXV, выпускъ 2-й.

№ 5644

Г. Ф. Чурсинъ.

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ И ВѢРОВАНІЯ

КАХЕТІИ.

Цѣна 40 коп.

ТИФЛИСЪ.
Типографія К. П. Козловскаго, Головинск. просп., № [illegible].
1905.

STANFORD
LIBRARIES

Напечатано по распоряжению Распорядительнаго Комитета Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Народные обычаи и вѣрованія Кахетіи.

Относительно вѣрованій и обычаевъ кахетинскаго населенія въ этнографической литературѣ собранъ уже нѣкоторый матеріалъ, заключающійся главнымъ образомъ въ статьяхъ покойнаго Степанова, помѣщенныхъ въ XVII и XIX выпускахъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа", отчасти въ статьѣ Ѳ. А. Мтавріева „Простонародная свадьба въ Кахетіи" (вып. XXXI „Сборника") и др. Настоящій очеркъ представляетъ попытку дать хотя сколько нибудь цѣльную картину народныхъ воззрѣній и обычаевъ кахетинскаго населенія, характеризующую его съ религіозно-бытовой стороны. Во время поѣздки по Кахетіи лѣтомъ 1903 года авторъ нѣсколько пополнилъ имѣющійся въ печати этнографическія данныя, но, къ сожалѣнію, собранныхъ матеріаловъ далеко еще не достаточно, чтобы вполнѣ освѣтить всѣ стороны развитія религіозныхъ представленій современнаго кахетинца,—этимъ главнымъ образомъ и объясняются многочисленные пробѣлы предлагаемаго очерка. Въ видахъ объясненія происхожденія и первоначальнаго смысла наблюдаемыхъ въ Кахетіи вѣрованій и обычаевъ, авторъ счелъ полезнымъ обратиться къ сопоставленію ихъ съ аналогичными фактами, отмѣченными у другихъ народовъ, преимущественно кавказскихъ. Такое сопоставленіе убѣждаетъ, что однородныя понятія, вѣрованія и обычаи возникаютъ у различныхъ народовъ, поставленныхъ въ сходныя условія быта; такимъ образомъ, сходство вѣрованій и обычаевъ само по себѣ еще не служитъ доказательствомъ ни родства двухъ народностей, ни ихъ вліянія другъ на друга. Родство двухъ или нѣсколькихъ народностей обнаруживаетъ сходство лишь тѣхъ воззрѣній и обычаевъ, которые [illegible] когда данные народы еще не отдѣ[illegible] жили одною жизнью. Эти вѣрова[illegible] общаго ядра народности [illegible] отъ предковъ. Посл[illegible] или народы-бра[illegible]

дѣятельности. Замѣтное сходство воззрѣній и обычаевъ кахетинцевъ, карталинцевъ, имеретинъ, гурійцевъ объясняется сравнительно не очень древнимъ ихъ обособленіемъ и довольно сходными условіями быта.

Въ виду этого предлагаемый очеркъ вѣрованій и обычаевъ Кахетіи въ значительной мѣрѣ можетъ служить и для характеристики вѣрованій и обычаевъ грузинъ вообще. Что касается культурныхъ вліяній другихъ народовъ, то здѣсь необходимо имѣть въ виду то обстоятельство, что инородныя вліянія прочно прививаются лишь тамъ, гдѣ для ихъ процвѣтанія подготовлена почва, иначе говоря, гдѣ условіями народной жизни выдвигается потребность въ тѣхъ именно идеологіяхъ, которыя въ данный моментъ такъ предупредительно преподносятся извнѣ. Въ другой жизненной обстановкѣ заимствованіе не можетъ быть прочнымъ. Однако, и въ области, гдѣ наличность заимствованія вполнѣ установлена, трудно найти основанія для того, чтобы каждый отдѣльный фактъ обязательно объяснять заимствованіемъ. Такъ, несмотря на то, что вліяніе ученія Зороастра составляетъ общеизвѣстный фактъ въ исторіи Грузіи, было-бы ошибочно всякій намекъ на почитаніе грузинами огня считать отголоскомъ иранскихъ вліяній. Огонь, какъ благодѣтельное пріобрѣтеніе человѣчества, пользуется въ различной мѣрѣ почитаніемъ у множества народовъ земного шара; зачатки этого почитанія могли, разумѣется, быть и у грузинъ задолго до знакомства ихъ съ религіозными воззрѣніями Ирана; персы въ такомъ случаѣ принесли лишь болѣе развитыя формы культа огня и содѣйствовали упроченію существовавшихъ.

Родовая община въ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Первоначальная общественная организація грузинъ, въ которой застаетъ ихъ исторія, была родовая община. Говоря объ албанцахъ и иберахъ (нынѣшнихъ грузинахъ), Страбонъ свидѣтельствуетъ: „имущество принадлежитъ каждому роду, въ которомъ повелѣваетъ и управляетъ старшій. Въ такомъ-же состояніи находятся иберы и ихъ страна“ *). Каждый родъ занималъ опредѣленный земельный участокъ и имѣлъ своего особаго божественнаго покровителя духа-родоначальника. Божество рода, какъ и самый родъ, было прочно прикрѣплено къ земельному участку

*) К. Ганъ—„Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“, ч. I, стр. 68.

своихъ почитателей, и съ теченіемъ времени мѣсто его постояннаго жительства (домашній очагъ старшаго въ родѣ) становилось священнымъ. Такъ въ теченіе долгаго періода родового быта грузинскаго народа успѣло прочно укорениться въ народномъ сознаніи представленіе о святости нѣкоторыхъ мѣстъ. Когда въ половинѣ IV вѣка въ Грузію проникло христіанство, оно застало здѣсь освященный вѣками культъ родовыхъ покровителей, и новому религіозному ученію оставалось только приспособиться къ сложившимся воззрѣніямъ. Сознаніе національнаго единства отдѣльныхъ грузинскихъ родовъ находилось въ то время въ начальной стадіи своего развитія, и, такимъ образомъ, еще не была подготовлена почва для воспріятія идеи объ Единомъ Божествѣ, заступникѣ и духовномъ главѣ объединеннаго народа. Поэтому и нельзя было ожидать въ тогдашней Иверіи прочнаго усвоенія христіанской идеи единобожія; божества отдѣльныхъ родовъ сохранили прежнее свое положеніе; единственное измѣненіе выразилось въ томъ, что большую часть этихъ родовыхъ патроновъ стали обозначать общимъ именемъ св. Георгія. Такимъ образомъ древняя Иверія стала страною св. Георгія (Georgia), иначе Грузіей.

Когда грузинскія хроники повѣствуютъ объ одновременной постройкѣ 363 церквей въ честь св. Георгія, то можно съ достаточной долей вѣроятія допустить, что эта цифра близко соотвѣтствуетъ имѣвшемуся въ то время числу грузинскихъ родовъ. Такъ какъ отдѣльные роды были неодинаковой силы и вліянія, то понятно, что сообразно этому и родовыя божества имѣли неодинаковое могущество: поэтому и св. Георгій, взявшій на себя роль божествъ отдѣльныхъ общинъ, оказался не однимъ св. Георгіемъ, а распался на 363 патроновъ неодинаковой силы и святости. Народъ до сихъ поръ упорно держится своего дохристіанскаго взгляда и дѣлаетъ различіе между отдѣльными Георгіями. Каждый Георгій, какъ божество, прикрѣпленное къ территоріи своей родовой общины, находится безотлучно въ мѣстѣ своего жительства и только тамъ принимаетъ просителей и вообще всѣхъ, имѣющихъ къ нему дѣло.

Такой характеръ религіознаго воззрѣнія ведетъ къ широкому развитію паломничества, хожденія къ мѣстамъ постояннаго пребыванія духовныхъ покровителей. Явленіе это дѣйствительно бросается въ глаза всякому, имѣвшему случай наблюдать народную жизнь грузинъ, въ особенности-же кахетинскаго крестьянина. Что

нынѣшніе многочисленные свв. Георгіи представляютъ изъ себя лишь прикрытыхъ христіанскимъ именемъ родовыхъ божествъ языческой Грузіи, это сквозитъ на каждомъ шагу въ отношеніи къ нимъ народа. Не слѣдуетъ ходить на богомолье къ тѣмъ иконамъ и Георгіямъ, къ которымъ не ходили твои предки,—учитъ житейская мудрость кахетинцевъ,—иначе эта икона станетъ по временамъ „требовать къ себѣ", т. е. насылать болѣзни, требуя жертвъ *). Значитъ, молись только той святынѣ, которая имѣетъ давнишнія и прочныя связи съ твоимъ родомъ. Впрочемъ, кто переселяется куда-нибудь на другой конецъ Кахетіи, или даже перебирается въ Карталинію, поневолѣ бываетъ вынужденъ сдѣлаться какъ-бы отступникомъ по отношенію къ святынямъ своихъ предковъ, но въ тяжелыя минуты жизни онъ опять-таки вспоминаетъ своихъ давнихъ покровителей,—и вотъ мы видимъ, какъ изъ одного конца Кахетіи въ другой, чуть-не за сто верстъ плетутся пѣшкомъ богомольцы, чтобы выполнить свой долгъ передъ Георгіемъ, которому молились ихъ прадѣды. Наиболѣе чтимыя кахетинцами церкви св. Георгія слѣдующія: Тетри Георгій въ 11 верстахъ отъ Телава, нѣсколько выше сел. Ацкури, Георгій Бочормскій въ 18 верстахъ отъ Телава по тіонетскому шоссе, Георгій Цкароставскій за Алазанью, въ 25 верстахъ отъ Телава, въ Пшаветіи, Георгій Лорійскій въ Тіонетскомъ уѣздѣ. Многочисленные Георгіи, разбросанные въ другихъ мѣстахъ Кахетіи, считаются менѣе значительными и привлекаютъ сравнительно немного богомольцевъ. Кромѣ церквей св. Георгія въ Кахетіи есть нѣсколько другихъ важныхъ святынь, привлекающихъ богомольцевъ даже изъ далекихъ концовъ Грузіи; таковы монастырь св. Нины, Алавердскій соборъ, церковь Михаила Архангела въ сел. Анага Сигнахскаго уѣзда, Шуамтинскій монастырь въ честь Рождества Богородицы въ 8 в. отъ Телава и Хирскій монастырь св. Стефана.

Вездѣ, гдѣ христіанство приходило на смѣну мѣстныхъ родовыхъ культовъ отдѣльныхъ общинъ, мы наблюдаемъ такое явленіе, что Единый Богъ или чтимый христіанами святой распадается на нѣсколько святынь, пріобрѣтающихъ различное значеніе. Въ Италіи, какъ свидѣтельствуетъ Фюстель-де-Куланжъ **), и теперь еще лаццарони готовы на ножахъ защищать достоин-

*) Приведено въ „Сб. мат.", XIX, отд. II, стр. 88.

**) Фюстель де-Куланжъ—„Древняя гражданская община".

ство Мадонны своей улицы передъ Мадонной сосѣдней улицы. Въ Россіи XVI—XVII вв. любили въ церкви молиться каждый передъ своей собственной иконой; совершенно такъ же жители каждой мѣстности любили имѣть у себя свою собственную, спеціально имъ принадлежащую святыню, икону или угодника-покровителя; „естественно, что такіе мѣстные угодники и чтились лишь въ предѣлахъ своего края, а другія области ихъ игнорировали или даже относились къ нимъ враждебно“ *).

Организація родовой общины, а также возникшей затѣмъ на развалинахъ родового строя семейной общины съ хозяйственной стороны характеризуется почти полнымъ отсутствіемъ обмѣна. Родовая и семейная община представляютъ замкнутый міръ, собственными силами и средствами производящій все необходимое для общины. Эта замкнутость хозяйства, не вступающаго ни въ какія отношенія съ хозяйствами другихъ общинъ, породила своеобразныя воззрѣнія, которыя, какъ вѣрные стражи, должны были охранять неприкосновенность самодовлѣющаго міра родового хозяйства. Жизнь въ своемъ стихійномъ движеніи разбила оковы хозяйственнаго затворничества, и передъ властнымъ ходомъ исторіи должны были отступить архаическія хитросплетенія примитивной мысли, но все-таки растатанная и разбитая эпоха натуральнаго хозяйства не удалилась за околицу исторіи, не оставивъ по себѣ нѣкоторыхъ воспоминаній. Эти отголоски угасшаго прошлаго выражаются въ запрещеніи давать различные предметы хозяйства другимъ, въ другое хозяйство, причемъ запреты эти основываются обыкновенно на какихъ-либо нелѣпыхъ опасеніяхъ. Въ Телавскомъ уѣздѣ по возможности стараются не одалживать никому закваски тѣста, а если ужъ приходится одолжить, то отъ нея отрываютъ кусокъ, чтобы не перевелось въ домѣ тѣсто. Съ подобной-же цѣлью какъ въ Телавскомъ, такъ и въ Сигнахскомъ уѣздѣ, если одалживаютъ хлѣбъ, отламываютъ отъ него кусочекъ и бросаютъ тутъ-же на землю, когда даютъ взаймы муку, щепотку этой муки бросаютъ на землю. Если-же не сдѣлать этого, то вмѣстѣ съ хлѣбомъ или мукой будетъ унесена „барака“—неистощимость запаса ссудившаго. Въ Телавскомъ уѣздѣ старухи твердо помнятъ мудрое правило—послѣ заката солнца никому не одалживать сита,—иначе не удастся выдать дочь за-

*) П. Милюковъ—„Очерки по исторіи русской культуры“, ч. 2-я, стр. 28.

нынѣшніе многочисленные свв. Георгіи представляютъ изъ себя лишь прикрытыхъ христіанскимъ именемъ родовыхъ божествъ языческой Грузіи, это сквозитъ на каждомъ шагу въ отношеніи къ нимъ народа. Не слѣдуетъ ходить на богомолье къ тѣмъ иконамъ и Георгіямъ, къ которымъ не ходили твои предки,—учитъ житейская мудрость кахетинцевъ,—иначе эта икона станетъ по временамъ „требовать къ себѣ", т. е. насылать болѣзни, требуя жертвъ *). Значитъ, молись только той святынѣ, которая имѣетъ давнишнія и прочныя связи съ твоимъ родомъ. Впрочемъ, кто переселяется куда-нибудь на другой конецъ Кахетіи, или даже перебирается въ Карталинію, поневолѣ бываетъ вынужденъ сдѣлаться какъ-бы отступникомъ по отношенію къ святынямъ своихъ предковъ, но въ тяжелыя минуты жизни онъ опять-таки вспоминаетъ своихъ давнихъ покровителей,—и вотъ мы видимъ, какъ изъ одного конца Кахетіи въ другой, чуть-не за сто верстъ плетутся пѣшкомъ богомольцы, чтобы выполнить свой долгъ передъ Георгіемъ, которому молились ихъ прадѣды. Наиболѣе чтимыя кахетинцами церкви св. Георгія слѣдующія: Тетри Георгій въ 11 верстахъ отъ Телава, нѣсколько выше сел. Ацкури, Георгій Бочормскій въ 18 верстахъ отъ Телава по тіонетскому шоссе, Георгій Цкароставскій за Алазанью, въ 25 верстахъ отъ Телава, въ Пшаветіи, Георгій Лорійскій въ Тіонетскомъ уѣздѣ. Многочисленные Георгіи, разбросанные въ другихъ мѣстахъ Кахетіи, считаются менѣе значительными и привлекаютъ сравнительно немного богомольцевъ. Кромѣ церквей св. Георгія въ Кахетіи есть нѣсколько другихъ важныхъ святынь, привлекающихъ богомольцевъ даже изъ далекихъ концовъ Грузіи; таковы монастырь св. Нины, Алавердскій соборъ, церковь Михаила Архангела въ сел. Анага Сигнахскаго уѣзда, Шуамтинскій монастырь въ честь Рождества Богородицы въ 8 в. отъ Телава и Хирскій монастырь св. Стефана.

Вездѣ, гдѣ христіанство приходило на смѣну мѣстныхъ родовыхъ культовъ отдѣльныхъ общинъ, мы наблюдаемъ такое явленіе, что Единый Богъ или чтимый христіанами святой распадается на нѣсколько святынь, пріобрѣтающихъ различное значеніе. Въ Италіи, какъ свидѣтельствуетъ Фюстель-де-Куланжъ **), и теперь еще лаццарони готовы на ножахъ защищать достоин-

*) Приведено въ „Сб. мат.", XIX, отд. II, стр. 88.

**) Фюстель де-Куланжъ—„Древняя гражданская община".

ство Мадонны своей улицы передъ Мадонной сосѣдней улицы. Въ Россіи XVI—XVII вв. любили въ церкви молиться каждый передъ своей собственной иконой; совершенно такъ же жители каждой мѣстности любили имѣть у себя свою собственную, спеціально имъ принадлежащую святыню, икону или угодника-покровителя; „естественно, что такіе мѣстные угодники и чтились лишь въ предѣлахъ своего края, а другія области ихъ игнорировали или даже относились къ нимъ враждебно“ *).

Организація родовой общины, а также возникшей затѣмъ на развалинахъ родового строя семейной общины съ хозяйственной стороны характеризуется почти полнымъ отсутствіемъ обмѣна. Родовая и семейная община представляютъ замкнутый міръ, собственными силами и средствами производящій все необходимое для общины. Эта замкнутость хозяйства, не вступающаго ни въ какія отношенія съ хозяйствами другихъ общинъ, породила своеобразныя воззрѣнія, которыя, какъ вѣрные стражи, должны были охранять неприкосновенность самодовлѣющаго міра родового хозяйства. Жизнь въ своемъ стихійномъ движеніи разбила оковы хозяйственнаго затворничества, и передъ властнымъ ходомъ исторіи должны были отступить архаическія хитросплетенія примитивной мысли, но все-таки расшатанная и разбитая эпоха натуральнаго хозяйства не удалилась за околицу исторіи, не оставивъ по себѣ нѣкоторыхъ воспоминаній. Эти отголоски угасшаго прошлаго выражаются въ запрещеніи давать различные предметы хозяйства другимъ, въ другое хозяйство, причемъ запреты эти основываются обыкновенно на какихъ-либо нелѣпыхъ опасеніяхъ. Въ Телавскомъ уѣздѣ по возможности стараются не одалживать никому закваски тѣста, а если ужъ приходится одолжить, то отъ нея отрываютъ кусокъ, чтобы не перевелось въ домѣ тѣсто. Съ подобной-же цѣлью какъ въ Телавскомъ, такъ и въ Сигнахскомъ уѣздѣ, если одалживаютъ хлѣбъ, отламываютъ отъ него кусочекъ и бросаютъ тутъ-же на землю, когда даютъ взаймы муку, щепотку этой муки бросаютъ на землю. Если-же не сдѣлать этого, то вмѣстѣ съ хлѣбомъ или мукой будетъ унесена „барака“—неистощимость запаса ссудившаго. Въ Телавскомъ уѣздѣ старухи твердо помнятъ мудрое правило—послѣ заката солнца никому не одалживать сита,—иначе не удастся выдать дочь за-

*) П. Милюковъ—„Очерки по исторіи русской культуры“, ч. 2-я, стр. 28.

мужъ, конечно, если она есть. Если-же сито одолжить необходимо, то пусть его возвратятъ въ ту-же ночь *). Въ Сигнахскомъ уѣздѣ нельзя ничего давать изъ дома въ день Новаго года, такъ какъ, что сдѣлаешь на Новый годъ, будешь дѣлать въ теченіе всего года. У торговцевъ и ремесленниковъ г. Сигнаха и кизикійскихъ селеній не принято продавать товаръ или отдавать работу въ долгъ по понедѣльникамъ. Кромѣ того во многихъ уголкахъ Кахетіи дѣйствуютъ слѣдующіе запреты. Ничего не даютъ изъ дома въ первый день посѣва, въ день, когда кто-либо изъ домашнихъ уѣзжаетъ по дѣлу,—иначе уѣзжающій не будетъ имѣть успѣха въ дѣлѣ; послѣ захода солнца не даютъ огня, изъ опасенія, чтобы домъ не постигло несчастье; плохому-же сосѣду и вообще отказываютъ въ огнѣ; затѣмъ не ссужаютъ также зеренъ для посѣва, особенно, когда происходитъ посѣвъ. Несомнѣнно, что подобнаго рода запрещенія должны появиться у всѣхъ народностей, гдѣ строгой замкнутости хозяйства начинаетъ угрожать опасность. Соображенія, которыя кладутся въ основу запретовъ, разумѣется, могутъ быть самыя разнообразныя. Зангезурскіе армяне, какъ и грузины, держатся завѣта—„ночью не давай сита другому", но объясняютъ его по своему,—„чтобы не было у тебя недостатка въ хлѣбѣ" **). У армянъ Эчміадзинскаго уѣзда правила еще строже: „послѣ захода солнца никому ничего нельзя давать, а то все счастье дома уйдетъ. Поэтому ночью не выбрасываютъ и сора, чтобы съ нимъ не выбросить счастья" ***). Впрочемъ, соръ, по тѣмъ-же соображеніямъ, не выметаютъ и армяне Зангезурскаго уѣзда и грузины Телавскаго уѣзда ****).

У сванетъ нельзя давать другимъ хлѣбъ съ начала пашни до ея окончанія, на Новый годъ, въ день св. Георгія весною и осенью, въ новолуніе, въ понедѣльникъ, въ четвергъ и въ субботу. Кромѣ того, въ день св. Георгія нельзя давать изъ дома рѣшительно ничего *****). Выходцы изъ Персіи, живущіе въ сел. Лагичъ Бакинской губ., „въ послѣдній день Раджаба мѣсяца никому ничего не даютъ изъ домашнихъ вещей, даже огня, ибо

*) Приведено въ „Сб. мат.", XIX, отд. II, стр. 98.

**) „Сб. матер.", вып. XVII, отд. II, стр. 200.

***) Ibid., XVII, отд. II, стр. 183.

****) Ibid., XVII, отд. II, стр. 196 и 132.

*****) „Сб. матер.", вып. XXXI, „Сванетскія повѣрья" И. Нижерадзе.

съ данною въ тотъ день вещью домъ потеряетъ благополучіе *). У мингрельцевъ Сенакскаго уѣзда „въ день рожденія какого-нибудь животнаго въ домѣ нельзя никому ничего ни подарить, ни взаймы дать,—иначе молодое животное будетъ жевать платья“ **). Въ Закатальскомъ округѣ „ночью нельзя давать изъ дома огня, и нельзя проходить черезъ дворъ сосѣда съ пустымъ мѣднымъ кувшиномъ, который служитъ для воды: отъ этого можетъ быть вредъ скотинѣ или шелковичнымъ червямъ“ (А. фонъ-Плотто въ „Сб. свѣд. о кавказск. горц.“, вып. IV, стр. 48).

У армянъ Эчміадзинскаго уѣзда, когда пекутъ хлѣбъ, нельзя давать изъ торне другимъ огня, иначе съ домохозяиномъ случится несчастье ***). У грузинъ Телавскаго уѣзда не даютъ огня изъ того дома, гдѣ есть ребенокъ, у котораго еще не прорѣзались зубы,—иначе зубы у него будутъ прорѣзываться очень болѣзненно ****).

Въ Карталиніи огня не даютъ изъ дома въ день Новаго года (Горійскій уѣздъ).

Жертвы и культъ. Самая варварская и возмутительная по современнымъ понятіямъ форма умилостивленія божествъ—приношеніе въ жертву людей. Картвельскіе народы, какъ и народы славянской семьи, не избѣжали въ своемъ прошломъ этой грубой формы религіознаго культа. Существованіе этого обычая у грузинъ подтверждается какъ прямыми показаніями грузинскихъ хроникъ, такъ и данными археологическихъ изслѣдованій. „Тщательное изученіе многочисленныхъ раскопанныхъ нами „акелдама“ (мцхетскихъ гробницъ), говоритъ Байернъ, привело къ заключенію, что не только въ честь каждаго знатнаго покойника (въ томъ числѣ, кажется, и для женщинъ) приносились человѣческія жертвы, но что и весь народъ разъ или два раза въ годъ приносилъ своему кумиру въ жертву людей“ *****). По грузинскимъ хроникамъ, обычай приносить въ жертву дѣтей, а также съѣдать трупы умершихъ былъ отмѣненъ „праведнымъ“ царемъ Ревомъ, умершимъ въ 213 г. по Р. Хр. Съ тѣхъ поръ прошло уже около 17 столѣтій, однако, и до настоящаго времени въ различныхъ обычаяхъ и суевѣріяхъ грузинскаго простолюдина сохранились блѣдныя воспоминанія о давнымъ давно отвергнутомъ варварствѣ.

---

*) „Сб. матер.“, XXIX, отд. II, стр. 76.
**) „Сб. матер.“, X, отд. I, стр. 112.
***) „Сб. матер.“, XVII, отд. II, стр. 191.
****) „Сб. матер.“, XIX, отд. II, стр. 86.
*****) „Сборн. свѣд. о Кавказѣ“, т. II, стр. 334.

Судя по легендамъ, у грузинъ, какъ и у другихъ народовъ, было въ обычаѣ при закладкѣ сооруженія, особенно такого, отъ котораго требовалась исключительная прочность, напр., крѣпостныхъ стѣнъ или башенъ, зарывать подъ фундаментъ въ жертву божеству человѣка, чтобы обезпечить этимъ прочность постройки. Грузинскія народныя сказанія сохранили до нашего времени память о подобномъ обычаѣ. Въ повѣсти г. Ломаури (на грузинскомъ языкѣ) использовано наиболѣе трогательное изъ такихъ сказаній, относящееся къ Сурамской крѣпости. Это сказаніе передается народной пѣсней „Сурамисцихе". Когда строили Сурамскую крѣпость, стѣны ея нѣсколько разъ обрушивались; тогда царь приказалъ разыскать одинокаго человѣка съ единственнымъ сыномъ и этого сына зарыть. Нашли вдову, у которой былъ единственный сынъ Зурабъ. Привели Зураба и стали задѣлывать его въ стѣну крѣпости. Прибѣгаетъ несчастная мать, взываетъ къ стѣнѣ, ставшей преждевременной могилой сына:

„Сурамиса цихео! Сурвилита гнахео:
Сурамская крѣпость! Съ желаніемъ смотрю:
Чеми Зурабъ мандарисъ. Каргатъ шени нахео.
Мой Зурабъ тамъ. Хорошо ты сбереги (его).

Затѣмъ, обращаясь къ сыну:

Швило Зурабъ, садамдинъ?
Сынъ Зурабъ, по какое мѣсто (заложенъ)?

Отвѣчаетъ Зурабъ:

Вайме, дедавъ, кочамдинъ.
Охъ, мать, по щиколку.

Черезъ нѣсколько времени мать снова обращается къ сыну съ прежнимъ вопросомъ. Зурабъ отвѣчаетъ, что уже заложенъ по животъ, затѣмъ по грудь, по шею... Еще разъ спрашиваетъ несчастная женщина:

Швило Зурабъ, садамдинъ?

И слышитъ отвѣтъ:

Вайме, дедавъ, гавтамдинъ.
Окончился.

Съ неутѣшными слезами поплелась отъ мрачныхъ стѣнъ горемычная женщина. Плачетъ и несчастный юноша, загубленный на зарѣ жизни, и слезы его просачиваются сквозь камни и увлажняютъ стѣну.

Эта-же легенда, съ незначительными измѣненіями, разсказывается о Сигнахской крѣпости. Здѣсь изъ стѣны выступаютъ

не слезы, а кровь Зураба, которая показывается на стѣнѣ только въ великій четвергъ. Рано утромъ въ великій четвергъ приходятъ иногда суевѣрные сигнахцы къ крѣпостной стѣнѣ, чтобы увидѣть, какъ струится кровь Зураба. Такія-же легенды пріурочиваются къ крѣпости Уплисъ-цихе на правомъ берегу р. Куры и къ нѣкоторымъ старинымъ крѣпостямъ Борчалинскаго и Тифлисскаго уѣздовъ. Конечно, это вовсе не значитъ, что въ стѣнахъ всѣхъ этихъ крѣпостей дѣйствительно зарытъ живой человѣкъ; повтореніе этой легенды показываетъ лишь, что обычай зарывать человѣка при возведеніи построекъ хорошо знакомъ грузинамъ.

Это довольно распространенный въ свое время видъ человѣческихъ жертвъ. Башни, замки, мосты и т. п., воздвигнутые на принесенныхъ въ жертву людяхъ, указываютъ во многихъ странахъ Европы, Азіи и Африки *).

У чердынскихъ и соликамскихъ пермяковъ при постройкѣ дома обыкновенно обѣщали закопать одного плотника. Въ настоящее время человѣкъ замѣняется мелкимъ животнымъ—поросенкомъ, гусенкомъ, или пѣтухомъ **).

Въ № 242 „Донск. Рѣчи“ за 1903 г. приведено изъ „Казанской Земской Газеты“ слѣдующее: „когда Семенъ прудитъ мельницу, то кладетъ всегда сперва быка годовъ трехъ, потомъ хворосту, а потомъ соломы“. Такъ обезпечивается прочность мельницы жертвой водяному.

Приношеніе въ жертву животныхъ въ свою очередь смѣнилось болѣе невинными формами умилостивленія духовъ—приношеніемъ вещей, денегъ или чего-либо въ этомъ родѣ.

Въ Кахетіи теперь при закладкѣ дома въ фундаментъ кладутъ серебряныя, а бѣдняки мѣдныя монеты—обычай, весьма распространенный, какъ извѣстно, и въ Россіи. Въ Россіи это приношеніе объясняютъ желаніемъ, чтобы домъ былъ богатъ, но грузины Телавскаго уѣзда держатся толкованія, болѣе близкаго къ древнему смыслу жертвы—„ради прочности фундамента“. Часто въ нынѣшней Кахетіи деньги даже не зарываются въ фундаментѣ а открыто берутся плотниками, какъ принадлежащія имъ по праву. Такъ, въ обрядахъ религіознаго культа жертвы, предназначаемыя

*) Эд. Тэйлоръ—„Первобытная культура“, т. I, стр. 94—97, изд. 1896 г.

**) И. Смирновъ. „Этногр. Об.“, кн. IX.

божеству или умершимъ, поступаютъ въ собственность духовенства, а въ данномъ случаѣ въ собственность плотниковъ, присвоившихъ себѣ право быть замѣстителями невидимыхъ духовъ. Въ Заалазанской Кахетіи въ фундаментъ кладутъ мелкія желѣзныя вещи (сел. Шильда).

Въ ряду суевѣрныхъ воззрѣній и обычаевъ кахетинцевъ существуютъ и другіе, также ведущіе свое происхожденіе отъ человѣческихъ жертвоприношеній. Таковъ, напр., обычай въ случаѣ болѣзни приносить къ священнымъ мѣстамъ модели больной части тѣла, въ большинствѣ случаевъ сдѣланныя изъ желѣза. Болитъ нога—несутъ желѣзную ногу, рука—руку; болитъ голова или спина—приносятъ желѣзное кольцо, сдѣланное по объему головы или туловища, и т. п. Происхожденіе такого рода обычаевъ можетъ быть объяснено существующими у кахетинцевъ воззрѣніями относительно болѣзней. Болѣзнь понимается такъ, что это какой-либо изъ св. Георгіевъ или другая святыня недовольна человѣкомъ и требуетъ его къ себѣ. Святыня предъявляетъ требованіе на ту или иную часть тѣла человѣка,—и эта часть тѣла начинаетъ болѣть. Чтобы отвоевать заболѣвшее мѣсто, необходимо дать за него святому выкупъ въ видѣ модели той части, которая ему такъ полюбилась. И несутъ больные къ мѣстамъ богомолья желѣзныя руки, ноги, пояса, шампуры, сдѣланные по длинѣ больного мѣста, и т. п. Подобные предметы при мнѣ приносили къ Алавердскому собору, къ церкви Тетри Георгія въ Телавскомъ уѣздѣ; я находилъ ихъ также въ церкви св. Георгія въ сел. Кодало Сигнахскаго уѣзда и въ сел. Джимити Сигнахскаго уѣзда при церкви св. Георгія. Въ армянской церкви Успенія Богородицы въ Насомхари, въ трехъ верстахъ отъ Сигнаха, стоитъ рядомъ съ иконами желѣзная бронзированная рука въ натуральную величину, укрѣпленная на желѣзной бронзированной подставкѣ. Передъ нею въ маленькихъ подсвѣчникахъ горятъ восковыя свѣчи. Рука принесена какимъ-то богомольцемъ.

Приношенія такого рода извѣстны многимъ народамъ, какъ современнымъ, такъ и древнимъ, и представляютъ изъ себя жертвоприношеніе умилостивительное или благодарственное. „Приношеніе больнымъ человѣкомъ модели своихъ пораженныхъ членовъ, говоритъ Эд. Тэйлоръ *), носитъ на себѣ явный характеръ жертвоприношенія, все равно, дѣлается-ли оно передъ исцѣленіемъ

*) Эд. Тэйлоръ—„Первобытная культура“, т. II, стр. 431, изд. 1896 г.

для умилостивленія божества, или какъ благодарственное приношеніе послѣ излѣченія. Модели рукъ и ушей, ставившіяся по обѣту въ древнихъ египетскихъ храмахъ, считаются съ одной стороны благодарственными приношеніями, какъ это имѣетъ, напр., мѣсто по отношенію къ моделямъ лицъ, грудей, рукъ и проч. въ бэотійскихъ храмахъ; съ другой стороны, извѣстны случаи, въ которыхъ модели, какъ субституты пораженныхъ частей тѣла, приносились съ цѣлью исцѣленія. Такъ, въ Германіи въ первыя времена христіанства слышались протесты противъ языческаго обычая вѣшать на идоловъ съ просьбой о помощи разные деревянные члены человѣческаго тѣла; а въ современной Индіи пилигримъ, пришедшій вымаливать исцѣленіе, помѣщаетъ въ храмъ изображеніе своего больного члена изъ золота, серебра или мѣди, смотря по состоянію".

Приношеніе въ жертву моделей замѣнило собой приношеніе настоящихъ частей тѣла, а этотъ видъ жертвъ въ свою очередь пришелъ на смѣну приношенію въ жертву цѣлаго человѣка. Такое послѣдовательное видоизмѣненіе жертвъ удобно прослѣдить на примѣрѣ приношенія въ жертву дѣтей. Дѣти чаще, чѣмъ взрослые, обрекались въ жертву кровожаднымъ богамъ; впослѣдствіи люди пришли къ мысли, что для бога достаточно какой либо небольшой части тѣла ребенка. Руководствуясь такимъ соображеніемъ, кафры и готтентоты обрубаютъ своимъ дѣтямъ фаланги пальцевъ, и видятъ въ этомъ вѣрное средство противъ возможныхъ для ребенка бѣдъ*). Въ Австраліи дѣвочкамъ скоро послѣ рожденія отрубаютъ два сустава мизинца, чтобы умилостивить духовъ**). Болѣзнь означаетъ, что какой-либо духъ неудовлетворенъ и нуждается въ жертвѣ; заболѣвшій бушменъ приноситъ въ жертву послѣднія фаланги пальцевъ, начиная съ лѣвой руки, въ надеждѣ, что съ кровью уйдетъ и болѣзнь***). Грузины не рубятъ пальцевъ, но и теперь приносятъ модели рукъ и ногъ. Приношеніе въ жертву куклы вмѣсто живого ребенка, или колыбели, или модели колыбели—распространенный обычай у многихъ кавказскихъ народовъ. Кахетинскія женщины, обращаясь къ святому съ просьбой о дарованіи дѣтей, приносятъ въ даръ колыбели. При мнѣ женщина привезла дѣтскую колыбель къ церкви

*) О. Пешель—„Народовѣдѣніе", стр. 473.

**) Летурно—„Эволюція рабства", стр. 22.

***) Пешель—„Народовѣдѣніе", стр. 473.

Тетри Георгія въ Телавскомъ уѣздѣ въ ночь подъ престольный праздникъ 15-го августа. Колыбели приносятъ кахетинцы и въ благодарность за выздоровленіе ребенка. Имеретины замѣнили дѣйствительную колыбель ея миніатюрною моделью. Родители выздоровѣвшаго ребенка приносятъ въ церковь святому, которому обѣщали, серебряную колыбельку и цѣпочку и кладутъ передъ иконой *). Армянки, испрашивая себѣ ребенка мужского пола, отправляются къ источнику св. Іакова на Араратѣ, къ валуну изъ лавы на г. Алагезъ и къ холодному источнику, находящемуся въ одной верстѣ выше Уравельскаго источника близъ Ахалциха. Въ этихъ мѣстахъ онѣ втыкаютъ въ землю четыре палочки, обертываемыя бумажной ниткой въ видѣ миніатюрной изгороди, внутри которой на такихъ-же двухъ палочкахъ прикрѣпляется люлька съ куколкою изъ тряпокъ въ два дюйма вышиною. Въ Дагестанѣ на вѣтвяхъ деревьевъ можно встрѣтить модели колыбелекъ изъ прутьевъ, принесенныя безплодными женщинами, испрашивающими себѣ дѣтей. У армянъ Эчміадзинскаго уѣзда существуетъ повѣрье, что для того, чтобы вылѣчить ячмень на глазу, нужно сдѣлать куклу и бросить въ огонь. Подобіе приношенія въ жертву модели ребенка можно видѣть и въ записанномъ мною въ Телавскомъ уѣздѣ повѣрьи: если ребенокъ долго не ходитъ, льютъ въ воду воскъ; получившуюся фигуру считаютъ фигурой ребенка, эту фигуру нужно отнести на перекрестокъ и поставить: если будетъ стоять, значитъ, ребенокъ скоро начнетъ ходить.

Нравы боговъ измѣнялись вмѣстѣ съ нравами людей. Какъ побѣдители сначала убивали побѣжденныхъ и поѣдали ихъ тѣла, а затѣмъ стали вмѣсто этого обращать побѣжденныхъ въ рабовъ, такъ и боги сначала требовали людей себѣ въ пищу, а потомъ стали требовать ихъ себѣ въ рабство, въ услуженіе.

Въ этомъ отношеніи у грузинъ любопытное явленіе, происшедшее отъ человѣческихъ жертвоприношеній, представляетъ наложеніе „курати“ или „посвященіе“ человѣка божеству или святому мѣсту. Посвященіе можетъ быть пожизненное или временное, на срокъ. Въ Кахетіи наблюдается обыкновенно послѣднее. Заболѣлъ, напр., ребенокъ. Родители обращаются къ ворожеѣ, какъ помочь горю. Та объявляетъ, что на мальчика надо наложить „курати“, отдать на два мѣсяца Мтаваръ-ангелози... такова воля Мтаваръ-ангелози (Михаила архангела). Родители обѣщаютъ

*) „Сб. мат.“, XVIII, отд. III, стр. 337.

исполнить святую волю и, какъ только оправится ребенокъ, отвезти его въ церковь Михаила архангела въ сел. Анагѣ (Сигнахскаго уѣзда). Это единственная въ Кахетіи церковь, при которой проживаютъ посвященные или „курати". Сюда привозятъ ихъ со всей Кахетіи. Въ знакъ наложенія на ребенка „курати", у него не стригутъ волосъ. При церкви Мтаваръ-ангелози во всякое время можно застать десятокъ или два мальчиковъ, а иногда и взрослыхъ, посвященныхъ на разные сроки церкви Мтаваръ-ангелози. Одни должны пробыть при церкви недѣлю—двѣ, другіе мѣсяцъ, годъ, наконецъ даже нѣсколько лѣтъ.

8-го ноября, въ престольный день, сюда пріѣзжаютъ и приходятъ тысячи богомольцевъ, главнымъ образомъ изъ Кизикіи. Все прилегающее къ церкви ущелье превращается тогда въ сплошной таборъ: вездѣ шалаши, навѣсы, арбы, быки, буйволы, лошади, бараны, приведенные для принесенія въ жертву, и множество празднично настроеннаго люда. Тогда же многіе приводятъ и посвященныхъ церкви ребятишекъ, такъ что въ это время подобныхъ „курати" набирается отъ двадцати до тридцати. „Курати" посвящены Мтаваръ-ангелози, должны служить ему, работать для него, т. е. на церковь,—таковъ смыслъ „посвященія".

Во время своихъ лѣтнихъ экскурсій по Кахетіи я побывалъ между прочимъ и у Мтаваръ-ангелози. Крохотная церковь не представляетъ сама по себѣ ничего интереснаго. На церковномъ дворѣ два деревянныхъ навѣса для богомольцевъ и посвященныхъ. Послѣднихъ оказалось 11 душъ въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ.

Все „служеніе" ихъ архангелу Михаилу состоитъ въ томъ, что они подметаютъ дворъ, собираютъ въ лѣсу валежникъ для церковнаго старосты, возятся въ небольшомъ садикѣ, который развелъ староста при церкви. Для дюжины ребятишекъ это не большая работа, и они томятся отъ скуки, убивая время развѣ лишь въ какихъ-либо забавахъ. „Курати" бываютъ только мальчики.

Нѣчто вродѣ добровольнаго посвященія св. Георгію налагаютъ иногда на себя нѣкоторыя женщины; такія посвященныя называются „монеби" (ед. ч. „мона")—„рабыни", и бываютъ, кажется, единственно при церкви Тетри Георгія въ 12 верстахъ отъ Телава, въ виду чего онѣ называются „Тетри-Георгисъ монеби". Монеби время своего посвященія живутъ при церкви или въ сосѣднемъ селеніи, ходятъ въ бѣломъ и играютъ до нѣкото-

рой степени роль ворожей, посвященныхъ въ тайны умилостивленія св. Георгія и исполняющихъ въ нѣкоторомъ родѣ обязанности исповѣдницъ. Къ нимъ обращаются богомолки со своими горестями, и монеби добросовѣстно налагаютъ на нихъ эпитиміи, или, какъ здѣсь выражаются, „наказаніе". Питаются монеби приношеніями и дарами богомольцевъ; имъ-же поступаютъ бѣлыя рубахи и куски бѣлой матеріи, въ которыхъ приходятъ къ церкви богомольцы, наложившіе на себя обѣтъ притти на богомолье.

Таковы сохраняющіеся въ настоящее время затемненные уже отголоски практиковавшихся нѣкогда человѣческихъ жертвоприношеній.

Изъ другихъ видовъ жертвъ наиболѣе обычнымъ въ Кахетіи является принесеніе въ даръ божеству (или святому) животныхъ.

Жертвенный баранъ—неизбѣжная принадлежность почти всякаго религіознаго торжества. Въ большинствѣ случаевъ баранъ рѣжется, и земному представителю божества и святыхъ—священнику удѣляется часть зарѣзаннаго животнаго—шкура, лопатка, ножки. Но иногда церкви жертвуется живой баранъ. Такой баранъ обыкновенно намѣчается заранѣе по какому-либо случаю; въ знакъ посвященія у барана надрѣзывается правое ухо; съ этого момента посвященный баранъ („курати") становится неприкосновеннымъ; его нельзя ни зарѣзать, ни продать. Если-же баранъ „курати" околѣетъ, то немедленно замѣняется другимъ. Баранъ-„курати" свободно можетъ разгуливать по чужимъ пастбищамъ: его никто не зарѣжетъ, не присвоитъ, развѣ только прогонитъ. Въ обѣщанный день посвященнаго барана приводятъ къ церкви, обводятъ вокругъ, подводятъ къ священнику или монаху, который прижигаетъ у него свѣчей клокъ шерсти на лбу, и барана тащутъ въ загороженное мѣсто, какъ церковную собственность. Этотъ обычай, повидимому, все больше и больше предается забвенію. 15-го августа 1903 года въ храмовой праздникъ Тетри Георгія церкви пожертвовали живыхъ барановъ всего четыре или пять.

Кромѣ барановъ кахетинцы, пожалуй, даже съ большей охотой жертвуютъ церкви пѣтуховъ и куръ. Пожертвованную курицу у Тетри Георгія бросаютъ къ церковной стѣнѣ, или даже въ самой церкви на икону св. Георгія, чаще, однако, просто пускаютъ въ церковномъ дворѣ.

За три дня—15-го, 16-го и 17-го августа 1903 года, когда справлялся праздникъ Тетри-Георгія, зарѣзано 1050 барановъ и

три быка; отъ нихъ въ пользу церкви поступили шкуры; кромѣ того пожертвовано церкви четыре живыхъ барана и около ста куръ.

Таковы дары, удѣляемые св. Георгію скотоводческимъ хозяйствомъ. Своя доля поступаетъ и отъ плодовъ земли. Въ церковь Тетри-Георгія, какъ, вѣроятно, и въ нѣкоторыя другія почитаемыя мѣста, приносятъ вино для святого. Давшій обѣтъ побывать у Тетри-Георгія нерѣдко оставляетъ въ марани одинъ кувшинъ вина для св. Георгія. Это вино называется „зедаше". 15-го августа „зедаше" привозятъ на праздникъ Тетри-Георгія, отдѣляютъ изъ него бутылку, которую выливаютъ въ кувшинъ монаху, собирающему это вино, остальное выпиваютъ сами. У нѣкоторыхъ хозяевъ кувшинъ съ „зедаше" врытъ въ землю во дворѣ церкви Тетри-Георгія. Я насчиталъ семь такихъ кувшиновъ.

Тому-же Тетри-Георгію приносятъ арбузы, дыни, виноградъ.

Кромѣ того, въ даръ святому приносятъ также различные предметы хозяйственнаго обихода: кувшины для вина (около десятка разной величины кувшиновъ сложено у сарая во дворѣ церкви Тетри-Георгія), гвозди, куски желѣза, сломанные топоры, серпы и т. п. Приносятъ мелкія деньги, которыя кладутъ иногда у наружной стѣны церкви, или даже прикрываютъ землею, чтобы никто не могъ ими воспользоваться; въ церкви Мтаваръ-ангелози въ сел. Анагѣ имѣется нѣсколько оленьихъ роговъ; при другихъ церквахъ, напр., въ сел. Джимити, лежатъ рога козуль.

Въ формахъ религіознаго культа, въ формахъ поклоненія верховнымъ силамъ у кахетинцевъ также сохраняются остатки далекой старины, отъ которыхъ вѣетъ своеобразными воззрѣніями. Вотъ, напримѣръ, обрядности, которыя выполняетъ благочестивый кахетинецъ (а еще усерднѣе катехинка) у Тетри-Георгія. Прежде всего онъ покупаетъ одну или нѣсколько восковыхъ свѣчей и обходитъ съ ними три раза вокругъ церкви (противъ солнца), при чемъ цѣлуетъ четыре угла церкви. Иные обходятъ кругомъ церкви босые, нѣкоторые идутъ босикомъ за нѣсколько верстъ къ церкви (чаще это дѣлаютъ женщины). Затѣмъ, чувствующій себя въ чемъ-либо виновнымъ передъ Тетри-Георгіемъ, для умилостивленія его ползаетъ вокругъ церкви на четверенькахъ, какъ рабъ, недостойный стоять предъ лицомъ владыки; этого мало: чтобы еще осязательнѣе выразить свое униженіе передъ грознымъ владыкой и рабскую покорность, на шею навѣшиваютъ цѣпи и ползаютъ въ нихъ вокругъ жилища Тетри-Георгія. Какъ

смиренные подданные восточного повелителя, или униженные пѣшники и рабы, подъ тяжестью цѣпей проходятъ они или ползутъ на колѣнахъ передъ лицомъ могущественнаго, грознаго Тетри-Георгія. У церкви Тетри-Георгія съ правой стороны отъ входныхъ дверей лежатъ специально приспособленныя для такого употребленія двѣ желѣзныя цѣпи; одна вѣситъ около 1½ пуда, другая фунтовъ 7—8. Приношеніе оныхъ когда-то богомольцами. Подобнаго-же рода желѣзная цѣпь, какъ передавали мнѣ въ Гори, была, а, быть можетъ, и теперь еще цѣла, при монастырѣ Горисджвари, противъ Гори на горѣ. И такъ богомольцы накидывали ее на шею и обходили вокругъ церкви. Нѣчто по существу очень похожее продѣлывается и въ Имеретіи. Когда ребенокъ заболѣваетъ оспой, его мать вѣшаетъ себѣ на шею камень, ходитъ съ нимъ на колѣнахъ по комнатѣ и молится о выздоровленіи дитяти (м. Хони). Смыслъ этихъ церемоній одинъ—рабскимъ униженіемъ заслужить милосердіе грознаго владыки. Очевидно, владыка этотъ не христіанскій Богъ любви, а грозный деспотъ, созданный по образу земныхъ деспотическихъ владыкъ Востока. Для умилостивленія Тетри-Георгія прибѣгаютъ и еще къ одному виду униженія: богомолецъ распростирается ницъ лицомъ поперекъ церковнаго порога, и всѣ входящіе и выходящіе шагаютъ черезъ него. Другіе выполняемые у церкви обряды дополняютъ картину умилостивленія восточнаго деспота, любящаго раболѣпіе. У Тетри-Георгія богомольцы, покончивъ съ церемоніями внутри церковнаго двора, выходятъ за ворота и здѣсь продолжаютъ угождать св. Георгію. Толпа мужчинъ съ зурначами и дудуками впереди шествуетъ вокругъ церковной ограды. У воротъ ограды останавливаются, крестятся на церковь и начинаютъ плясать лезгинку. Женщины также съ зурначами и дудуками совершаютъ свое шествіе вокругъ церкви отдѣльно, при чемъ поютъ нѣчто монотонное, однообразное, иногда „іавъ, наво", иногда другія пѣсни.

Пляски, какъ одинъ изъ способовъ угожденія божеству, явленіе не рѣдкое у кавказскихъ народовъ; къ нему прибѣгаютъ армяне, черкесы и др. Нѣкоторыя особенно ревностныя богомолки берутъ у угловъ церкви по щепоткѣ земли и кладутъ въ ротъ; такого рода обычай—глотать святую землю—тоже извѣстенъ другимъ народамъ.

Этого достаточно, чтобы характеризовать сохранившіеся до настоящаго времени обломки первобытныхъ формъ культа среди кахетинскаго населенія. Перейдемъ теперь къ обзору религіоз-

ныхъ представленій и обычаевъ, выросшихъ на почвѣ различныхъ формъ хозяйственной дѣятельности. Хозяйственный строй народной жизни вмѣстѣ съ условіями окружающей природы представляетъ ту среду, подъ вліяніемъ которой зараждаются и вырастаютъ представленія и идеи религіозныя, моральныя и правовыя.

Земледѣльческіе обычаи. Хлѣбопашество издавна являлось главнымъ источникомъ существованія въ Кизикіи и Уканамхари; въ винодѣльческой части Кахетіи—Цинамхари оно также занимало видное мѣсто въ хозяйствѣ.

Хорошій или плохой урожай обусловливается причинами, которыхъ не въ силахъ ни создать, ни устранить первобытное хозяйство. Поэтому естественно долженъ былъ сложиться у народа тотъ взглядъ, что большая часть этихъ причинъ входитъ въ кругъ дѣятельности сверхъестественныхъ силъ. Значитъ, для успѣха въ земледѣліи нужно умѣть снискивать расположеніе этихъ сверхъестественныхъ силъ. Этимъ полезнымъ дѣломъ кахетинцы и по настоящее время занимаются не безъ нѣкоторой надежды на успѣхъ.

Умилостивленіе таинственныхъ силъ, обезпечивающихъ успѣхъ земледѣлія, начинается съ начала сельскохозяйственнаго года, т. е. съ весны. Прежде всего, чтобы полевыя работы были успѣшны, одинъ день, именно четвергъ масленицы посвящаютъ „Работѣ“, называя его „днемъ работы“. Во всякой работѣ, которую продѣлаешь въ этотъ день, будешь имѣть успѣхъ въ теченіе всего года,—поэтому крестьяне стараются въ этотъ день перепробовать всѣ виды работы, какими предстоитъ имъ заниматься въ теченіе года. Подобный способъ угожденія божеству или божествамъ работы—явленіе, довольно обычное и у другихъ народовъ. Такъ, продѣлываютъ всѣ виды своихъ работъ зыряне въ Великій Четвергъ [1]).

Важно затѣмъ съумѣть удачно выбрать время для каждой полевой работы. На произрастаніе хлѣбовъ, по мнѣнію кахетинцевъ, имѣютъ существенное вліяніе фазы луны; лучшимъ временемъ для начала работъ считается новолуніе.

Сѣять и садить что бы то ни было обязательно нужно въ новолуніе,—иначе не будетъ хорошихъ всходовъ. Начинать сборъ урожая всякихъ злаковъ, плодовъ и овощей тоже слѣдуетъ въ новолуніе,—иначе собранный продуктъ подвергнется порчѣ.

---

[1]) К. Поповъ—„Зыряне и Зырянскій край“, стр. 60.

3100
11

Одинъ изъ весеннихъ дней ради обезпеченія урожая посвящается Богу („самхто"—для Бога). Въ этотъ день не работаютъ.

„Самхто" или „самхтооба" представляетъ, вѣроятно, празднованіе божеству земледѣлія, имя котораго съ теченіемъ времени забыто. „Самхтообу" справляютъ также ремесленники разныхъ цеховъ, причемъ каждый цехъ выбираетъ для себя особый день. „Самхто" празднуется повсюду въ Грузіи, причемъ мужчины празднуютъ отдѣльно, а женщины отдѣльно на другой день послѣ мужчинъ (Горійскій уѣздъ). Празднованіе состоитъ въ веселой пирушкѣ.

Христіанское вліяніе выразилось въ земледѣльческихъ обычаяхъ въ слѣдующемъ. Въ Великомъ посту приглашаютъ священника отслужить въ полѣ молебенъ о ниспосланіи урожая. Второй разъ молебенъ въ полѣ служится передъ началомъ уборки хлѣба, чтобы благополучно окончить уборку. Христіанскому-же вліянію принадлежитъ кахетинское вѣрованіе—у кого Христосъ товарищемъ въ хлѣбопашествѣ, у того вожатый плуга (гутнисъ-деда, букв. „мать плуга") не свернетъ въ сторону („аргадаубрундеба") и не случится несчастья.

По окончаніи жатвы изъ послѣднихъ колосьевъ дѣлаютъ крестъ. Съ этимъ крестомъ, какъ знакомъ окончанія жатвы, первый жнецъ, или «месвеуре», является къ хозяину поля. Хозяинъ беретъ крестъ и въ награду даетъ, по обыкновенію, живого пѣтуха, а если особенно доволенъ жнецами, то и нѣсколько платковъ. Пѣтуха рѣжутъ, чтобы устроить пиръ, но, такъ какъ одного пѣтуха на 12—15 человѣкъ не хватитъ, то хозяинъ рѣжетъ барана, причемъ передовому жнецу—«месвеуре», въ знакъ особаго почета, даютъ голову и ножки. Крестъ изъ колосьевъ хозяинъ поля вѣшаетъ у себя въ домѣ (Телавскій уѣздъ) или кладетъ поверхъ хлѣба, когда его ссыпаютъ въ яму или амбаръ (Сигнахскій уѣздъ).

Борьба съ стихійными бѣдствіями, подрывающими земледѣльческое хозяйство, велась предками нынѣшнихъ кахетинцевъ исключительно суевѣрными средствами. По старой памяти, къ этимъ спасительнымъ средствамъ прибѣгаетъ еще и современное деревенское населеніе Кахетіи. Для прекращенія засухи кахетинцы устраиваютъ „дидебу", „гонджаобу" или шествіе къ какой-нибудь каменной бабѣ „кhалкhвѣ". „Дидеба"—это хожденіе народа изъ селенія въ селеніе съ пѣснями, призывающими дождь, про-

славляющими Бога и св. Илію, распорядителя дождя. Въ прежніе годы молельщики ходили босикомъ, чтобы тѣмъ сильнѣе растрогать повелителей небесныхъ водъ; пѣли пѣснопѣніе такого рода: „не хотимъ засохшихъ комьевъ земли: давай, Боже, грязи!“ („Агаръ минда горахи, гмерто, могве талахи! Дидеба, да дидеба, гмерца дидеба!“). Теперь „дидебу“ наблюдать не случается. „Гонджаоба“—хожденіе съ куклой (гонджа—кукла, букв. безобразное лицо). Дѣвушки или женщины дѣлаютъ куклу и ходятъ съ нею по деревнѣ, распѣвая старинную пѣсню „Лазаре“; поются между прочимъ слѣдующія слова: „о, св. Илья, что пригорюнился?! Бѣлыхъ козлятъ съ ягнятами мы тебѣ приносимъ; ты пошлешь дождь, а мы тебѣ зарѣжемъ козленка!“. Въ доброе старое время эти обѣщанія, разумѣется, благочестиво исполнялись, и св. Илья получалъ козленка, теперь-же ему предоставляется любоваться зрѣлищемъ, какъ участницы процессіи послѣ хожденія усаживаются пировать сами. Все нужное для пира онѣ собираютъ съ хозяевъ дворовъ, куда заходятъ съ куклой; даютъ деньги, яйца, муку, вино, сыръ и т. п. Куклу „Лазаре“ во время хожденія поливаютъ водою, причемъ достается, конечно, и участницамъ процессіи.

Въ мѣстностяхъ Кахетіи, гдѣ имѣются каменныя бабы—„кѣалкѣва“ (о нихъ см. ниже—„почитаніе камней“), народъ во время засухи направляется къ нимъ. Кизикія имѣетъ такую „кѣалкѣва“ въ сел. Бодбе. Къ ней и направляются молельщики. Здѣсь изъ толпы выступаетъ впередъ одинъ изъ Барнабовыхъ и обращается къ „кѣалкѣвѣ“ съ такими словами: «Амке, мамида, Барнабіанти варъ!» («Тетка, перевернись, я изъ фамиліи Барнабовыхъ»). «Кѣалкѣва», которая при жизни сама принадлежала къ фамиліи Барнабовыхъ, послѣ этого обращенія позволяетъ легко перевернуть себя на другую сторону, тогда какъ, не будь передъ ней Барнабова, по народному повѣрью, и тысяча человѣкъ не смогли бы сдвинуть каменной женщины съ мѣста. Повернувъ каменную бабу, молельщики поливаютъ ее водой, и тогда дождь обезпеченъ: скоро покажется туманъ, соберутся тучи, заволокутъ небо, и надъ погибавшей отъ засухи землей разразится давно желанный живительный дождь. Подобнаго же рода каменная женщина, извѣстная подъ поэтическимъ названіемъ «каменной невѣсты», лежитъ въ Коджорахъ, и, когда просятъ дождя, ее приподнимаютъ немного, а ужъ она позаботится оправдать довѣріе своихъ почитателей.

Хожденіе во время засухи съ куклой или чучеломъ практикуется у армянъ [1]), у темиргоевцевъ [2]), у кабардинцевъ [3]).

То же торжественное шествіе („дидеба"), а также хожденіе съ куклой или паломничество къ каменной бабѣ продѣлывается кахетинцами и въ случаѣ слишкомъ продолжительныхъ дождей, угрожающихъ погубить урожай. Разница заключается лишь въ томъ, что на этотъ случай поютъ другія слова: „не хотимъ грязи: дай, Боже, сухихъ комьевъ" [4]), или „о, Лазарь, Лазарь, сними съ неба тучи! Больше не желаемъ атмосферной влаги: Боже, дай намъ солнечный глазъ!" [5]).

Не забытъ кахетинцами и еще одинъ очень почтенный пріемъ вызыванія дождя. Это такъ называемое „запахиваніе дождя"—обрядъ, выполняемый женщинами. Нѣсколько женщинъ, иногда до 50 душъ и болѣе, впрягаются въ плугъ и тащатъ его по пересохшему руслу рѣчки, по *хеви*. Этотъ старинный магическій обрядъ былъ продѣланъ въ селеніи Шильда лѣтомъ 1902 года, въ сел. Земоходашени въ 1894 или 1895 году.

Въ прежніе годы эта церемонія продѣлывалась и въ Сигнахскомъ уѣздѣ. Вмѣсто „запахиванія" женщины въ Телавскомъ уѣздѣ иногда впрягаются въ ярмо и ходятъ въ немъ, испрашивая дождя. „Запахиваніе дождя"—обрядъ, прочно сохранившійся у многихъ народовъ. Онъ отмѣченъ во многихъ частяхъ Грузіи [6]), среди армянскаго населенія Зангезурскаго [7]) и Эчміадзинскаго уѣздовъ [8]), у тушинъ [9]), у лезгинъ. Въ этой вѣрѣ въ чудотворную силу процесса паханія сказывается то неизгладимое впечатлѣніе удивленія и восторга, которое произвело нѣкогда на человѣческую мысль первое примѣненіе плуга или сохи. Проводя первую борозду по дѣвственной почвѣ, плугъ оставлялъ въ то-же время неизгладимый слѣдъ и въ человѣческомъ сознаніи. Какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, пораженный благодѣтельными

---

[1]) „Сб. мат.", в. XIX, отд. II, стр. 80.
[2]) „Сб. мат.", вып. XVII, отд. II, стр. 178.
[3]) „Сб. мат.", вып. XXIX, отд. I, стр. 87 и 88.
[4]) „Этногр. Обозр.", кн. 45-я, ст. Талиба Кашежева.
[5]) „Сб. мат.", вып. XIX, отд. II, стр. 80.
[6]) „Сб. мат.", в. XVII, отд. II, стр. 149.
[7]) „Сб. мат.", XIII, I, 115.
[8]) „Сб. мат.", XVII, II, 178.
[9]) Р. Эристовъ—„О тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ" въ „Записк. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.", кн. III, 142.

свойствами новаго орудія, новаго пріема техники, человѣкъ въ своемъ воображеніи надѣлилъ его безпредѣльнымъ могуществомъ и необычайными качествами. Плугъ и соха стали казаться способными привлекать дождь, даже ограждать отъ болѣзней. Дѣйствительно, „опахиваніе" у многихъ народовъ считается вѣрнымъ средствомъ не допустить болѣзнь. Борозда, проведенная сохою, представляется народному воображенію непреодолимой преградой для вражеской силы, для духовъ болѣзни и т. п.

Таковы средства противъ бездождія, какъ и противъ излишней дождливости. Противъ дождливости кахетинцы прибѣгаютъ, впрочемъ, и къ нѣкоторымъ болѣе простымъ суевѣрнымъ средствамъ, въ родѣ записыванія на бумажку и чтенія вслухъ именъ двѣнадцати плѣшивыхъ и т. п.

Другимъ стихійнымъ бѣдствіемъ, могущимъ погубить урожай, является для Кахетіи градъ. Градъ для Кахетіи—страшный бичъ Божій, нерѣдко въ нѣсколько минутъ уничтожающій все достояніе крестьянина, разбивающій всѣ его мечты и надежды. Естественно, что мѣстное населеніе съ давнихъ поръ должно было искать средствъ для спасенія своихъ полей и виноградниковъ отъ этого бѣдствія. Но что могъ противопоставить невѣжественный кахетинскій крестьянинъ невѣдомой грозной стихіи? Создавъ фантастическія представленія о происхожденіи града, онъ придумалъ для борьбы съ нимъ и средства такія-же фантастическія.

Существующее въ Кахетіи воззрѣніе считаетъ градъ проявленіемъ гнѣва Божія или гнѣва св. Иліи, въ распоряженіи котораго находятся градъ, дождь, гроза. Разъ это такъ, то понятно, что единственное вѣрное средство противъ града должно состоять въ умилостивленіи небесныхъ владыкъ. Способы умилостивленія въ данномъ случаѣ бываютъ весьма разнообразны: видно, что народъ въ своей безпомощности бросался отъ одного суевѣрнаго средства къ другому, тщетно ища въ нихъ защиты противъ грознаго бѣдствія. Такъ, народъ установилъ обычай праздновать нѣкоторые дни для умилостивленія повелителей града. Начиная съ Ѳоминой недѣли до начала уборки ячменя празднуютъ понедѣльники; это такъ называемый «ячменный праздникъ», назначеніе котораго предотвращать градъ, а заодно съ нимъ и другія сельскохозяйственныя невзгоды. Въ маѣ мѣсяцѣ устраивается кромѣ того спеціальное празднество ради спасенія отъ града; этотъ праздникъ называется „кохіаоба" (*кохи*—градъ) или „кохинджвроба". Празднество это устраивается 8-го мая. Крестьяне, пригласивъ священ-

ника, обходятъ босые вокругъ селенія, у церквей останавливаются, и священникъ служитъ краткое молебствіе. Всѣхъ присоединяющихся къ процессіи прежде заставляли снимать обувь; теперь обходятся безъ этого, но женщины по-прежнему шествуютъ въ этой процессіи босыя. Случается, конечно, что простуживаются и болѣютъ послѣ такого хожденія. Моленіе заканчивается, какъ всегда, шумнымъ обѣдомъ. Иногда празднество тянется три дня—7-го, 8-го и 9-го мая. Въ Карталиніи эти-же три дня празднуются подъ различными названіями: 7-го мая—„вардооба“ (праздникъ розъ), 8-го—„горатоба“ (праздникъ св. Георгія), 9-го—„кохинджвроба“. Чтобы снискать особое расположеніе св. пророка Иліи, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ во время давки вина наполняютъ одинъ кувшинъ на имя св. пророка. Кувшинъ этотъ сохраняется нетронутымъ до 20-го іюля будущаго года, и тогда распиваютъ его въ честь и ради умилостивленія пророка, повелителя грозныхъ стихій.

Стараясь избѣжать всего, что могло-бы навлечь градъ, въ Кизикіи и Уканамхари еще въ недавнее время не допускали женщинъ въ церковь во время пасхальной заутрени, такъ какъ, по мнѣнію свѣдущихъ въ подобныхъ дѣлахъ стариковъ, присутствіе женщины во время этой службы въ церкви непремѣнно наказывается градомъ. Предубѣжденіе противъ посѣщенія женщинами храма представляетъ несомнѣнный отголосокъ мусульманства, вліяніе котораго было достаточно глубоко и прочно въ Кахетіи, но христіанскій народъ, не видя иныхъ основаній для этого запрета, связалъ его съ хроническимъ мѣстнымъ бѣдствіемъ—градобитіями. Такой-же запретъ посѣщать женщинамъ церковную службу въ первый день Пасхи еще и теперь примѣняется въ нѣкоторыхъ глухихъ селахъ Карталиніи, и тоже для того, чтобы не было града.

Кромѣ стихійныхъ бѣдствій посѣвамъ могутъ угрожать грызуны и нѣкоторыя птицы и насѣкомыя. Дѣйствительныхъ средствъ для борьбы съ этими вредителями въ распоряженіи кахетинца прежнихъ временъ не было, и потому пришлось и тутъ прибѣгнуть къ умилостивленію своихъ недруговъ. Однажды въ годъ, а именно весною установился обычай устраивать нѣкоторое подобіе угощенія вреднымъ животнымъ, чтобы задобрить ихъ на весь годъ. День мышей („тагво-тагво“) справляется въ понедѣльникъ масленицы. Въ тотъ-же день кормятъ воробьевъ, чтобъ они весь годъ были сыты и не портили посѣвовъ: изъ пшеницы варятъ кашу и разставляютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ-бы воробьи свободно могли

клевать. Кашу, называемую «птичьей» («читисъ-папа»), дѣлятъ, какъ разсказывали въ Кизикіи, на столько отдѣльныхъ частей, сколько у даннаго хозяина земельныхъ участковъ.

Въ среду масленицы—«праздникъ насѣкомыхъ». Крестьяне не работаютъ въ этотъ день, въ честь вредныхъ насѣкомыхъ, чтобъ они не вредили посѣвамъ.

Кромѣ того, чтобы птицы, крысы, черви не причиняли вреда нивамъ, пахарь во время посѣва бросаетъ часть сѣмянъ со словами: „это червямъ, это крысамъ, это птицамъ“ [1]).

Къ печеному хлѣбу кахетинцы питаютъ благоговѣйное почтеніе, какъ исконные земледѣльцы. Положить хлѣбъ верхнею стороною внизъ считаютъ они грѣхомъ и не могутъ равнодушно видѣть подобнаго неуваженія къ хлѣбу: «переверни,—нехорошо!» Если-же случится, что кусокъ хлѣба упадетъ на землю, благочестивый кахетинецъ спѣшитъ поднять его и, какъ бы прося извинить за допущенную неловкость, цѣлуетъ упавшій кусокъ.

Распространенный въ Кахетіи разсказъ первоначальное происхожденіе грома приписываетъ гнѣву Божію за осквернение хлѣба, которое нѣкогда позволила себѣ одна женщина, употребившая лавашъ вмѣсто тряпки, чтобъ обтереть испачкавшагося ребенка. Разгнѣванный этимъ поступкомъ, Богъ удалилъ отъ нечестивцевъ-людей Свое жилище—небо, и съ нимъ удалился Самъ на недосягаемую высоту. Съ тѣхъ поръ навсегда миновали для человѣчества счастливые дни непосредственныхъ сношеній съ Божествомъ.

Несмотря, однако, на самое ревностное выполненіе цѣлаго ряда предохранительныхъ обрядностей, градъ все таки производитъ свои опустошенія. Тогда приходится прибѣгать къ новымъ средствамъ, чтобы отогнать или остановить градъ. Средства эти очень разнообразны. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ для этого звонятъ въ церковные колокола. Такъ звонили въ г. Сигнахѣ во время сильнаго града 1-го іюля 1903 г. Вѣра въ колокольный звонъ объясняется народомъ очень просто. Св. Илья гонитъ по небу градовую тучу и прислушивается: гдѣ звонятъ въ колокола, тамъ живутъ христіане; Илья пощадитъ ихъ имущество и пойдетъ съ тучей дальше. Такъ объясняли въ сел. Карданахи. Въ Уканамхари къ колокольному звону въ послѣднее время стали относиться скептически и сочинили иную теорію. Илья не разбираетъ, христіане живутъ

---

[1]) А. Хахановъ—„Земледѣл. обычаи крест. въ Кахетіи“ въ „Этнограф. Об.“.

или не христіане; слышитъ звонъ,—значитъ, кто-то есть, и начинаетъ бить. Въ другихъ мѣстахъ градъ пробуютъ прогонять стрѣльбой изъ ружей, расчитывая на его трусость: вѣдь прогоняютъ-же выстрѣлами дракона (*ивлашапи*), пожирающаго луну, когда бываетъ затменіе. Женщины для прекращенія града зажигаютъ свѣчи, съ которыми были у пасхальной заутрени, выбрасываютъ изъ дома на дворъ золу, бросаютъ треножникъ—„пусть бьетъ треножникъ и не трогаетъ виноградныхъ лозъ", или вмѣсто треножника выбрасываютъ шампуръ.

Характерная черта низшихъ ступеней культуры—страхъ передъ нововведеніями въ хозяйствѣ—наблюдается и у кахетинцевъ. Лѣченіе виноградныхъ лозъ купоросомъ и сѣрой на первыхъ порахъ было встрѣчено очень недовѣрчиво. Лѣчить виноградникъ казалось старозавѣтному кахетинцу преступленіемъ противъ божества; появились прорицательницы, которыя внушали деревенскому люду, что имъ являлся во снѣ Богъ или св. Георгій и приказалъ сказать всѣмъ, что лѣчить лозы грѣхъ. Градъ и другія бѣдствія нерѣдко объясняли, какъ наказаніе Божіе за лѣченіе виноградниковъ. Въ Телавскомъ уѣздѣ находились прозорливцы, которые умудрялись видѣть въ градинахъ изображеніе человѣка съ аппаратомъ Вермореля за спиною; это, по ихъ мнѣнію, означало, что градъ есть кара Божія за лѣченіе. Постепенно, однако, враждебное отношеніе къ лѣченію улеглось и смѣнилось признаніемъ пользы лѣченія.

Теперь только старухи-гадалки да одинокіе защитники старины продолжаютъ считать лѣченіе виноградниковъ грѣхомъ. Менѣе продолжительнымъ недовѣріемъ встрѣчено было кахетинцами появленіе въ 1902 году градобойныхъ мортиръ. Сначала раздавались неодобрительные голоса, что выставлять противъ Бога и св. Иліи пушки—дѣло недоброе, грѣхъ затѣвать борьбу съ волею неба, но скоро, когда первые опыты мортирной стрѣльбы оказались удачными, предубѣжденіе и суевѣрный ужасъ уступили мѣсто признанію практической пригодности новаго способа борьбы съ градомъ, и уже въ слѣдующемъ году градобойныя мортиры появляются во многихъ селеніяхъ Кахетіи, не вызывая протеста.

Обычаи и вѣрованія, относящіеся къ скотоводству. Скотоводство въ настоящее время имѣетъ для Кахетіи второстепенное значеніе, размѣры его сокращаются. Однако, въ прежнее время скотоводство играло болѣе видную роль въ кахетинскомъ хозяйствѣ

и успѣло оставить свои слѣды въ религіозной и обрядовой жизни кахетинца. Вѣроятно, въ эпоху язычества существовали божества—покровители пастуховъ и скота, къ которымъ обращались съ молитвами о благополучіи стадъ, но послѣ введенія христіанства память объ этихъ добрыхъ духахъ утратилась, и жертвы, которыя приносились имъ, стали приноситься христіанскому Богу.

Передъ отправленіемъ на лѣтнія пастбища старшій пастухъ стада—„саркали“ собираетъ остальныхъ пастуховъ и приглашаетъ священника отслужить обѣдню, чтобы испросить благополучія стаду. Въ качествѣ жертвы посылается священнику одинъ баранъ, который поступаетъ въ пользу причта; кромѣ того, за совершеніе службы священнику уплачивается особо. Для себя пастухи рѣжутъ барана и садятся обѣдать. Всякаго, кому случится проходить мимо, пастухи считаютъ долгомъ угостить. Такой-же обѣдъ устраиваютъ пастухи, когда спустятся съ лѣтнихъ пастбищъ. Священникъ служитъ обѣдню; рѣжутъ барана; кожа и передняя лопатка поступаютъ въ пользу священника, остальное съѣдается. Барашекъ этотъ является благодарственной жертвой и называется „самхто“—„для Бога“.

При началѣ стрижки рѣжутъ одного барашка, и мясо его раздаютъ бѣднымъ. Первую собранную шерсть—около полпуда или пудъ—также непремѣнно раздаютъ бѣднымъ (Телавскій уѣздъ).

Занятіе скотоводствомъ между прочимъ направило вниманіе пастуховъ на нѣкоторыя метеорологическія и атмосферныя явленія, которыя такъ или иначе могутъ вліять на скотъ. Наиболѣе опаснымъ временемъ для мелкаго скота считается мартъ. Мартъ кахетинцы представляютъ въ видѣ живого существа, злобнаго и капризнаго. Онъ всячески старается повредить людямъ, погубить ихъ овецъ и козъ. Злоба его заходитъ настолько далеко, что онъ не удовлетворяется положеннымъ ему тридцать однимъ днемъ, а занимаетъ еще три дня у добродушнаго апрѣля, чтобы хотя въ эти дни окончательно извести людей; вотъ почему первые три дня апрѣля особенно опасны для мелкаго скота.

Фазы луны, по понятіямъ кахетинцевъ, имѣютъ на скотъ свое вліяніе. И здѣсь, какъ и въ земледѣліи, счастливымъ временемъ считается новолуніе. Если, напримѣръ, дѣлать мѣтки на барантѣ (надрѣзы на ушахъ) не въ новолуніе, то въ ушахъ у скота заведутся черви.

Свѣжая лопатка быка или барана считается, какъ и у многихъ народовъ, прекраснымъ предметомъ для гаданья. Для этой

надобности только что обглоданная лопатка очищается отъ остатковъ мяса и жилъ, и по черточкамъ и жилкамъ, просвѣчивающимъ сквозь костный покровъ, предсказываютъ будущее, узнаютъ прошлое и т. п. Гаданья эти и въ настоящее время пользуются достаточнымъ довѣріемъ въ кахетинскихъ деревняхъ и потому практикуются повсюду. Гаданья по лопаткѣ быка и особенно барана практикуются у большинства кавказскихъ народовъ: у карачаевцевъ, чеченцевъ [1]) и др.

Въ свое время прирученіе животныхъ, положившее начало скотоводству, явилось источникомъ многочисленныхъ выгодъ для человѣка. Домашній скотъ выступаетъ въ роли благодѣтеля человѣчества. Легко поражающемуся уму первобытнаго человѣка, жадно ищущаго себѣ защитниковъ и друзей для борьбы съ одолѣвавшими его невзгодами, ничего не стоило приписать скоту и предметамъ скотоводства сверхъестественныя силы, дѣйствующія на благо человѣку. Черепа домашнихъ животныхъ, рога, копыта, шерсть,—все въ глазахъ первобытнаго человѣка обладаетъ магическими свойствами. Особенно распространена вѣра въ чудодѣйственную силу череповъ. Черепа вѣшаютъ на изгородяхъ и заборахъ, чтобы привлечь благополучіе хозяйству, и предохранить отъ дѣйствія вражескихъ силъ, дурного глаза и т. п. Такіе черепа коровъ, барановъ и лошадей можно видѣть въ Кахетіи, въ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, у абхазцевъ, карачаевцевъ, осетинъ, абазинцевъ и др. Обычай вѣшать черепа придерживаются также армяне [2]), татары и персы [3]), болгары, литовцы [4]) и мн. другіе.

Лошадиные черепа въ Кахетіи встрѣчаются на плетняхъ гораздо рѣже бычачьихъ: это значитъ, что имъ, какъ охранителямъ хозяйства, придается меньше довѣрія. О самихъ лошадяхъ патріархальные кахетинцы были, однако, довольно высокаго мнѣнія. И теперь старики могутъ разсказать немало чудеснаго относительно лошади. Въ народныхъ легендахъ о былыхъ герояхъ лошадь представляется способной предчувствовать угрожающее хозяину ея несчастье. Въ такихъ случаяхъ лошадь фыркаетъ и

---

[1]) А. Ипполитовъ, въ „Сб. свѣдѣн. о кавказск. горцахъ", вып. стр. 19.

[2]) „Сб. мат.", XIII, отд. I, стр. 114.

[3]) И. Зейдлицъ—„Русск. Вѣсти.", 1867 г., августъ.

[4]) Гакстгаузенъ—„Закавказскій край", ч. II, стр. 125.

бьетъ о землю ногой, или подходитъ къ хозяину и нагибаетъ спину, какъ-бы желая сказать: „садись!“ Таковы были по народнымъ сказаніямъ лошади въ старину.

Скотоводство находится въ близкой связи съ земледѣліемъ, такъ какъ обрабатывать поле безъ рабочаго скота трудно; рабочій скотъ въ глазахъ кахетинца-земледѣльца имѣетъ поэтому особую важность и даже нѣкоторую святость, какъ другъ и помощникъ человѣка. Въ благодарность за помощь въ хозяйствѣ кахетинскій крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ строго держится обычая давать въ праздничные дни отдыхъ скоту. Сельскія общества составляютъ иногда приговоры, которыми постановляютъ штрафовать тѣхъ, кто будетъ принуждать скотъ работать въ праздники. Человѣкъ, не дающій скоту праздничнаго отдыха, считается безбожникомъ.

Почтительное отношеніе къ рабочему скоту выражается и въ нѣкоторыхъ иныхъ воззрѣніяхъ. То мѣсто шеи у быка, на которое кладется ярмо (оно называется „кеди“), почитается кахетинцами священнымъ и имъ клянутся.

Заканчивая обзоръ народныхъ вѣрованій и обычаевъ Кахетіи, связанныхъ со скотоводствомъ, отмѣтимъ нѣкоторые зачатки культа собаки, этого перваго по времени домашняго животнаго человѣка. Въ настоящее время невозможно установить съ достаточною вѣроятностью, въ какой мѣрѣ существующія въ Кахетіи зачаточныя формы почитанія собаки обязаны своимъ происхожденіемъ самостоятельному развитію народныхъ воззрѣній и насколько возникновеніе ихъ должно быть приписано вліянію издавна проникшаго въ Грузію ученія Зороастра. Во всякомъ случаѣ, возможность независимаго развитія подобныхъ воззрѣній ничѣмъ не исключается, такъ какъ почитаніе собаки самостоятельно возникало у всѣхъ скотоводческихъ народовъ, для которыхъ собака является незамѣнимымъ помощникомъ, вѣрнымъ стражемъ стадъ. Въ хозяйствѣ кахетинцевъ слишкомъ рано на первый планъ выступило земледѣліе, поэтому почитаніе собаки—эта религія пастуховъ—не успѣло пустить прочныхъ корней. Въ настоящее время можно отмѣтить лишь слабые намеки на этотъ родъ культа. Плохое обращеніе съ собакой считается грѣхомъ. Во время похоронъ умершаго первый испеченный для похороннаго обѣда хлѣбъ бросаютъ собакѣ, чтобъ она простила умершему, если онъ при жизни чѣмъ либо ее обидѣлъ.—Нѣкоторое сходство съ этимъ обычаемъ представляетъ обыкновеніе имеретинъ при началѣ обѣда первый ко-

мочекъ гоми бросать собакѣ, а также и существующій въ Россіи обычай отдавать собакѣ первый блинъ.

Собака представляется кахетинцамъ, какъ и многимъ другимъ народамъ, обладающей способностью предчувствовать несчастье, видѣть его приближеніе; вой собаки оповѣщаетъ объ этомъ. Кахетинцы обыкновенно полагаютъ, что вой собаки предвѣщаетъ смерть одного изъ домашнихъ. Чтобы отстранить эту бѣду, нужно заставить собаку замолчать, побить ее, въ крайнемъ случаѣ даже убить [1]). Повидимому, въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто тотъ-же пріемъ мышленія, какимъ пришли къ необходимости убивать пѣтуха, закричавшаго въ необычное время: смерть животнаго замѣнитъ смерть того человѣка, которому она угрожала. Здѣсь обнаруживается практическое безсиліе робкихъ зачатковъ почитанія собаки. Животное, дурное обращеніе съ которымъ считается грѣхомъ, можетъ быть убито безъ зазрѣнія совѣсти потому только, что оно якобы предвѣщаетъ несчастье человѣку. Ясно, что кахетинцы далеки отъ слѣдованія ученію Авесты, которое говоритъ: „кто убьетъ одну изъ этихъ собакъ—пастушью, деревенскую, охотничью и обученную, то душа, полная страха и болѣзни, идетъ изъ этого нашего міра въ міръ надземный.... и не можетъ другая душа его душѣ по смерти оказать помощь, ибо страхъ и ужасъ внушаетъ она и тому міру и не помогаютъ ей обѣ собаки, стерегущія мостъ (Чинватъ) послѣ смерти, ради страха и ужаса, наводимаго ею“ [2]).

Охота. Охота, какъ занятіе, въ которомъ успѣхъ въ значительной мѣрѣ обусловливается рядомъ случайностей, у всѣхъ народовъ создавала вокругъ себя многочисленныя суевѣрія, вызываемыя желаніемъ расположить въ пользу охотника виновниковъ случайностей—невидимыхъ духовъ. Для кахетинскаго населенія охота никогда не была важнымъ занятіемъ и потому не могла оставить замѣтныхъ слѣдовъ въ народныхъ воззрѣніяхъ. Ни духовъ-покровителей охотниковъ, какъ ингушскій одноглазый Елта [3]) или осетинскій Овсати [4]), ни особыхъ моленій, имѣющихъ связь съ охотой, здѣсь не знаютъ; кахетинскій охотникъ огра-

[1]) Приведено въ „Сб. мат.“, вып. XIX, отд. II, стр. 90.

[2]) Вс. Ѳ. Миллеръ—„Значеніе собаки въ миѳологическихъ вѣрованіяхъ“, „Древности“, т. IV, 1876 г.

[3]) Далгатъ—„Первобытная религія чеченцевъ“, стр. 118, а также „Сборн. св. о кавк. горц.“, вып. VIII, ст. Чахъ Ахріева, стр. 14.

[4]) Гатіевъ въ „Сб. свѣд. о кавк. горц.“, вып. IX, стр. 58—60.

ничивается выполненіемъ незначительныхъ обрядностей и строгимъ наблюденіемъ примѣтъ. Прежде чѣмъ отправиться на охоту, кахетинецъ заколдовываетъ ружье: для этого онъ или самъ прочитываетъ соотвѣтствующія заклинанія, или обращается къ опытной въ такихъ дѣлахъ старухѣ; затѣмъ начинается рядъ предосторожностей. Съ утра охотникъ не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова; молчаніе служитъ какъ-бы очистительнымъ средствомъ; поэтому, если бы встрѣчный вздумалъ заговорить, или поздороваться съ отправляющимся въ путь охотникомъ, отвѣта онъ не получитъ; никто обыкновенно и не заговариваетъ съ идущими на охоту, зная существующія понятія; собирающійся на охоту часто самъ съ вечера предупреждаетъ сосѣдей, чтобы не испортили дѣла. Воззрѣніе, знакомое не однимъ кахетинцамъ. Если гурійцу, отправляющемуся на рыбную ловлю, сказать „гамарджоба“ (*побѣда, успѣхъ*), то успѣха у него не будетъ [1]). Большія предосторожности требуются въ отношеніи встрѣчъ. Самое лучшее—никого не встрѣтить, а для этого надо пораньше выйти,—обстоятельство, само по себѣ могущее имѣть значеніе для успѣха. Неудачу предвѣщаетъ встрѣча со священникомъ, съ покойникомъ, съ человѣкомъ съ сѣрыми глазами, съ козломъ, шакаломъ; неудачу предвѣщаетъ, если дорогу перебѣжитъ лиса. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ немедленно плюнуть или перевернуть первый попавшійся камень,—тогда неудачи, поскольку ее сулили эти примѣты, не будетъ.

Замѣчательно, что лиса, являющаяся въ другихъ случаяхъ вѣстникомъ успѣха, охотникамъ предвѣщаетъ неудачу.

Но особенно непріятно для охотника, если встрѣчный спроситъ: „куда идешь?“—или пожелаетъ счастливой охоты. Тогда лучше вернуться. Выполнивъ всѣ предосторожности, охотникъ идетъ съ полной увѣренностью въ успѣхѣ. Если-же и послѣ этого его постигнетъ неудача,—значитъ, произошло какое-либо упущеніе: быть можетъ, шакалъ, котораго охотникъ не замѣтилъ, сглазилъ ружье, или посмотрѣлъ сѣроглазый человѣкъ, или еще что-либо въ этомъ родѣ.

Изъ убитой крупной дичи голова и рога принадлежатъ тому, кто убилъ животное. Остальное дѣлится поровну между всѣми участниками охоты, кромѣ одной части, которая выдѣляется для бѣдныхъ. По возвращеніи съ охоты „доля бѣдняковъ“ разсылается по домамъ бѣднѣйшихъ сельчанъ. Этотъ прекрасный обычай

[1]) „Сб. мат.“, XVII, отд. II, стр. 118.

является однимъ изъ отголосковъ первобытнаго общиннаго хозяйства, когда все, добытое тѣмъ или инымъ членомъ общины, составляло достояніе всей общины. Охотники до сихъ поръ удержали воспоминаніе объ этомъ давно минувшемъ строѣ, руководствуясь, быть можетъ, соображеніемъ, что отъ исполненія этого давнишняго обычая зависитъ успѣхъ на охотѣ.

Изъ относящихся къ охотѣ повѣрій отмѣтимъ еще слѣдующее: если роженицѣ дать дичи, особенно-же заячьяго мяса, то ружье не будетъ попадать въ цѣль (сел. Шильда Телавск. у.).

Культъ желѣза. Начало употребленія желѣза знаменуетъ собою одинъ изъ крупнѣйшихъ шаговъ на пути къ освобожденію человѣка изъ подъ власти природы; естественно, что это драгоцѣнное пріобрѣтеніе человѣческой культуры произвело глубокій переворотъ въ системѣ примитивнаго міровоззрѣнія, выросшаго и расцвѣтшаго въ сумрачной обстановкѣ эпохи камня, кости и дерева. Обладаніе желѣзнымъ оружіемъ кореннымъ образомъ измѣнило для человѣка условія борьбы за существованіе. Только теперь человѣкъ могъ почувствовать себя господиномъ и царемъ природы, и благоговѣніе его передъ своимъ благодѣтелемъ—желѣзомъ не имѣло границъ. Первый кователь желѣза былъ отнесенъ въ разрядъ божественныхъ существъ, и самому желѣзу приписаны были чудесныя магическія свойства. Имени перваго кузнеца грузины не сохранили; божества-покровителя кузнецовъ въ настоящее время не знаютъ, но одинъ старинный обычай указываетъ на зачатки служенія этому божеству и обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣру въ волшебное могущество кузнечнаго дѣла. Обычай этотъ находится въ связи съ извѣстною легендою объ Амиранѣ. Амиранъ (Аримань персидской миѳологіи)—олицетвореніе враждебныхъ человѣчеству темныхъ силъ, побѣжденныхъ съ появленіемъ желѣза. Опозоренный, униженный, томится онъ съ тѣхъ поръ въ недоступной пещерѣ Эльбруса, прикованный къ скалѣ желѣзною цѣпью, и свирѣпой ненавистью къ врагамъ своимъ—кузнецамъ пылаетъ его злобное сердце. Никто не трепещетъ передъ нимъ и не приноситъ къ ногамъ его умилостивительныхъ даровъ, и только вѣрная собачка пытается освободить своего несчастнаго господина и неустанно лижетъ цѣпь. Стирается твердое желѣзо, вотъ-вотъ вырвется Амиранъ на свободу, тогда смететъ онъ съ лица земли кузнецовъ, пылью развѣетъ ненавистныя ему кузницы... Уже близка желанная минута... Но кузнецы не забываютъ своего врага. Ежегодно въ Великій четвергъ, рано утромъ,

когда цѣпь Амирана приходитъ къ концу, грузинскіе кузнецы благочестиво отворяютъ кузницы и натощакъ бьютъ три раза молотомъ по наковальнѣ. Мгновенно цѣпь Амирана становится толстой и прочной... По-прежнему томится въ мрачной пещерѣ свирѣпый Амиранъ, и только вѣрная собачка неустанно лижетъ его желѣзныя оковы. Церемонію посѣщенія натощакъ кузницы и удары по наковальнѣ слѣдуетъ понимать, какъ зачаточную форму служенія покровителю кузнечнаго ремесла.

Легенда объ Амиранѣ, врагѣ кузнецовъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ въ сказаніяхъ кавказскихъ народовъ. У армянъ онъ называется Артаваздъ.

Другіе зачатки культа кузнечнаго ремесла находимъ въ слѣдующихъ обычаяхъ. Въ недавнее сравнительно время наканунѣ Рождества Христова всѣ кузнецы Телава собирались и выполняли нѣкоторыя обрядности, между прочимъ кланялись цеховому знамени, на которомъ изображенъ кузнецъ, растягивающій руками полосу раскаленнаго желѣза. Кромѣ этого годичнаго обряда и понынѣ повсюду въ Кахетіи исполняется обрядъ еженедѣльный. Каждую субботу на наковальняхъ въ кузницахъ зажигаются восковыя свѣчи, и каждый подмастерье долженъ становиться на колѣни и цѣловать наковальню.

Сверхъестественными свойствами народъ надѣляетъ и желѣзо. Въ Телавскомъ, а равно и въ Сигнахскомъ уѣздахъ мы встрѣчаемся съ вѣрованіемъ, что нечистая сила боится желѣза; такъ, желая предохранить ребенка отъ вліянія нечистой силы, въ колыбель ему кладутъ куски желѣза [1]). Еще лучше, чѣмъ безформенные куски желѣза, дѣйствуютъ противъ козней злыхъ духовъ различные желѣзные предметы, особенно острые—ножъ, кинжалъ, топоръ и т. п. Во время родовъ около родильницы кладутъ кинжалъ, топоръ, ножъ и т. п., или подъ голову ея кладутъ маленькій ножикъ, чтобы отгонять злыхъ духовъ (с. Джимити Сигнахскаго уѣзда). Когда ночью идутъ куда-нибудь съ ребенкомъ, къ нему въ пеленки кладутъ ножикъ и уголь, чтобы оградить его отъ „порчи“, происходящей отъ дѣйствія злыхъ духовъ. Около умершаго, пока онъ находится въ домѣ, кладутъ топоръ, ножъ, кинжалъ или сѣкиру, чтобы злые духи не причинили вреда покойнику и гіена не откусила ему носа (сел. Бодбисъ-хеви Сигнахскаго уѣзда). Въ другихъ мѣстахъ (сел. Джимити Сигнахскаго

[1]) Приведено въ „Сб. мат.“, вып. XIX, отд. II, стр. 81.

уѣзда) желѣзное орудіе—топоръ или кинжалъ кладутъ послѣ выноса покойника на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ. Въ Телавскомъ уѣздѣ на грудь покойника, пока онъ находится въ домѣ, кладутъ лошадиную подкову изъ боязни, чтобы еще кто-нибудь въ домѣ не умеръ. Желѣзной подковѣ вообще приписываются необыкновенныя качества. Какъ и у другихъ народовъ, найденная подкова считается грузинами вѣстникомъ счастья; чтобы удержать при себѣ это счастье, подкову прибиваютъ къ порогу дома и еще чаще къ порогу лавки,—тогда будетъ хорошая торговля. По другому объясненію, подкову прибиваютъ для того, чтобы долго жить на данномъ мѣстѣ, или долго торговать въ лавкѣ (Телавскій уѣздъ).

Для излѣченія отъ испуга подъ голову кладутъ ножъ и читаютъ соотвѣтствующее заклинаніе.

Въ Великій четвергъ кахетинскіе кузнецы дѣлаютъ маленькіе молотки и топоры разныхъ видовъ и вѣшаютъ (а также снабжаютъ и другихъ для этой цѣли) на люлькѣ, чтобы отгонять злыхъ духовъ отъ ребенка.

Мать, у которой мрутъ дѣти, заказываетъ въ Великій четвергъ кузнецу желѣзное кольцо и носитъ его потомъ постоянно на рукѣ,—дѣти не будутъ умирать.

Обстоятельства, при которыхъ кахетинцы находятъ полезнымъ прибѣгать къ чудодѣйственной мощи желѣза и желѣзныхъ орудій, многочисленны. Кинжалами отгоняютъ злыхъ духовъ и разрушаютъ козни недоброжелателей во время обряда вѣнчанія; ножъ съ черною рукояткою употребляется почти при всякомъ суевѣрномъ лѣченіи болѣзни. Такое-же довѣріе къ сверхъестественнымъ силамъ желѣзныхъ предметовъ питаютъ и другіе народы Кавказа. Есть, однако, основанія предполагать, что при первоначальномъ своемъ появленіи желѣзо, какъ и всякое другое новшество, должно было выдержать нѣкоторую, можетъ быть, упорную борьбу съ освященными вѣками привычками и воззрѣніями, и въ область религіознаго культа и суевѣрной обрядности проникло значительно позже того, какъ прочно утвердилось въ обиходѣ практической жизни. Извѣстно, что египтяне, пользовавшіеся въ обыденной жизни металлическими орудіями, избѣгали ихъ въ области, относящейся къ культу, и вскрытіе труповъ для бальзамированія производили каменнымъ ножемъ; по тѣмъ-же побужденіямъ евреи каменнымъ ножомъ совершали обрѣзаніе: только древнее священно, новое—противно богамъ. Кахетинцы, слѣдуя той-же логикѣ, считаютъ грѣхомъ рѣзать ножомъ хлѣбъ, священный даръ Божій, ко-

торый ихъ предки ломали руками. И нынѣшніе, вѣрные завѣтамъ старины, кахетинцы ломаютъ хлѣбъ руками. Благочестивую боязнь осквернить хлѣбъ прикосновеніемъ ножа, встрѣчаемъ и у другихъ народовъ. Армяне Зангезурскаго уѣзда противъ разрѣзыванія хлѣба ножомъ выставляютъ два соображенія: во-первыхъ, это непріятно Богу; во вторыхъ, черезъ это настанетъ дороговизна [1]). У чувашъ при заключеніи свадебнаго договора родители жениха ставятъ на столъ для угощенія гостинцы; дѣвушки разламываютъ ихъ на кусочки, но ни въ какомъ случаѣ не рѣжутъ ножомъ [2]). Ножъ считается непригоднымъ и въ другихъ случаяхъ. Бѣлорусы Минской губерніи не рѣжутъ ножомъ святой свѣчки (страстной, срѣтенской и др.), а всегда откусываютъ воскъ зубами [3]). Алеуты и эскимосы послѣ выхода послѣрода перегрызаютъ пуповину зубами, иногда перерѣзываютъ острою раковиною, но никогда ножемъ или ножницами [4]). У ацтековъ въ Мексикѣ при принесеніи плѣнника въ жертву жрецъ вырѣзывалъ ему грудь ножемъ изъ обсидіана [5]).

Свѣтила, небо, источники. Вѣрованій и обычаевъ, въ которыхъ отражается распространенное нѣкогда въ Грузіи почитаніе небесныхъ свѣтилъ, среди нынѣшнихъ кахетинцевъ сохранилось, повидимому, немного. Существуетъ смутное представленіе, что солнце—живое существо. У грузинъ языческой эпохи солнце, какъ извѣстно, пользовалось божескимъ поклоненіемъ; теперь уцѣлѣли лишь слабые отголоски прошлаго: такъ, въ ряду клятвъ употребительна между прочимъ клятва солнцемъ: „мзисъ мадлма“, „діахъ, шенма мземъ!“

Затменіе солнца, какъ и затменіе луны, кахетинцы объясняютъ тѣмъ, что драконъ „гвелашапи“ нападаетъ на свѣтило и пытается его проглотить. Поэтому кахетинскіе крестьяне во время затменія стрѣляютъ изъ ружей и револьверовъ, чтобы убить или напугать „гвелашапи“. Въ настоящее время многіе крестьяне подсмѣиваются надъ этимъ ребяческимъ воззрѣніемъ, хотя по старой привычкѣ не прочь пострѣлять въ небо, какъ только случается затменіе. Стрѣляютъ и шумятъ во время затменія, какъ извѣстно,

---

[1]) „Сб. мат.“, вып. XVII, отд. II, стр. 197 и 200.

[2]) „Изв. общ. арх., ист. и этн. при казанск. унив.“, т. XIX, вып. 1-й, „Бракъ у чувашъ“, стр. 7.

[3]) Н. Янчукъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.“, т. LXI.

[4]) Эли Реклю—„Эскимосы и алеуты“, изд. В. Маракуева.

[5]) Ш. Летурно—„Эволюція рабства“, стр. 105.

у многихъ народовъ; цѣль у всѣхъ одна—прогнать грозное чудовище; такъ поступаютъ кавказскіе татары [1]), карачаевцы, армяне [2]), сванеты [3]) и повсемѣстно въ Грузіи.

Луна, какъ и солнце, по понятію кахетинца,—живое существо. Пятна на лунѣ произошли, какъ гласитъ мѣстная легенда, слѣдующимъ образомъ. Однажды мать луны мѣсила тѣсто; въ это время луна (сынъ) чѣмъ-то разсердила ее (по одной версіи [4]), назойливо просила хлѣба), и мать, выхвативъ руку изъ тѣста, ударила сына по лицу; тѣсто прилипло, и съ того времени на лунѣ остались пятна. Совершенно такую-же исторію происхожденія лунныхъ пятенъ разсказываютъ шемахинскіе татары [5]); въ нѣсколько измѣненномъ видѣ передаютъ ее талышинцы (Ленкоранскаго уѣзда): у нихъ солнце—жена, луна—мужъ. Мужъ (луна) вздумалъ заигрывать съ женой, когда она пекла чуреки; за это жена (солнце) ударила луну-мужа тѣстомъ [6]).

Лунѣ приписывается выдающееся вліяніе на различныя явленія въ жизни природы и человѣка.

Звѣзды—двойники человѣческихъ душъ. Сколько людей на землѣ, столько и звѣздъ на небѣ. Раждается человѣкъ—появляется новая звѣзда на небѣ; умираетъ—звѣзда падаетъ. Когда видятъ падающую звѣзду, три раза произносятъ: „ты иди, а я останусь!“

Молнія—летящій кусокъ желѣза; аналогичное воззрѣніе находимъ у армянъ Эчміадзинскаго уѣзда, полагающихъ, что молнія падаетъ съ неба въ видѣ куска стали, который врывается въ землю [7]). Употребительно въ Кахетіи проклятіе—„пусть убьетъ молнія!“

Относительно неба существуетъ такое повѣрье. Однажды въ семь лѣтъ небо открывается. Въ этотъ моментъ вода въ рѣкахъ и источникахъ засыпаетъ, дѣлается похожей на густое молоко. Кто въ этотъ моментъ успѣетъ три раза проговорить: „Гмерто, моме цховреба, цолъ, швили да конеба“ („Господи, дай здоровья, жену, дѣтей и имущество“), тотъ будетъ имѣть всего вдоволь. Это-же вѣ-

[1]) „Сб. мат.“, XVII, отд. II, стр. 207.
[2]) „Сб. мат.“, XVII, отд. II, стр. 298.
[3]) „Сб. мат.“, X, отд. I, стр. 90.
[4]) Ibid., XVII, отд. II, стр. 141.
[5]) Ibid., стр. 206.
[6]) Ibid., стр. 203 и 204.
[7]) „Сб. мат.“, XVII, отд. II, стр. 179.

рованіе существуетъ и въ Грузіи [1]) и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ Дагестанѣ, гдѣ полагаютъ, что небо освѣщается чудеснымъ свѣтомъ, и всѣ воды высыхаютъ; кто увидитъ этотъ свѣтъ, Богъ исполнитъ тому три желанія [2]).

Съ источниками и рѣками кахетинскій крестьянинъ связываетъ слѣдующія повѣрья. Каждый источникъ имѣетъ своего злого духа. Эти духи иногда ночью задерживаютъ воду въ источникѣ и поджидаютъ людей. Въ такое время опасно приходить къ роднику, такъ какъ подвергнешься нападенію духа источника. Духи обитаютъ и въ рѣкахъ.

Душою утопленника завладѣваетъ водяная нечистая сила. Чтобы освободить душу, нужно у берега рѣки, въ которой человѣкъ погибъ, зарѣзать козла и вмѣстѣ съ вытекшею кровью бросить въ рѣку; при этомъ надо говорить: „вотъ тебѣ козелъ, освободи утопленника! [3]). Воззрѣніе довольно распространенное.

Почитаніе огня и домашняго очага. Трудно въ настоящее время установить, въ какой мѣрѣ существующіе въ Кахетіи отголоски почитанія огня обязаны своимъ существованіемъ вліянію Ирана съ его культомъ огня и насколько они составляютъ продуктъ самостоятельной духовной дѣятельности грузинскаго народа. Во всякомъ случаѣ, отголоски эти довольно многочисленны. Патріархальные старики-кахетинцы считаютъ дерзостью и нечестіемъ выраженіе „потуши огонь“ (гаакре); объ огнѣ слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, выражаться въ почтительной формѣ: „успокой огонь“ (моасвене). Лѣтъ 20—30 назадъ было не принято на ночь тушить огонь въ очагѣ: его только прикрывали золой, словно укутывая одѣяломъ въ постели; еще довольно живо было опасеніе, что божество разгнѣвается, если потушишь огонь (сел. Бодбисхеви Сигнахскаго уѣзда). Аналогичныя воззрѣнія распространены у многихъ народовъ, совершенно независимо отъ возможнаго вліянія религіи Зороастра: такъ, гиляки считаютъ грѣхомъ тушить огонь на очагѣ [4]).

Древніе иранцы считали, что дыханіе человѣка оскверняетъ огонь,—поэтому религіозныя постановленія Авесты строго запрещаютъ дуть на огонь. Современные кахетинцы не знаютъ этого за-

---

[1]) „Сб. мат.“, XVII, отд. II, стр. 115.
[2]) „Сб. мат.“, вып. IV, отд. II, стр. 26.
[3]) Ibid., XIX, отд. II, стр. 82.
[4]) Л. Штернбергъ въ „Этногр. Обозр.“, кн. XVII.

прещенія во всей полнотѣ, но слѣды его обнаруживаются въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ отъ прежнихъ временъ повѣрьяхъ. Именно, не слѣдуетъ, утверждаютъ кахетинцы, разводить въ печкѣ огонь въ день Новаго года, чтобы не стали раздуваться и издыхать цыплята въ курятникѣ [1]), или чтобы не раздулся животъ (сел. Кодало).

Огонь, а равно и уголь отгоняютъ злыхъ духовъ. Если выйти ночью изъ дома за водою, злые духи тотчасъ-же присоединяются, чтобы вмѣстѣ затѣмъ проникнуть въ домъ; поэтому при возвращеніи вышедшаго ему подъ ноги у порога бросаютъ уголья: уголь прогонитъ нечистую силу [2]). Если родители возвращаются поздно вечеромъ въ домъ, гдѣ ребенокъ оставался одинъ, имъ подъ ноги бросаютъ золу или горящій уголь, чтобы отогнать злыхъ духовъ. Во время родовъ ночью не тушатъ огня, чтобы не допускать злого духа „али".

Огонь отстраняетъ несчастья. Если сова или филинъ кричатъ около дома, это предвѣщаетъ смерть одного изъ членовъ семьи. Чтобы предотвратить смерть, въ зловѣщую птицу бросаютъ тлѣющую головню [3]).

Огонь предохраняетъ отъ болѣзней. Въ день Новаго года вынимаютъ изъ печки горящую головню, тушатъ и сохраняютъ, а 7-го января черезъ эту головню заставляютъ переходить домашній скотъ, чтобы предохранить его отъ болѣзней [4]). Гурійцы сжигаютъ въ огнѣ болѣзнь „ужмури"—простудную лихорадку, для чего у изголовья больного берутъ кончикомъ ножа кусочекъ земли и бросаютъ въ огонь,—больной выздоровѣетъ [5]).

Огонь привлекаетъ благополучіе въ домъ. Такъ вѣрили древніе греки, называвшіе огонь домашняго очага богомъ богатства—Зевсъ ктисіосъ [6]), такъ думаютъ и кахетинцы. Въ день Новаго года, входя со двора въ свой домъ, вносятъ полѣно или сукъ и, подойдя къ печкѣ, ковыряютъ имъ въ горящихъ головняхъ и, когда полетятъ искры, говорятъ: „столько денегъ, столько пшеницы, коровъ, барановъ, вина..... дай, Боже, на этотъ годъ!" Просьба будетъ исполнена [7]).

---

[1]) „Сб. мат.", вып. XIX, отд. II, стр. 92.
[2]) „Сб. матер.", XIX, отд. II, стр. 82.
[3]) Ibid., стр. 90.
[4]) Ibid., стр. 92.
[5]) „Сб. мат.", XVII, отд. II, стр. 106.
[6]) Фюстель-де-Куланжъ—„Древняя гражданская община".
[7]) „Сб. мат.", XIX, отд. II, стр. 98 и 99.

Вполнѣ вѣроятно, что во времена язычества съ молитвой о домашнемъ благополучіи обращались непосредственно къ огню очага, или его божеству; оттуда и остается эта церемонія размѣшиванія огня и извлеченія искръ. Значительно затемненный остатокъ почитанія огня можно видѣть въ обычаѣ зажигать по субботамъ восковыя свѣчи въ лавкахъ и мастерскихъ ремесленниковъ. Дѣлается это какъ грузинами, такъ и армянами въ Сигнахѣ, Телавѣ, Тифлисѣ и другихъ городахъ и селеніяхъ. Свѣчи зажигаютъ въ субботу вечеромъ и ставятъ—торговцы на прилавкѣ, гдѣ лежитъ выручка, иногда на вѣсахъ, или на деревянной чашкѣ, на которой лежатъ фрукты; ремесленники—на орудіяхъ своего труда; столяръ—на верстакѣ, кузнецъ—на наковальнѣ, сапожникъ—на сапожномъ столикѣ и т. д. Наиболѣе правильное, древнее толкованіе этого обычая мнѣ удалось слышать въ Сигнахѣ: восковыя свѣчи зажигаютъ и оставляютъ въ лавкѣ или мастерской, чтобы нечистые духи не испортили товара или орудій и не погубили счастья хозяина. И здѣсь огонь свѣчи является хранителемъ домашняго благополучія. Впослѣдствіи къ этой роли восковой свѣчи присоединили служеніе умершимъ родственникамъ; ради нихъ будто-бы зажигаютъ свѣчи, для ихъ удовольствія кадятъ ладаномъ.

Праздникомъ огня, правда, уже много утратившимъ въ своемъ значеніи, является въ Кахетіи вечеръ Страстной среды, когда зажигаются многочисленные костры, чтобы разгонять собирающуюся въ этотъ вечеръ нечистую силу. Подробности этого обряда, извѣстнаго подъ именемъ „чіакокона“ (а самый день называется „чіакоконоба“), уже много разъ были описаны,—поэтому мы ограничимся упоминаніемъ о немъ. Чіакоконоба справляется повсемѣстно не только въ Грузіи, но и въ армянскихъ деревняхъ, гдѣ носитъ названіе „чрагалуйсъ“. Въ связи съ почитаніемъ огня находится культъ домашняго очага. Очагъ является не только мѣстомъ, гдѣ горитъ божественный огонь, но часто и мѣстопребываніемъ домашняго духа—покровителя семьи. Подобное представленіе въ настоящее время утрачено кахетинцами, но нѣкоторые обычаи предполагаютъ его былое существованіе. Къ очагу, какъ къ семейной святынѣ, какъ къ божеству дома, приводятъ новобрачную и обводятъ вокругъ очага, совершенно такъ-же, какъ это дѣлалось у грековъ и римлянъ и какъ еще и въ наши дни дѣлается у осетинъ, абхазцевъ, армянъ и др. кавказскихъ народовъ. Очагъ обладаетъ магическою силою привязывать къ дому

не только людей, но и животныхъ. Въ Телавскомъ уѣздѣ существуетъ повѣрье: чтобы приручить къ дому чужого котенка, слѣдуетъ обмыть ему лапки у печки,—тогда онъ не убѣжитъ [1]). Очагу, печкѣ,—тагану приписываются и иныя магическія свойства. Если ребенокъ долго не начинаетъ ходить, тогда, чтобы онъ научился этому скорѣе, нужно, какъ совѣтуютъ въ Телавскомъ уѣздѣ, обнести его съ ложкою въ рукахъ три раза вокругъ торне [2]). По существу это хожденіе вокругъ печки—не что иное, какъ поклоненіе очагу, или обитающему въ немъ божеству. Въ томъ-же Телавскомъ уѣздѣ, если поздно вечеромъ случается принести въ домъ воду, нужно вылить немного воды въ печку, чтобы слить печную силу, забравшуюся вмѣстѣ съ водою [3]). Что будетъ съ печною силою въ печкѣ, неизвѣстно: вѣроятно, она погибнетъ. Если ребенокъ до Страстной среды остался некрещенымъ, то надо пронести подъ [illegible] тагономъ, чтобы не прикоснулась къ нему печная сила [4]). Значитъ, таганъ прогоняетъ злыхъ духовъ. Этого мало: онъ оказывается достаточно могущественнымъ, чтобы бороться съ стихіями природы: такъ, онъ можетъ остановить градъ: поэтому, когда начинаетъ падать градъ, [illegible]

[illegible]

[illegible]

загладить вину, или, что еще хуже, заставятъ вѣчно носить на спинѣ девять большихъ кусковъ соли (сел. Арашенда Сигнахскаго уѣзда и г. Телавъ). Постройка въ загробномъ мірѣ девяти церквей за убійство кошки назначается и карталинцами (Гори). Можетъ показаться страннымъ, что такое священное животное пользуется нѣкоторымъ расположеніемъ нечистой силы; именно, въ ночь подъ Великій четвергъ *кудіанеби* (*хвостатые*) отправляются на кошкахъ на свое годовое собраніе для выборовъ главы. Чтобы избавить кошекъ отъ этой не совсѣмъ почетной роли, ихъ съ вечера накрѣпко запираютъ, но эта мѣра, какъ утверждаютъ, не всегда спасаетъ кошку отъ прогулки съ вѣдьмой на спинѣ (сел. Арашенда).

Какимъ образомъ кошка заняла у кахетинцевъ почетное положеніе священной твари, объяснить довольно трудно. Здѣсь не лишнее отмѣтить, что армяне Зангезурскаго уѣзда тоже считаютъ грѣхомъ убить кошку, и свой взглядъ основываютъ на томъ, что кошка—платокъ Христа: Христосъ бросилъ однажды въ крысъ платокъ, который превратился въ кошку, передушившую крысъ [1]). Персы, живущіе въ сел. Лагичъ Бакинской губерніи, также не убиваютъ кошекъ, чтобы не навлечь несчастія на семейство: сынъ умретъ [2]).

Лисица—животное, предвѣщающее счастье. Встрѣтить лису—хорошая примѣта. Любопытно, что сообразительные лавочники придумали простой способъ устраивать себѣ эту счастливую примѣту: во многихъ духанахъ на видномъ мѣстѣ у стѣны виситъ лисья шкура; духанщикъ, придя утромъ, прежде всего видитъ эту шкуру,—вотъ и счастливая примѣта: торговля будетъ хорошая. Въ Тифлисѣ нѣкоторые лавочники, открывая лавку, прежде всего проводятъ по лисьей шкурѣ рукой. Видѣть лису—предвѣщаетъ удачу также у армянъ [3]).

Заяцъ, какъ живое воплощеніе трусости, при всемъ желаніи не можетъ считаться счастливой примѣтой: увидѣть его—не имѣть удачи въ дѣлѣ. Еще хуже, если заяцъ перебѣжитъ дорогу. Такъ смотрятъ кромѣ кахетинцевъ мингрельцы („Сб. мат.“, XIX, отд. I, 153), армяне сел. Татевъ Елизаветопольской губерніи [4]), караногайцы [5]) и множество народовъ всѣхъ странъ свѣта.

---

[1]) „Сб. матер.“, XVII, отд. II, стр. 196.
[2]) „Сб. матер.“, XXIX, отд. II, стр. 76.
[3]) „Сб. матер.“, XIII, отд. I, стр. 112.
[4]) „Сб. мат.“, XIII, отд. I, стр. 112.
[5]) „Терск. сборн.“, вып. III, стр. 165, ст. Г. Малявкина.

Волкъ—врагъ скотоводовъ. Борьба съ нимъ ведется умилостивительными дарами и заклинаніями. Умилостивительное приношеніе полагается вечеромъ наканунѣ Новаго года. Послѣ ужина мальчикъ надѣваетъ на палочку бедренную кость курицы, выноситъ на дворъ и бросаетъ подальше черезъ плетень, для волковъ, чтобы они, насытившись, не трогали скотины столь внимательнаго къ нимъ хозяина (сел. Карданахи). Заклинанія противъ волковъ въ общемъ такія-же, къ какимъ прибѣгаютъ и другіе кавказскіе народы: это церемонія „замыканія зубовъ“ или „завязыванія рта“ волку. Надъ ножомъ или другимъ рѣжущимъ орудіемъ читаютъ магическую заклинательную формулу, потомъ ножъ втыкаютъ въ крышу дома, гдѣ онъ торчитъ, пока животное, о которомъ безпокоились, не найдется. Заговоръ читаютъ также надъ чесальнымъ гребнемъ, между зубьями котораго въ это время переплетаютъ нитку. „Завязываніе зубовъ“ волку практикуется армянами [1]), осетинами [2]), дагестанскими горцами [3]) и др. племенами Кавказа.

Мышь—довольно непріятный врагъ кахетинскаго земледѣльца. Чтобы мыши не вредили полямъ, однажды въ годъ, въ понедѣльникъ масленицы устраивается для нихъ умилостивительное угощеніе, такъ называемое „тагво-тагво“. Мальчикъ, вооружившись вѣткой шиповника или колючки, трижды обходитъ всѣ углы дома и, постукивая вѣткой, приговариваетъ: „мышки, мышки, выходите; ангелы, войдите!“ У порога приготовлены въ платкѣ хлѣбъ, сыръ, масло. Мальчикъ захватываетъ съ собой эту провизію и не оглядываясь несетъ въ поле; тамъ втыкаетъ въ землю вѣточку и нанизываетъ на ея шипы кусочки хлѣба, сыра, масла, чтобы мыши питались и были сыты этимъ кормомъ весь годъ (сел. Карданахи Сигнахскаго уѣзда). Для Телавскаго уѣзда этотъ обрядъ описанъ въ „Сб. мат.“, XIX, отд. II, стр. 101.

Изъ птицъ вниманіе кахетинца прежде всего привлекалъ *петухъ*, вѣстникъ разсвѣта. Если пѣтухъ запоетъ въ неурочное время, быть бѣдѣ. Чтобы предотвратить грядущее несчастье, пѣтуха немедленно ловятъ и рѣжутъ. Въ настоящее время, однако, народъ не слишкомъ пугается пѣтушинаго пѣнія, и только рѣд-

---

[1]) „Сб. мат.“, XXV, отд. II, стр. 94 и 131, а также вып. XIII, отд. I, стр. 116 и 117.

[2]) „Сб. свѣд. о кавк. горц.“, вып. IX, ст. Гатіева, стр. 34.

[3]) „Сб. свѣд. о кавказск. горц.“, вып. I, стр. 51, „Воспоминанія муталима“.

кіе, наиболѣе суевѣрные кахетинцы казнятъ пѣтуха за несвоевременное пѣніе. Такой-же взглядъ на неурочное пѣніе пѣтуха распространенъ у карталинцевъ, мингрельцевъ [1]), армянъ [2]), караногайцевъ [3]), причемъ и карталинцы, и армяне, и караногайцы во избѣжаніе несчастья считаютъ нужнымъ поскорѣе зарѣзать пѣтуха.

Осетины съ такимъ-же ужасомъ слышатъ ночной крикъ курицы, и спѣшатъ зарѣзать ее, въ надеждѣ, что ея смерть пойдетъ взамѣнъ смерти того, кому она предвѣщала [4]).

Ворона—вѣщая, но нежеланная птица; ея карканье или предвѣщаетъ грядущее несчастье, или оповѣщаетъ о бѣдѣ, постигшей находящагося въ отсутствіи члена семьи.

Сычъ—самая зловѣщая птица.

Для умилостивленія птицъ, причиняющихъ вредъ хозяйству, имъ устраивается нѣкотораго рода угощеніе—„читисъ-папа", каша для птицъ, которую выставляютъ на заборѣ; ставится столько порцій, сколько у хозяина отдѣльныхъ земельныхъ участковъ. Такого рода жертвоприношеніе птицамъ совершается и у другихъ кавказскихъ народовъ. Гурійцы приготовляютъ „птичью порцію" въ первый понедѣльникъ мая [5]), армяне Шушинскаго уѣзда во время посѣва бросаютъ въ землю нѣсколько лишнихъ зеренъ „для птицъ" [6]) и т. д.

Почитаніе деревьевъ. Почитаніе деревьевъ въ настоящее время составляетъ весьма обычное и распространенное явленіе въ Кахетіи. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ деревья пользуются бо́льшимъ вниманіемъ богомольцевъ, чѣмъ церкви. Почитаніе деревьевъ имѣетъ въ своей основѣ прежде всего анимистическій взглядъ на деревья, какъ на живыя существа, обладающія способностью чувствовать, слышать и причинять человѣку зло или дѣйствовать ему на пользу въ зависимости отъ того, съумѣетъ человѣкъ расположить къ себѣ деревья или нѣтъ. Воспоминаніе о такомъ взглядѣ на деревья сохраняется въ нѣкоторыхъ обрядностяхъ. Въ Телавскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, чтобы заставить безплодное дерево приносить плоды, поступаютъ такъ: въ день

---

[1]) „Сб. мат.", X, отд. I, стр. 112, и отд. III, стр. 36.

[2]) „Сб. мат.", XXV, отд. II, стр. 96 и 136; а также XVII, отд. II, стр. 183.

[3]) Г. Малявкинъ въ „Терск. Сборн.", вып. III, стр. 173.

[4]) Б. Гатіевъ въ „Сборн. свѣд. о кавк. горц.", вып. IX, стр. 12.

[5]) „Сб. мат.", XVII, отд. II, стр. 59.

[6]) „Сб. мат.", XXV, отд. II, стр. 133.

Вознесенія рано утромъ два человѣка, не сказавъ никому ни слова, идутъ къ безплодному дереву: одинъ замахивается на дерево топоромъ, но другой останавливаетъ его, говоря: „нѣтъ, не руби: оно впередъ будетъ приносить плоды!“ Затѣмъ оба возвращаются домой, очевидно, довольные тѣмъ, что напугали дерево[1]).

Многія изъ почитаемыхъ въ настоящее время деревьевъ находятся у развалинъ древнихъ церквей. Это можно объяснить двояко: во-первыхъ, дерево неприкосновенно и священно, потому что оно выросло на святомъ мѣстѣ, около храма; во-вторыхъ, бываетъ и обратное: церковь построена на мѣстѣ священной рощи или у священнаго дерева, куда народъ привыкъ приходить на поклоненіе богамъ и духамъ.

Новая религія—христіанская примѣнилась къ прочно существовавшему культу, и древнія священныя мѣста остались, какъ и прежде, священными, а христіанскіе храмы воздвигнуты среди нихъ, какъ дополненіе къ древней святынѣ. И теперь такія почитаемыя народомъ святыни, какъ Тетри-Георгій, Георгій Цкаростави и др., почитаются не потому, чтобы съ ними были связаны какія-либо событія христіанства, а какъ мѣста, освященныя древнимъ родовымъ культомъ.

Разобраться, какое священное дерево или роща почитались сами по себѣ и только вызвали сооруженіе въ сосѣдствѣ съ ними христіанской церкви, и какія деревья стали священными потому, что выросли на церковной землѣ, въ настоящее время невозможно. Но несомнѣнно, что въ Кахетіи дѣйствовали оба эти источника святости деревьевъ. И теперь еще все, что находится на церковной территоріи, считается кахетинцами неприкосновеннымъ, какъ собственность обитающаго здѣсь святого. Отсюда нельзя взять ни цвѣточка, ни травки, ни каменика. Святой или божество жестоко накажетъ похитителя. Ему можно приносить, но взять у него ничего нельзя. Между сел. Бодбе и Бодбистеви близъ гор. Сигнаха существуетъ мѣстность Насомхари, гдѣ стоитъ церковь Успенія Богородицы. Все, что находится кругомъ церкви, считается неприкосновеннымъ. Разсказываютъ такой случай. Какой-то богомолецъ взялъ близъ церкви камень и принесъ домой. Сложилъ камень, смотритъ—на спинѣ у него горбъ. Прискорбная и непонятная для бѣдняка исторія. Ночью слышитъ во снѣ голосъ: „отнеси камень къ церкви, у которой взялъ его, и

[1]) „Сб. мат.“, вып. XIX, отд. II, стр. 98.

тогда выздоровѣешь!" Проснувшись, горбунъ схватилъ злополучный камень, отнесъ въ Насомхари и положилъ у церковныхъ дверей. Въ то-же мгновеніе горбъ его исчезъ. Говорятъ, этотъ камень и теперь лежитъ у входа въ церковь. Окружающія насомхарскую церковь деревья также считаются неприкосновенными.

Христіанскіе храмы, какъ и языческіе, создавали вокругъ себя неприкосновенную территорію. Святость распространялась съ храма на окружающую мѣстность, на деревья, источники, камни и т. п. Но, вѣроятно, чаще храмъ строился на мѣстѣ, которое уже давнымъ давно было священнымъ.

Такихъ святынь въ Кахетіи множество. Собранныя мною свѣдѣнія относятся главнымъ образомъ къ Телавскому уѣзду. Въ сел. *Уріатубани* около развалинъ церкви рядомъ съ начальнымъ училищемъ старый дубъ считается неприкосновеннымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ засохъ и готовъ былъ свалиться. Учитель вздумалъ нарубить изъ него дровъ и приказалъ сторожу рубить дубъ. Сторожъ наотрѣзъ отказался. Учитель обратился къ старшинѣ селенія съ просьбой прислать людей нарубить для училища дровъ изъ засохшаго дуба, но старшина заявилъ, что ни одинъ человѣкъ не согласится это сдѣлать.

—Что-жъ, теперь дубъ такъ даромъ и сгніетъ? спрашиваетъ учитель.

—Такъ и сгніетъ.

Но дубъ не сгнилъ. Спустя нѣсколько дней приходитъ священникъ съ церковнымъ сторожемъ и пилою.

—Церковный дубъ принадлежитъ по праву священнику! заявилъ онъ. Дубъ распилили и унесли. Церковный сторожъ, какъ и священникъ, не признавалъ народныхъ обычаевъ.

Съ другимъ священнымъ деревомъ въ томъ-же селеніи вышла нѣсколько иная исторія. Священникъ обращается къ сторожу (другому): „руби!" Сторожъ и руками отмахивается. Священникъ призываетъ крестьянъ,—ни одинъ не рѣшается. Тогда священникъ беретъ топоръ и самъ начинаетъ рубить. Надрубивъ немного, онъ обращается къ крестьянамъ и говоритъ: „видите, я началъ его рубить: если это грѣхъ, то пусть онъ падетъ на мою голову; теперь вы можете рубить спокойно". Кое-какъ осмѣлились послѣ этого уріатубанцы, и священное дерево было срублено.

Въ сел. Ацкури въ имѣніи Бандурова много лѣтъ существовалъ священный орѣхъ, но недавно его разбила молнія, и орѣхъ засыхаетъ.

прещенія во всей полнотѣ, но слѣды его обнаруживаются въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ отъ прежнихъ временъ повѣрьяхъ. Именно, не слѣдуетъ, утверждаютъ кахетинцы, разводить въ печкѣ огонь въ день Новаго года, чтобы не стали раздуваться и издыхать цыплята въ курятникѣ [1]), или чтобы не раздулся животъ (сел. Кодало).

Огонь, а равно и уголь отгоняютъ злыхъ духовъ. Если выйти ночью изъ дома за водою, злые духи тотчасъ-же присоединяются, чтобы вмѣстѣ затѣмъ проникнуть въ домъ; поэтому при возвращеніи вышедшаго ему подъ ноги у порога бросаютъ уголья: уголь прогонитъ нечистую силу [2]). Если родители возвращаются поздно вечеромъ въ домъ, гдѣ ребенокъ оставался одинъ, имъ подъ ноги бросаютъ золу или горящій уголь, чтобы отогнать злыхъ духовъ. Во время родовъ ночью не тушатъ огня, чтобы не допускать злого духа „али".

Огонь отстраняетъ несчастья. Если сова или филинъ кричатъ около дома, это предвѣщаетъ смерть одного изъ членовъ семьи. Чтобы предотвратить смерть, въ зловѣщую птицу бросаютъ тлѣющую головню [3]).

Огонь предохраняетъ отъ болѣзней. Въ день Новаго года вынимаютъ изъ печки горящую головню, тушатъ и сохраняютъ, а 7-го января черезъ эту головню заставляютъ переходить домашній скотъ, чтобы предохранить его отъ болѣзней [4]). Гурійцы сжигаютъ въ огнѣ болѣзнь „ужмури"—простудную лихорадку, для чего у изголовья больного берутъ кончикомъ ножа кусочекъ земли и бросаютъ въ огонь,—больной выздоровѣетъ [5]).

Огонь привлекаетъ благополучіе въ домъ. Такъ вѣрили древніе греки, называвшіе огонь домашняго очага богомъ богатства—Зевсъ ктисіосъ [6]), такъ думаютъ и кахетинцы. Въ день Новаго года, входя со двора въ свой домъ, вносятъ полѣно или сукъ и, подойдя къ печкѣ, ковыряютъ имъ въ горящихъ головняхъ и, когда полетятъ искры, говорятъ: „столько денегъ, столько пшеницы, коровъ, барановъ, вина..... дай, Боже, на этотъ годъ!" Просьба будетъ исполнена [7]).

---

[1]) „Сб. мат.", вып. XIX, отд. II, стр. 92.
[2]) „Сб. матер.", XIX, отд. II, стр. 82.
[3]) Ibid., стр. 90.
[4]) Ibid., стр. 92.
[5]) „Сб. мат.", XVII, отд. II, стр. 106.
[6]) Фюстель-де-Куланжъ—„Древняя гражданская община".
[7]) „Сб. мат.", XIX, отд. II, стр. 98 и 99.

Вполнѣ вѣроятно, что во времена язычества съ молитвой о домашнемъ благополучіи обращались непосредственно къ огню очага, или его божеству; оттуда и остается эта церемонія размѣшиванія огня и извлеченія искръ. Значительно затемненный остатокъ почитанія огня можно видѣть въ обычаѣ зажигать по субботамъ восковыя свѣчи въ лавкахъ и мастерскихъ ремесленниковъ. Дѣлается это какъ грузинами, такъ и армянами въ Сигнахѣ, Телавѣ, Тифлисѣ и другихъ городахъ и селеніяхъ. Свѣчи зажигаютъ въ субботу вечеромъ и ставятъ—торговцы на прилавкѣ, гдѣ лежитъ выручка, иногда на вѣсахъ, или на деревянной чашкѣ, на которой лежатъ фрукты; ремесленники—на орудіяхъ своего труда; столяръ—на верстакѣ, кузнецъ—на наковальнѣ, сапожникъ—на сапожномъ столикѣ и т. д. Наиболѣе правильное, древнее толкованіе этого обычая мнѣ удалось слышать въ Сигнахѣ: восковыя свѣчи зажигаютъ и оставляютъ въ лавкѣ или мастерской, чтобы нечистые духи не испортили товара или орудій и не погубили счастья хозяина. И здѣсь огонь свѣчи является хранителемъ домашняго благополучія. Впослѣдствіи къ этой роли восковой свѣчи присоединили служеніе умершимъ родственникамъ; ради нихъ будто-бы зажигаютъ свѣчи, для ихъ удовольствія кадятъ ладаномъ.

Праздникомъ огня, правда, уже много утратившимъ въ своемъ значеніи, является въ Кахетіи вечеръ Страстной среды, когда зажигаются многочисленные костры, чтобы разгонять собирающуюся въ этотъ вечеръ нечистую силу. Подробности этого обряда, извѣстнаго подъ именемъ „чіакокона“ (а самый день называется „чіакоконоба“), уже много разъ были описаны,—поэтому мы ограничимся упоминаніемъ о немъ. Чіакоконоба справляется повсемѣстно не только въ Грузіи, но и въ армянскихъ деревняхъ, гдѣ носитъ названіе „чрагалуйсъ“. Въ связи съ почитаніемъ огня находится культъ домашняго очага. Очагъ является не только мѣстомъ, гдѣ горитъ божественный огонь, но часто и мѣстопребываніемъ домашняго духа—покровителя семьи. Подобное представленіе въ настоящее время утрачено кахетинцами, но нѣкоторые обычаи предполагаютъ его былое существованіе. Къ очагу, какъ къ семейной святынѣ, какъ къ божеству дома, приводятъ новобрачную и обводятъ вокругъ очага, совершенно такъ-же, какъ это дѣлалось у грековъ и римлянъ и какъ еще и въ наши дни дѣлается у осетинъ, абхазцевъ, армянъ и др. кавказскихъ народовъ. Очагъ обладаетъ магическою силою привязывать къ дому

Волкъ—врагъ скотоводовъ. Борьба съ нимъ ведется умилостивительными дарами и заклинаніями. Умилостивительное приношеніе полагается вечеромъ наканунѣ Новаго года. Послѣ ужина мальчикъ надѣваетъ на палочку бедренную кость курицы, выноситъ на дворъ и бросаетъ подальше черезъ плетень, для волковъ, чтобы они, насытившись, не трогали скотины столь внимательнаго къ нимъ хозяина (сел. Карданахи). Заклинанія противъ волковъ въ общемъ такія-же, къ какимъ прибѣгаютъ и другіе кавказскіе народы: это церемонія „замыканія зубовъ“ или „завязыванія рта“ волку. Надъ ножомъ или другимъ рѣжущимъ орудіемъ читаютъ магическую заклинательную формулу, потомъ ножъ втыкаютъ въ крышу дома, гдѣ онъ торчитъ, пока животное, о которомъ безпокоились, не найдется. Заговоръ читаютъ также надъ чесальнымъ гребнемъ, между зубьями котораго въ это время переплетаютъ нитку. „Завязываніе зубовъ“ волку практикуется армянами [1]), осетинами [2]), дагестанскими горцами [3]) и др. племенами Кавказа.

Мышь—довольно непріятный врагъ кахетинскаго земледѣльца. Чтобы мыши не вредили полямъ, однажды въ годъ, въ понедѣльникъ масленицы устраивается для нихъ умилостивительное угощеніе, такъ называемое „тагво-тагво“. Мальчикъ, вооружившись вѣткой шиповника или колючки, трижды обходитъ всѣ углы дома и, постукивая вѣткой, приговариваетъ: „мышки, мышки, выходите; ангелы, войдите!“ У порога приготовлены въ платкѣ хлѣбъ, сыръ, масло. Мальчикъ захватываетъ съ собой эту провизію и не оглядываясь несетъ въ поле; тамъ втыкаетъ въ землю вѣточку и нанизываетъ на ея шипы кусочки хлѣба, сыра, масла, чтобы мыши питались и были сыты этимъ кормомъ весь годъ (сел. Карданахи Сигнахскаго уѣзда). Для Телавскаго уѣзда этотъ обрядъ описанъ въ „Сб. мат.“, XIX, отд. II, стр. 101.

Изъ птицъ вниманіе кахетинца прежде всего привлекалъ *пѣтухъ*, вѣстникъ разсвѣта. Если пѣтухъ запоетъ въ неурочное время, быть бѣдѣ. Чтобы предотвратить грядущее несчастье, пѣтуха немедленно ловятъ и рѣжутъ. Въ настоящее время, однако, народъ не слишкомъ пугается пѣтушинаго пѣнія, и только рѣд-

---

[1]) „Сб. мат.“, XXV, отд. II, стр. 94 и 131, а также вып. XIII, отд. I, стр. 116 и 117.

[2]) „Сб. свѣд. о кавк. горц.“, вып. IX, ст. Гатіева, стр. 34.

[3]) „Сб. свѣд. о кавказск. горц.“, вып. I, стр. 51, „Воспоминанія муталима“.

кіе, наиболѣе суевѣрные кахетинцы казнятъ пѣтуха за несвоевременное пѣніе. Такой-же взглядъ на неурочное пѣніе пѣтуха распространенъ у карталинцевъ, мингрельцевъ [1]), армянъ [2]), караногайцевъ [3]), причемъ и карталинцы, и армяне, и караногайцы во избѣжаніе несчастья считаютъ нужнымъ поскорѣе зарѣзать пѣтуха.

Осетины съ такимъ-же ужасомъ слышатъ ночной крикъ курицы, и спѣшатъ зарѣзать ее, въ надеждѣ, что ея смерть пойдетъ взамѣнъ смерти того, кому она предвѣщала [4]).

Ворона—вѣщая, но нежеланная птица; ея карканье или предвѣщаетъ грядущее несчастье, или оповѣщаетъ о бѣдѣ, постигшей находящагося въ отсутствіи члена семьи.

Сычъ—самая зловѣщая птица.

Для умилостивленія птицъ, причиняющихъ вредъ хозяйству, имъ устраивается нѣкотораго рода угощеніе—„читисъ-папа", каша для птицъ, которую выставляютъ на заборѣ; ставится столько порцій, сколько у хозяина отдѣльныхъ земельныхъ участковъ. Такого рода жертвоприношеніе птицамъ совершается и у другихъ кавказскихъ народовъ. Гурійцы приготовляютъ „птичью порцію" въ первый понедѣльникъ мая [5]), армяне Шушинскаго уѣзда во время посѣва бросаютъ въ землю нѣсколько лишнихъ зеренъ „для птицъ" [6]) и т. д.

Почитаніе деревьевъ. Почитаніе деревьевъ въ настоящее время составляетъ весьма обычное и распространенное явленіе въ Кахетіи. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ деревья пользуются бо́льшимъ вниманіемъ богомольцевъ, чѣмъ церкви. Почитаніе деревьевъ имѣетъ въ своей основѣ прежде всего анимистическій взглядъ на деревья, какъ на живыя существа, обладающія способностью чувствовать, слышать и причинять человѣку зло или дѣйствовать ему на пользу въ зависимости отъ того, съумѣетъ человѣкъ расположить къ себѣ деревья или нѣтъ. Воспоминаніе о такомъ взглядѣ на деревья сохраняется въ нѣкоторыхъ обрядностяхъ. Въ Телавскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, чтобы заставить безплодное дерево приносить плоды, поступаютъ такъ: въ день

---

[1]) „Сб. мат.", X, отд. I, стр. 112, и отд. III, стр. 36.

[2]) „Сб. мат.", XXV, отд. II, стр. 96 и 136; а также XVII, отд. II, стр. 183.

[3]) Г. Малявкинъ въ „Терск. Сборн.", вып. III, стр. 173.

[4]) Б. Гатіевъ въ „Сборн. свѣд. о кавк. горц.", вып. IX, стр. 12.

[5]) „Сб. мат.", XVII, отд. II, стр. 59.

[6]) „Сб. мат.", XXV, отд. II, стр. 133.

не только людей, но и животныхъ. Въ Телавскомъ уѣздѣ существуетъ повѣрье: чтобы приручить къ дому чужого котенка, слѣдуетъ обмыть ему лапки у печки,—тогда онъ не убѣжитъ [1]). Очагу, печкѣ,—тагану приписываются и иныя магическія свойства. Если ребенокъ долго не начинаетъ ходить, тогда, чтобы онъ научился этому скорѣе, нужно, какъ совѣтуютъ въ Телавскомъ уѣздѣ, обвести его съ ложкою въ рукахъ три раза вокругъ торне [2]). По существу это хожденіе вокругъ печки—не что иное, какъ моленіе очагу, или обитающему въ немъ божеству. Въ томъ-же Телавскомъ уѣздѣ, если поздно вечеромъ случается принести въ домъ воду, нужно отлить немного воды въ печку, чтобы слить нечистую силу, забравшуюся вмѣстѣ съ водою [3]). Что будетъ съ нечистою силою въ печкѣ, неизвѣстно: вѣроятно, она погибнетъ. Если ребенокъ до Страстной среды остался некрещенымъ, его надо пронести подъ желѣзнымъ таганомъ, чтобы не прикоснулась къ нему нечистая сила [4]). Значитъ, таганъ прогоняетъ злыхъ духовъ. Этого мало: онъ оказывается достаточно могущественнымъ, чтобы бороться со стихіями природы: такъ, онъ можетъ остановить градъ; поэтому, когда начинаетъ падать градъ, суевѣрныя кахетинскія старухи спѣшатъ выбросить на дворъ свои таганы. Таганъ является въ нѣкоторомъ отношеніи символомъ семейнаго благополучія, позаимствовавъ это значеніе отъ очага.

Вѣроятно, на этомъ представленіи основывается странный на первый взглядъ предразсудокъ, существующій въ деревенской Кахетіи: если у кого сломается таганъ, ни одинъ кузнецъ не возьмется его починять изъ боязни, что вслѣдствіе этого у него умретъ жена. За починку сломанныхъ тагановъ въ Кахетіи берутся только вдовцы, которые въ такомъ случаѣ ничѣмъ не рискуютъ.

Культъ животныхъ. Повѣрьямъ и примѣтамъ относительно животныхъ и птицъ нынѣшніе кахетинцы не придаютъ особо важнаго значенія, но въ свое время эти повѣрья и примѣты имѣли значительное вліяніе на жизненный обиходъ.

Кошка—животное священное. Кто убьетъ кошку, того на томъ свѣтѣ заставятъ построить девять церквей [5]) для того, чтобы онъ могъ

---

[1]) „Сб. мат.“, XIX, отд. II, стр. 100.
[2]) Тамъ-же, 87.
[3]) Тамъ-же, 82.
[4]) Тамъ-же, 81.
[5]) Это повѣрье отмѣчено въ „Сб. мат.“, XIX, отд. II, стр. 90.

загладить вину, или, что еще хуже, заставятъ вѣчно носить на спинѣ девять большихъ кусковъ соли (сел. Арашенда Сигнахскаго уѣзда и г. Телавъ). Постройка въ загробномъ мірѣ девяти церквей за убійство кошки назначается и карталинцами (Гори). Можетъ показаться страннымъ, что такое священное животное пользуется нѣкоторымъ расположеніемъ нечистой силы; именно, въ ночь подъ Великій четвергъ *кудіанеби* (*хвостатые*) отправляются на кошкахъ на свое годовое собраніе для выборовъ главы. Чтобы избавить кошекъ отъ этой не совсѣмъ почетной роли, ихъ съ вечера накрѣпко запираютъ, но эта мѣра, какъ утверждаютъ, не всегда спасаетъ кошку отъ прогулки съ вѣдьмой на спинѣ (сел. Арашенда).

Какимъ образомъ кошка заняла у кахетинцевъ почетное положеніе священной твари, объяснить довольно трудно. Здѣсь не лишнее отмѣтить, что армяне Зангезурскаго уѣзда тоже считаютъ грѣхомъ убить кошку, и свой взглядъ основываютъ на томъ, что кошка—платокъ Христа: Христосъ бросилъ однажды въ крысъ платокъ, который превратился въ кошку, передушившую крысъ [1]). Персы, живущіе въ сел. Лагичъ Бакинской губерніи, также не убиваютъ кошекъ, чтобы не навлечь несчастія на семейство: сынъ умретъ [2]).

Лисица—животное, предвѣщающее счастье. Встрѣтить лису—хорошая примѣта. Любопытно, что сообразительные лавочники придумали простой способъ устраивать себѣ эту счастливую примѣту: во многихъ духанахъ на видномъ мѣстѣ у стѣны виситъ лисья шкура; духанщикъ, придя утромъ, прежде всего видитъ эту шкуру,—вотъ и счастливая примѣта: торговля будетъ хорошая. Въ Тифлисѣ нѣкоторые лавочники, открывая лавку, прежде всего проводятъ по лисьей шкурѣ рукой. Видѣть лису—предвѣщаетъ удачу также у армянъ [3]).

Заяцъ, какъ живое воплощеніе трусости, при всемъ желаніи не можетъ считаться счастливой примѣтой: увидѣть его—не имѣть удачи въ дѣлѣ. Еще хуже, если заяцъ перебѣжитъ дорогу. Такъ смотрятъ кромѣ кахетинцевъ мингрельцы („Сб. мат.“, XIX, отд. I, 153), армяне сел. Татевъ Елизаветопольской губерніи [4]), караногайцы [5]) и множество народовъ всѣхъ странъ свѣта.

---

[1]) „Сб. матер.“, XVII, отд. II, стр. 196.
[2]) „Сб. матер.“, XXIX, отд. II, стр. 76.
[3]) „Сб. матер.“, XIII, отд. I, стр. 112.
[4]) „Сб. мат.“, XIII, отд. I, стр. 112.
[5]) „Терск. сборн.“, вып. III, стр. 165, ст. Г. Малявкина.

Волкъ—врагъ скотоводовъ. Борьба съ нимъ ведется умилостивительными дарами и заклинаніями. Умилостивительное приношеніе полагается вечеромъ наканунѣ Новаго года. Послѣ ужина мальчикъ надѣваетъ на палочку бедренную кость курицы, выноситъ на дворъ и бросаетъ подальше черезъ плетень, для волковъ, чтобы они, насытившись, не трогали скотины столь внимательнаго къ нимъ хозяина (сел. Карданахи). Заклинанія противъ волковъ въ общемъ такія-же, къ какимъ прибѣгаютъ и другіе кавказскіе народы: это церемонія „замыканія зубовъ“ или „завязыванія рта“ волку. Надъ ножомъ или другимъ рѣжущимъ орудіемъ читаютъ магическую заклинательную формулу, потомъ ножъ втыкаютъ въ крышу дома, гдѣ онъ торчитъ, пока животное, о которомъ безпокоились, не найдется. Заговоръ читаютъ также надъ чесальнымъ гребнемъ, между зубьями котораго въ это время переплетаютъ нитку. „Завязываніе зубовъ“ волку практикуется армянами [1]), осетинами [2]), дагестанскими горцами [3]) и др. племенами Кавказа.

Мышь—довольно непріятный врагъ кахетинскаго земледѣльца. Чтобы мыши не вредили полямъ, однажды въ годъ, въ понедѣльникъ масленицы устраивается для нихъ умилостивительное угощеніе, такъ называемое „тагво-тагво“. Мальчикъ, вооружившись вѣткой шиповника или колючки, трижды обходитъ всѣ углы дома и, постукивая вѣткой, приговариваетъ: „мышки, мышки, выходите; ангелы, войдите!“ У порога приготовлены въ платкѣ хлѣбъ, сыръ, масло. Мальчикъ захватываетъ съ собой эту провизію и не оглядываясь несетъ въ поле; тамъ втыкаетъ въ землю вѣточку и нанизываетъ на ея шипы кусочки хлѣба, сыра, масла, чтобы мыши питались и были сыты этимъ кормомъ весь годъ (сел. Карданахи Сигнахскаго уѣзда). Для Телавскаго уѣзда этотъ обрядъ описанъ въ „Сб. мат.“, XIX, отд. II, стр. 101.

Изъ птицъ вниманіе кахетинца прежде всего привлекалъ *пѣтухъ*, вѣстникъ разсвѣта. Если пѣтухъ запоетъ въ неурочное время, быть бѣдѣ. Чтобы предотвратить грядущее несчастье, пѣтуха немедленно ловятъ и рѣжутъ. Въ настоящее время, однако, народъ не слишкомъ пугается пѣтушинаго пѣнія, и только рѣд-

---

[1]) „Сб. мат.“, XXV, отд. II, стр. 94 и 131, а также вып. XIII, отд. I, стр. 116 и 117.

[2]) „Сб. свѣд. о кавк. горц.“, вып. IX, ст. Гатіева, стр. 34.

[3]) „Сб. свѣд. о кавказск. горц.“, вып. I, стр. 51, „Воспоминанія муталима“.

кіе, наиболѣе суевѣрные кахетинцы казнятъ пѣтуха за несвоевременное пѣніе. Такой-же взглядъ на неурочное пѣніе пѣтуха распространенъ у карталинцевъ, мингрельцевъ [1]), армянъ [2]), караногайцевъ [3]), причемъ и карталинцы, и армяне, и караногайцы во избѣжаніе несчастья считаютъ нужнымъ поскорѣе зарѣзать пѣтуха.

Осетины съ такимъ-же ужасомъ слышатъ ночной крикъ курицы, и спѣшатъ зарѣзать ее, въ надеждѣ, что ея смерть пойдетъ взамѣнъ смерти того, кому она предвѣщала [4]).

Ворона—вѣщая, но нежеланная птица; ея карканье или предвѣщаетъ грядущее несчастье, или оповѣщаетъ о бѣдѣ, постигшей находящагося въ отсутствіи члена семьи.

Сычъ—самая зловѣщая птица.

Для умилостивленія птицъ, причиняющихъ вредъ хозяйству, имъ устраивается нѣкотораго рода угощеніе—„читисъ-папа", каша для птицъ, которую выставляютъ на заборѣ; ставится столько порцій, сколько у хозяина отдѣльныхъ земельныхъ участковъ. Такого рода жертвоприношеніе птицамъ совершается и у другихъ кавказскихъ народовъ. Гурійцы приготовляютъ „птичью порцію" въ первый понедѣльникъ мая [5]), армяне Шушинскаго уѣзда во время посѣва бросаютъ въ землю нѣсколько лишнихъ зеренъ „для птицъ" [6]) и т. д.

Почитаніе деревьевъ. Почитаніе деревьевъ въ настоящее время составляетъ весьма обычное и распространенное явленіе въ Кахетіи. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ деревья пользуются бо́льшимъ вниманіемъ богомольцевъ, чѣмъ церкви. Почитаніе деревьевъ имѣетъ въ своей основѣ прежде всего анимистическій взглядъ на деревья, какъ на живыя существа, обладающія способностью чувствовать, слышать и причинять человѣку зло или дѣйствовать ему на пользу въ зависимости отъ того, съумѣетъ человѣкъ расположить къ себѣ деревья или нѣтъ. Воспоминаніе о такомъ взглядѣ на деревья сохраняется въ нѣкоторыхъ обрядностяхъ. Въ Телавскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, чтобы заставить безплодное дерево приносить плоды, поступаютъ такъ: въ день

---

[1]) „Сб. мат.", X, отд. I, стр. 112, и отд. III, стр. 36.

[2]) „Сб. мат.", XXV, отд. II, стр. 96 и 136; а также XVII, отд. II, стр. 183.

[3]) Г. Малявкинъ въ „Терск. Сборн.", вып. III, стр. 173.

[4]) Б. Гатіевъ въ „Сборн. свѣд. о кавк. горц.", вып. IX, стр. 12.

[5]) „Сб. мат.", XVII, отд. II, стр. 59.

[6]) „Сб. мат.", XXV, отд. II, стр. 133.

Вознесенія рано утромъ два человѣка, не сказавъ никому ни слова, идутъ къ безплодному дереву; одинъ замахивается на дерево топоромъ, но другой останавливаетъ его, говоря: „нѣтъ, не руби: оно впередъ будетъ приносить плоды!“ Затѣмъ оба возвращаются домой, очевидно, довольные тѣмъ, что напугали дерево[1]).

Многія изъ почитаемыхъ въ настоящее время деревьевъ находятся у развалинъ древнихъ церквей. Это можно объяснить двояко: во-первыхъ, дерево неприкосновенно и священно, потому что оно выросло на святомъ мѣстѣ, около храма; во-вторыхъ, бываетъ и обратное: церковь построена на мѣстѣ священной рощи или у священнаго дерева, куда народъ привыкъ приходить на поклоненіе богамъ и духамъ.

Новая религія—христіанская примѣнилась къ прочно существовавшему культу, и древнія священныя мѣста остались, какъ и прежде, священными, а христіанскіе храмы воздвигнуты среди нихъ, какъ дополненіе къ древней святынѣ. И теперь такія почитаемыя народомъ святыни, какъ Тетри-Георгій, Георгій Цкаростави и др., почитаются не потому, чтобы съ ними были связаны какія-либо событія христіанства, а какъ мѣста, освященныя древнимъ родовымъ культомъ.

Разобраться, какое священное дерево или роща почитались сами по себѣ и только вызвали сооруженіе въ сосѣдствѣ съ ними христіанской церкви, и какія деревья стали священными потому, что выросли на церковной землѣ, въ настоящее время невозможно. Но несомнѣнно, что въ Кахетіи дѣйствовали оба эти источника святости деревьевъ. И теперь еще все, что находится на церковной территоріи, считается кахетинцами неприкосновеннымъ, какъ собственность обитающаго здѣсь святого. Отсюда нельзя взять ни цвѣточка, ни травки, ни камешка. Святой или божество жестоко накажетъ похитителя. Ему можно приносить, но взять у него ничего нельзя. Между сел. Бодбе и Бодбисхеви близъ гор. Сигнаха существуетъ мѣстность Насомхари, гдѣ стоитъ церковь Успенія Богородицы. Все, что находится кругомъ церкви, считается неприкосновеннымъ. Разсказываютъ такой случай. Какой-то богомолецъ взялъ близъ церкви камень и принесъ домой. Сложилъ камень, смотритъ—на спинѣ у него горбъ. Прискорбная и непонятная для бѣдняка исторія. Ночью слышитъ во снѣ голосъ: „отнеси камень къ церкви, у которой взялъ его, и

[1]) „Сб. мат.“, вып. XIX, отд. II, стр. 93.

тогда выздоровѣешь!“ Проснувшись, горбунъ схватилъ злополучный камень, отнесъ въ Насомхари и положилъ у церковныхъ дверей. Въ то-же мгновеніе горбъ его исчезъ. Говорятъ, этотъ камень и теперь лежитъ у входа въ церковь. Окружающія насомхарскую церковь деревья также считаются неприкосновенными.

Христіанскіе храмы, какъ и языческіе, создавали вокругъ себя неприкосновенную территорію. Святость распространялась съ храма на окружающую мѣстность, на деревья, источники, камни и т. п. Но, вѣроятно, чаще храмъ строился на мѣстѣ, которое уже давнымъ давно было священнымъ.

Такихъ святынь въ Кахетіи множество. Собранныя мною свѣдѣнія относятся главнымъ образомъ къ Телавскому уѣзду. Въ сел. *Уріатубани* около развалинъ церкви рядомъ съ начальнымъ училищемъ старый дубъ считается неприкосновеннымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ засохъ и готовъ былъ свалиться. Учитель вздумалъ нарубить изъ него дровъ и приказалъ сторожу рубить дубъ. Сторожъ наотрѣзъ отказался. Учитель обратился къ старшинѣ селенія съ просьбой прислать людей нарубить для училища дровъ изъ засохшаго дуба, но старшина заявилъ, что ни одинъ человѣкъ не согласится это сдѣлать.

—Что-жъ, теперь дубъ такъ даромъ и сгніетъ? спрашиваетъ учитель.

—Такъ и сгніетъ.

Но дубъ не сгнилъ. Спустя нѣсколько дней приходитъ священникъ съ церковнымъ сторожемъ и пилою.

—Церковный дубъ принадлежитъ по праву священнику! заявилъ онъ. Дубъ распилили и унесли. Церковный сторожъ, какъ и священникъ, не признавалъ народныхъ обычаевъ.

Съ другимъ священнымъ деревомъ въ томъ-же селеніи вышла нѣсколько иная исторія. Священникъ обращается къ сторожу (другому): „руби!“ Сторожъ и руками отмахивается. Священникъ призываетъ крестьянъ,—ни одинъ не рѣшается. Тогда священникъ беретъ топоръ и самъ начинаетъ рубить. Надрубивъ немного, онъ обращается къ крестьянамъ и говоритъ: „видите, я началъ его рубить: если это грѣхъ, то пусть онъ падетъ на мою голову; теперь вы можете рубить спокойно“. Кое-какъ осмѣлились послѣ этого уріатубанцы, и священное дерево было срублено.

Въ сел. Ацкури въ имѣніи Бандурова много лѣтъ существовалъ священный орѣхъ, но недавно его разбила молнія, и орѣхъ засыхаетъ.

Въ сел. Кондоли въ саду бр. Ліонидзе, ниже Кизисхевской фермы стоитъ старый дубъ, пользующійся религіознымъ почитаніемъ. На вѣтвяхъ его возжигаютъ свѣчи; вокругъ дерева обматываютъ бумажную или шелковую нитку, обматываютъ 7 или 3×9 разъ. Нитки для обматыванія дуба дѣлаются непремѣнно изъ остатковъ ваты или шелка. Тамъ-же, въ Кондоли есть небольшая священная роща деревьевъ каракасъ (по-грузински *акаки*); при ней „нишъ", т. е. икона, прикрытая навѣсомъ, нѣчто въ родѣ придорожной молельни.

Въ сел. Вардисубани—священный орѣхъ. Разсказываютъ, что подъ этимъ орѣхомъ обѣдалъ князь М. С. Воронцовъ, и за эту-де „службу" дереву назначена пенсія. Что за пенсія, разсказчики ясно не представляютъ.

Въ сел. Курдгелаури дерево *надзви* (ель); кромѣ него было здѣсь и священное орѣховое дерево, но весною 1903 года буря вывернула его съ корнемъ. Передаютъ, будто хозяева двора, на которомъ росло это дерево, видѣли, какъ надъ нимъ спускался свѣтъ; казалось, что на орѣхъ садится пучекъ зажженныхъ свѣчъ—пять или шесть. Съ этого, какъ увѣряютъ, и началось почитаніе дерева. Послѣ того начали приходить къ дереву и на вѣтвяхъ его зажигать свѣчи; вѣшаютъ въ видѣ приношеній пестрые лоскутки различныхъ матерій. Подобнаго рода исторіи относительно таинственнаго свѣта извѣстны также въ Гуріи и Абхазіи. У гурійцевъ „джварисъ-дзали"—яркое огненное пламя въ формѣ конуса около $1^1/_2$ арш. высотою—въ ясные вечера спускается съ неба и садится на какое либо дерево, послѣ чего это дерево считается неприкосновеннымъ. Особенно джварисъ-дзали любитъ тисъ. Отдохнувъ на деревѣ, джварисъ-дзали улетаетъ на небо [1]). Въ Абхазіи священную гору Дудрипшъ періодически посѣщаетъ голубь съ огненными крыльями.

Въ сел. Сабуэ—дерево *тхела* (вязъ) и дубъ. Мѣстность вокругъ этихъ деревьевъ содержатъ въ чистотѣ, какъ передъ жилищемъ божества. Такъ какъ прилегающія къ деревьямъ поляны составляютъ достояніе этого святого мѣста, то ими нельзя пользоваться для человѣческихъ нуждъ,—поэтому ихъ не распахиваютъ и не засѣваютъ: пусть божества мѣста пользуются имъ, какъ найдутъ для себя лучше. Никакихъ слѣдовъ древней церкви нѣтъ по-близости. Какъ видно, деревья эти священны сами по себѣ. Сюда

[1]) „Сб. мат.", в. XVII, отд. II, стр. 118.

приходятъ богомольцы и иногда приглашаютъ священника отслужить у деревьевъ молебенъ. Богомольцы возжигаютъ на деревѣ свѣчи, цѣлуютъ дерево и т. д.

Въ сел. Новые Гавази—священный дубъ. Въ сел. *Земо-Ходашени*—кизиловое дерево. Къ нему кромѣ нитокъ, тряпокъ, свѣчей приносятъ въ качествѣ даровъ хлѣбъ, сыръ, живыхъ пѣтуховъ.

Въ Сигнахскомъ уѣздѣ въ *сел. Бодбе*—орѣховое дерево.

Въ городскомъ сигнахскомъ предмѣстьѣ *Нукріани* дерево *ипани* (ясень) обматываютъ нитками, привѣшиваютъ перья домашней птицы, тряпочки и т. п.

Въ сел. *Джимити* священными считаются дубки, липки и другія деревья, растущія вокругъ церкви св. Георгія.

Вѣра въ божественное могущество деревьевъ выражается въ томъ, съ какими именно просьбами обращаются къ деревьямъ. Повидимому, деревьямъ главнымъ образомъ приписывается способность изгонять болѣзни. Дѣтей, больныхъ коклюшемъ, кахетинцы протаскиваютъ между выступающими изъ земли корнями орѣховыхъ деревьевъ или сквозь дупла; полагаютъ, что эта церемонія даетъ особенно хорошіе результаты, если дерево разбито молніей. Протаскиваютъ и здоровыхъ дѣтей для предохраненія ихъ отъ заболѣванія коклюшемъ, оспой, скарлатиной. Это обыкновеніе принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ. Въ Верхней Карталиніи между корнями орѣховаго дерева протаскиваютъ лихорадочныхъ дѣтей. Священными деревьями въ Кахетіи чаще всего считаются орѣхъ, дубъ, чинаръ, рѣдко букъ (*ципели*).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ вдалекѣ отъ дороги находится монастырь или церковь, на дорогѣ (при началѣ тропинки къ монастырю) ставится подъ навѣсомъ икона, иначе говоря, устраивается *нишъ*. Окружающія *нишъ* деревья становятся священными. Подобные ниши есть въ сел. Шильды, Кварели, Енисели, а также въ имѣніи покойнаго князя Ник. Ѳадд. Чолокаева близъ Гомборъ, гдѣ при нишѣ имѣется священная роща. У ниша зажигаютъ свѣчи, кладутъ мелкія монеты, обвиваютъ нишъ нитками и т. п.

Почитаніе священныхъ рощъ и деревьевъ представляетъ одно изъ самыхъ распространенныхъ явленій въ исторіи человѣчества. Относительно распространенности этого культа у кавказскихъ народовъ довольно обширное количество фактовъ собрано въ статьѣ Е. Г. Вейденбаума „Священныя рощи и деревья у кав-

казскихъ народовъ", помѣщенной въ № 3 пятаго тома „Извѣстій Кавказск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества", а также перепечатанной затѣмъ въ сборникѣ „Кавказовѣдѣніе" (Тифлисъ, 1901 г.).

Поклоненіе камнямъ. Почитаніе камней въ настоящее время почти исчезло изъ памяти кахетинскаго населенія. Можно отмѣтить лишь суевѣрное отношеніе къ тремъ камнямъ, извѣстнымъ подъ именемъ каменныхъ бабъ—„kẖal-kẖва", и нѣсколько обрядностей, въ которыхъ прибѣгаютъ къ магической силѣ камешковъ. Напр., въ Телавскомъ уѣздѣ, чтобы излѣчить ребенка отъ коклюша, на шею ему вѣшаютъ на шнуркѣ просверленные плоскіе камешки темнаго цвѣта, взятые изъ русла Алазани [1]).

Каменныя бабы или „kẖal-kẖва" представляютъ изъ себя самые обыкновенные камни, въ которыхъ только слишкомъ фантастически настроенное воображеніе можетъ увидѣть какіе-либо намеки на сходство съ женской фигурой. Между тѣмъ, если послушать ветхозавѣтнаго кахетинца, это самыя настоящія женщины. Одна изъ нихъ лежитъ на окраинѣ селенія Бодбе почти у дверей церкви „Квелацминда" (Всесвятая). Представляетъ она обломокъ камня, который только своимъ чернымъ цвѣтомъ отличается отъ мѣстнаго сѣраго камня. Размѣры „kẖal-kẖва" около $2^1/_4$ арш. длины и отъ 1 до $1^1/_2$ арш. ширины. Мѣстныя старухи какимъ-то образомъ ухитряются въ этомъ почти плоскомъ съ верхней стороны камнѣ разсмотрѣть женщину съ полураскрытою грудью и люлькою подъ рукой. О происхожденіи этого камня легенда разсказываетъ слѣдующее. Это была женщина изъ фамиліи Барнабовыхъ въ сел. Бодбе. Будучи замужемъ въ Цинамхари (передней Кахетіи), она пріѣхала однажды гостить въ Бодбе, къ роднымъ. Въ это время напали на Бодбе лезгины, избивали мужчинъ, насиловали женщинъ, бросились и на Барнабову, чтобы опозорить ее; она схватила люльку со своимъ ребенкомъ, побѣжала къ церкви и горячо молила Бога, чтобы Онъ обратилъ ее въ камень, но не допустилъ попасть въ руки лезгинъ. Богъ услышалъ ея молитву, и она окаменѣла. Подбѣжали лезгины и, пока она еще не вполнѣ отвердѣла, успѣли отрѣзать у нея одну грудь. Съ тѣхъ поръ и лежитъ окаменѣвшая женщина на спинѣ у церкви Квелацминда. Къ этой каменной женщинѣ или „kẖal-kẖва" обращаются, какъ сказано выше, во время бездождія.

[1]) „Сб. мат.", в. XIX, отд. II, стр. 85.

Другая „kẖал-kẖва", извѣстная подъ именемъ *Датукіанти кẖалкẖва* (*изъ фамиліи Датуковыхъ*), находится въ Заалазанской Кахетіи между селеніями Шильда и Енисели. О происхожденіи ея разсказываютъ ту-же легенду, что и о Барнабіанти kẖал-kẖва. Женщина съ тремя дѣтьми бѣжала отъ преслѣдованія лезгинъ. Одинъ ребенокъ былъ у нея на рукахъ, двухъ другихъ она вела за собою. Лезгины уже настигали; тогда женщана попросила Бога обратить ее въ птицу, чтобы она могла улетѣть, или въ камень. Богъ обратилъ ее и дѣтей ея въ камни. Къ этой каменной женщинѣ также приходятъ во время засухи, какъ и во время продолжительныхъ ливней, съ просьбою о перемѣнѣ погоды. Перевернутъ „kẖал-kẖва" на другую сторону, и погода должна перемѣниться.

Третья „kẖал-kẖва" находится въ сел. Гурджаани вблизи грязей Ахтала, нѣсколько выше шосейной дороги, въ лѣсу. Разсказъ объ ея происхожденіи повторяетъ библейскую исторію гибели Содома и обращенія жены Лота въ соляной столбъ. На мѣстѣ нынѣшней Ахталы жилъ нѣкогда священникъ. Однажды въ праздникъ Преображенія онъ молотилъ хлѣбъ. Является ангелъ и говоритъ: „зачѣмъ работаешь? вѣдь сегодня Преображеніе!" „Ну, что-же изъ того? отвѣчаетъ священникъ: мои дочери еще рано утромъ преобразились [1])! Тогда отошелъ ангелъ. Мѣсто, гдѣ находился домъ священника, провалилось: съ тѣхъ поръ тамъ Ахтала—лѣчебныя грязи. У священника въ то время гостила родственница. Священникъ ей приказалъ уѣхать не оглядываясь назадъ. По дорогѣ женщина не утерпѣла, оглянулась и... обратилась въ камень. Удивительно, что воображенію кахетинца и въ гурджаанскомъ камнѣ мерещится женщина съ люлькой въ рукахъ. Самъ священникъ со всѣмъ своимъ семействомъ потонулъ въ нахлынувшихъ водахъ. Мѣстные жители разсказываютъ, что и теперь, когда купаются буйволы, бываетъ слышенъ звонъ отъ ударовъ о котлы, тазы и прочую посуду поповскаго хозяйства.

Рожденіе ребенка и первый уходъ. Рожденіе ребенка сопровождается у кахетинцевъ, какъ и у другихъ народовъ, выполненіемъ ряда обычаевъ и обрядностей, имѣющихъ цѣлью оградить новорожденнаго и его мать отъ дѣйствія злыхъ духовъ.

---

[1]) Въ Кахетіи существуетъ обычай утромъ въ день Преображенія мазать лобъ сокомъ красящаго растенія, извѣстнаго подъ именемъ „преображенской травы"—*перисцвала балахи*. Это дѣлается, чтобы преобразиться.

Роды считаются наиболѣе благопріятнымъ моментомъ для дѣятельности враждебныхъ духовъ: злобные духи набрасываются на новорожденнаго, чтобы погубить его, а за-одно съ нимъ погубить и родительницу. Этотъ взглядъ распространенъ среди всѣхъ малокультурныхъ народовъ; такого мнѣнія придерживаются и кахетинцы и принимаютъ противъ козней злого духа свои мѣры. Прежде всего, какъ только уложатъ беременную женщину въ постель, подъ голову ей, подъ подушку кладутъ какой-либо желѣзный предметъ—топоръ, ножъ или кинжалъ. Въ Телавскомъ уѣздѣ кладутъ подъ голову желѣзный шампуръ, на который нанизана луковица. Этимъ предметамъ приписывается сила отгонять злыхъ духовъ. Подобнаго рода суевѣрное обыкновеніе наблюдается и въ другихъ уголкахъ Кавказа. Гурійцы кладутъ у постели роженицы или подъ подушку кинжалъ, подъ тахту желѣзный гребень, употребляемый при очисткѣ шерсти, а надъ постелью развѣшиваютъ сѣть [1]); айсоры проводятъ кинжаломъ крестообразныя линіи вокругъ родильницы, и затѣмъ кинжалъ вмѣстѣ съ евангеліемъ кладется подъ подушку родильницы [2]).

Для объясненія того, откуда люди узнали о спасительномъ дѣйствіи во время родовъ желѣзныхъ предметовъ, въ одной изъ легендъ Телавскаго уѣзда разсказывается, что этой премудрости людей научило солнце [3]). При приближеніи родовъ даютъ знать родственникамъ и знакомымъ, и скоро въ комнатѣ родильницы собираются женщины, которыя считаются опытными и могутъ быть полезными въ такихъ случаяхъ. Входя въ комнату, нѣкоторыя изъ нихъ распускаютъ поясъ своего платья и при этомъ произносятъ формулу, могущую имѣть, на ихъ взглядъ, магическое дѣйствіе: „какъ я развязываю свой поясъ, да будетъ такъ развязана и твоя поясница!“ Вѣра въ сверхъестественную силу „распусканія пояса“ въ той или иной формѣ составляетъ опять таки достояніе многихъ народовъ.

Въ комнатѣ принимаются за беременную: бабка ощупываніемъ опредѣляетъ положеніе ребенка, и сообразно съ нимъ роженицѣ придаютъ то или иное положеніе: сажаютъ на корточки, ставятъ на четвереньки, встряхиваютъ внизъ головой и т. д. У дверей дома, чтобы ускорить роды, стрѣляютъ изъ ружей и револь-

---

[1]) „Сб. матер.“, XVII, отд. II, стр. 92.
[2]) „Сб. матер.“, IV, отд. I, стр. 317.
[3]) „Сб. матер.“, XVII, отд. II, стр. 132 и 133.

веровъ. Это, конечно, имѣетъ свое реальное основаніе, такъ какъ испугъ ускоряетъ роды. Съ тою-же цѣлью даютъ роженицѣ выпить бутылку воды. „Какъ вода легко протекаетъ по пищеводу, такъ пусть и женщина эта легко освободится отъ бремени"! Въ Кизикіи и Уканамхари, кромѣ того, отправляются въ церковь, обмываютъ правую руку на иконѣ Богородицы и воду эту даютъ пить роженицѣ, въ надеждѣ, что Матерь Божія, какъ покровительница родовъ, не оставитъ страдалицы безъ своей помощи. „Какъ Она легко и безболѣзненно родила Сына, такъ пусть и эта женщина родитъ безъ мученій". При трудныхъ родахъ, какъ это дѣлается и въ Россіи, просятъ священника отдернуть наполовину занавѣсъ на царскихъ вратахъ и раскрыть царскія врата.

Въ Телавскомъ уѣздѣ въ трудныхъ случаяхъ прибѣгаютъ иногда къ хирургіи, при чемъ въ качествѣ спеціалиста-акушера приглашаютъ пастуха. Говорятъ, пастухи довольно искусные операторы и успѣшно выполняютъ иной разъ очень серьезныя операціи.

Не понимая естественныхъ причинъ и условій тяжкихъ родовъ, кахетинскій крестьянинъ приписываетъ трудные роды гнѣву какого-либо святого, недовольнаго за недостаточное вниманіе къ нему. Чтобы умилостивить разсерженнаго святого, даютъ обѣтъ посѣтить его храмъ и принести его образу или „хати" умилостивительные дары. Въ знакъ обѣта вокругъ головы роженицы три раза обносятъ серебряную монету, послѣ чего монета становится собственностью „хати": ее хранятъ гдѣ нибудь или привязываютъ на ниткѣ къ рукѣ родильницы. Такъ будетъ носить она наглядное напоминаніе о своемъ обѣтѣ, пока не побываетъ у оскорбленнаго „хати" и не оставитъ ему пожертвованную монету.

Ребенокъ въ первое время жизни подвергается большой опасности со стороны враждебныхъ духовъ, которые пытаются задушить его или похитить. Для охраны ребенка подъ голову ему въ люльку кладутъ ножикъ съ черной рукояткой, какъ вѣрное оружіе противъ злыхъ духовъ. На люлькѣ съ тою-же цѣлью вѣшаютъ раковины, надъ которыми были прочитаны заклинанія; раковины предохраняютъ и отъ дѣйствія дурного глаза, ими-же ребенокъ играетъ и забавляется. Если ребенокъ долго кричитъ, это значитъ, что на него напали злые духи; тогда призываютъ „свѣдущую" женщину, которая прочитаетъ надъ ребенкомъ соотвѣтствующій заговоръ, и ребенокъ успокоится.

Въ Кизикіи и Уканамхари, если вечеромъ ребенокъ долго оставался одинъ въ колыбели, отецъ, входя въ домъ, у порога вынимаетъ изъ ноженъ кинжалъ или ножъ изъ-за пояса и входитъ въ комнату, держа его передъ собой. Если въ домѣ уже кто-нибудь есть, то подъ ноги отцу на порогъ бросаютъ изъ камина или очага горящій уголь или золу; то-же дѣлаютъ и при входѣ матери. Продѣлывается это для того, чтобы не впустить въ домъ злыхъ духовъ, или выгнать ихъ, если они успѣли раньше забраться въ жилище.

Относительно того, какіе именно изъ злыхъ духовъ вредятъ дѣтямъ, въ Кахетіи не существуетъ опредѣленнаго воззрѣнія. Кизикійцы такимъ считаютъ духа *али*. Али имѣетъ видъ прелестной дѣвочки съ роскошными золотистыми волосами и живетъ у воды по берегамъ рѣчекъ. Во время родовъ она проникаетъ въ домъ, чтобы убить ребенка или родильницу; однимъ ударомъ али можетъ убить и мать, и ребенка. Чтобы не допустить али, кизикійцы во время родовъ всю ночь не тушатъ въ очагѣ огня: али боится огня и удаляется. Али напоминаетъ еврейскую Лилитъ, которая также имѣетъ страсть душить новорожденныхъ дѣтей и причинять вредъ родильницамъ. Очень много общаго съ „али“ имѣетъ лезгинская „алпабъ“, которая губитъ родильницъ, вынимая у нихъ внутренности [1]).

Въ постели родильница остается около трехъ недѣль. Если родится дѣвочка, мать поднимается за день, за два до истеченія трехъ недѣль; если мальчикъ,—днемъ или двумя позже трехнедѣльнаго срока. Говорятъ, это дѣлается въ виду того, что мальчикъ долженъ быть долговѣчнѣе дѣвочки: соображеніе, въ которомъ ясно сказывается предпочтеніе, оказываемое дѣтямъ мужскаго пола. Поднявшись съ постели, родильница до сорока дней не прикасается ни къ чему въ хозяйствѣ.

Этотъ добрый обычай происходитъ, однако, не изъ гуманныхъ побужденій, а изъ боязни, чтобы родильница не осквернила чего-либо своимъ прикосновеніемъ и не навлекла на семью какого-либо несчастья. До истеченія сорока дней послѣ родовъ родильница—существо нечистое, поэтому она и устраняется отъ хозяйства: взглядъ, довольно распространенный на Кавказѣ. У сванетъ до сорока дней, пока „папъ“ (духовное лицо) не окропитъ родильницу священною водою, нельзя прикасаться къ

[1]) „Сб. мат.“, XIII, отд. II, 145.

ней, чтобы не осквернииться [1]). У пшавовъ родильница въ теченіе 40 дней или, самое меньшее, двухъ недѣль остается со своимъ ребенкомъ въ родильной хижинѣ „*сачехи*"; у хевсуръ приблизительно столько-же времени родильница не допускается въ семью [2]). У армянъ Эчміадзинскаго уѣзда, пока не исполнится 40 дней, родильница не должна ходить въ чужой домъ, потому что она принесетъ съ собою несчастье, и, если въ томъ домѣ есть дѣти, то они умрутъ [3]). Аналогичное воззрѣніе на родильницу существуетъ у евреевъ, грековъ, самоѣдовъ [4]) и другихъ народовъ.

Въ Телавскомъ уѣздѣ враждебнымъ для новорожденныхъ и родильницъ духомъ считается „маджаладжуна", который, помимо нападенія на рожениць и дѣтей, имѣетъ обыкновеніе душить людей во снѣ; онъ затрудняетъ дыханіе, производитъ кошмаръ.

Родителей немало заботитъ также и то, чтобы ребенокъ не былъ хилымъ и болѣзненнымъ, чтобы во время научился ходить и т. д. Чтобы ребенокъ поскорѣе сталъ ходить, надъ нимъ продѣлываютъ нѣкоторыя символическія дѣйствія: ставятъ на плечи присутствующихъ при родахъ, ударяютъ ножкой о дверь и т. п. Ребенка, который долго не ходитъ, иногда приносятъ въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, и ставятъ ему на грудь: послѣ этого ребенокъ, какъ полагаютъ, скоро научится ходить. Чтобы ребенокъ не былъ хилымъ, его во время купанья перевертываютъ внизъ головой и говорятъ: „пусть медвѣдь будетъ худой, а ты тучный!" („датви мчле, шенъ мсукѣани").

Если въ какой-либо семьѣ дѣти не выживаютъ, тогда, чтобы спасти новорожденнаго отъ смерти, родители прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ средствамъ съ цѣлью обмануть ангела смерти, преслѣдующаго данное семейство. Одно изъ такихъ средствъ—фиктивная продажа ребенка. Мать „продаетъ" ребенка сосѣдкѣ, которая даетъ за него „пачичи" (вязаное голенище), наполненное просомъ.

---

[1]) А. И. Стояновъ—„Путешествіе по Сванетіи", „Зап. Кавк. О. И. Р. Г. О.", кн. X, вып. 2-й.

[2]) Г. И. Радде—„Хевсурія и хевсуры", „З. К. О. И. Р. Г. О.", кн. XI, вып. 2-й, стр. 74; кн. Р. Эристовъ—„Извлеченіе изъ этнографич. очерковъ г. Урбнели о хевсурахъ", „З. К. О. И. Р. Г. О.", кн. XIV, стр. 163 и 164; а также „Пшавія и пшавцы" въ „З. К. О. И. Р. Г. О", кн. XVIII, стр. 137.

[3]) „Сб. мат.", XVII, отд. II, стр. 190.

[4]) С. Максимовъ—„Годъ на Сѣверѣ", стр. 531 и 541.

„Купивъ" ребенка, сосѣдка передаетъ его обратно матери, сдавая ей на воспитаніе, за что обязывается ежемѣсячно уплачивать кормилицѣ-матери опредѣленное вознагражденіе, обыкновенно самую мелкую монету (1—2 коп.). Тогда ангелъ смерти, имѣвшій намѣреніе истреблять дѣтей какой-нибудь Соломе Кибруцашвили, оставитъ ребенка въ живыхъ, такъ какъ онъ принадлежитъ теперь другой женщинѣ, противъ которой ангелъ смерти не питаетъ зла. Подвергавшійся такого рода церемоніи ребенокъ получаетъ прозвище „пасвидъ", т. е. *купленный*. Есть и другіе способы обмануть смерть. Такъ, въ теченіе перваго года родители одѣваютъ своего ребенка въ платье, выпрошенное у сосѣдей. Вмѣсто готоваго платья у сосѣдей берутъ также матерію или даже деньги на платье; въ данномъ случаѣ важно лишь, чтобы платье не было свое, сдѣланное на собственныя средства. Иногда въ такомъ платьѣ ребенокъ ходитъ три года, а, случается, и пять лѣтъ. Почему подобное переряживаніе должно спасти ребенка отъ смерти, постигшей его братьевъ и сестеръ, кахетинскій крестьянинъ въ настоящее время объяснить не можетъ; но несомнѣнно, что этотъ обычай порожденъ стремленіемъ обмануть смерть, почему-либо неотступно преслѣдующую данное семейство. Обычай этотъ не представляетъ исключительнаго явленія въ этнографіи. Нѣчто подобное замѣчается и у другихъ народовъ. По сообщенію Н. Гондатти, обстоятельно изучившаго бытъ чукчей, если чукотскаго ребенка постигаетъ болѣзнь, родители перемѣняютъ ему имя, чтобы обмануть духовъ болѣзни; то же дѣлается и у лопарей[1]).

Кромѣ одѣванія ребенка въ выпрошенное платье еще есть вѣрное средство противъ ожидающей его смерти: крадутъ у священника рубаху и изъ нея шьютъ ребенку платьице. Это, очевидно, простое видоизмѣненіе предыдущаго обычая. Прибѣгаютъ нерѣдко и къ помощи кузнецовъ. Въ Великій четвергъ мать, у которой умираютъ дѣти, заказываетъ кузнецу желѣзное кольцо, которое потомъ постоянно носитъ на пальцѣ. Мнѣ случилось видѣть въ Телавѣ желѣзное кольцо, которое мать носитъ уже 14 лѣтъ; кольцо сильно истерлось, сдѣлалось тонкимъ, но женщина не разстается съ нимъ, такъ какъ оно, по ея мнѣнію, спасло жизнь ея дѣвочки.

Свадебные обычаи. Послѣ того, какъ родители молодого чело-

[1]) Н. Харузинъ—„Русскіе лопаря", стр. 178 и 179.

вѣка узнаютъ о согласіи родителей дѣвушки на бракъ, женихъ въ сопровожденіи родственниковъ отправляется въ ея домъ съ подарками. Онъ даритъ невѣстѣ шелковый платокъ—„багдади", иногда браслетъ или гармонику, или деньгами отъ одного до пяти рублей, смотря по состоянію. Это врученіе подарковъ невѣстѣ называется „наложеніемъ руки" на невѣсту—*хелисъ-дадеба*. Какъ только дѣвушка приняла подарки жениха, она не можетъ уже отказаться отъ него и выйти за другого; то же относится и къ жениху, вручившему подарки. Въ платѣ невѣстѣ со стороны жениха можно видѣть видоизмѣненіе обычая купли невѣсты; названіе же этой церемоніи „наложеніемъ руки" указываетъ на практиковавшееся въ прежнее время похищеніе невѣсты, когда молодой человѣкъ дѣйствительно „налагалъ руку" на похищаемую имъ дѣвушку.

Вообще въ кахетинскихъ свадебныхъ обычаяхъ и обрядахъ мы встрѣчаемъ какъ нѣкоторые отголоски „умыканія" женъ, такъ и разнообразныя формы выкупа. Такъ, за право разговаривать съ невѣстой до обрученія женихъ всякій разъ долженъ платить либо деньгами, либо вещами.

Въ день, назначенный для свадьбы, женихъ, окруженный свитой молодыхъ людей, называемыхъ *макребами* (ед. ч. „макари"), ѣдетъ въ домъ невѣсты, чтобы взять ее въ церковь. Нѣсколько „макаровъ" въ качествѣ „вѣстниковъ" (*махаробели*) пускаются вскачь, чтобы дать знать родителямъ невѣсты о приближеніи жениха. Прискакавшій первымъ стрѣляетъ изъ револьвера и получаетъ отъ родителей невѣсты шелковый или бумажный платокъ, который повязываютъ ему на правую руку, или самъ онъ навязываетъ на шею лошади. Исполнивъ свою обязанность, махаробели скачетъ обратно, чтобы присоединиться къ свитѣ жениха.

Когда женихъ со своими дружками-макарами приблизится къ дому невѣсты, окружающія невѣсту дѣвушки и женщины прячутъ ее въ такой комнатѣ, куда-бы не могли проникнуть макари жениха. Тамъ ее одѣваютъ къ вѣнцу и стараются не выдать жениху. Шафера жениха требуютъ невѣсту, женщины долго упорствуютъ, но, наконецъ, соглашаются выдать ее шаферу, съ условіемъ, чтобы онъ сначала заплатилъ той женщинѣ, которая обучала невѣсту рукодѣльямъ, рубля два-три „за обученіе" (у грузинъ Ахалцихскаго уѣзда плата отъ 2 до 4 руб. дается женщинамъ, которыя одѣвали невѣсту [1]), за труды). Послѣ этого шаферъ бе-

[1]) Л. Андроникова въ „Записк. Кавк. Отд. И. Р. Геогр. Общ.", вн. XVI.

ретъ невѣсту за руку и передаетъ жениху. Мать невѣсты беретъ стаканъ вина, становится на колѣни и благословляетъ дочь на предстоящую семейную жизнь. Женихъ въ это время незамѣтно опускаетъ въ ея стаканъ серебряную монету. Очевидно, это тоже родъ платы за невѣсту.

Лѣтъ 20 назадъ можно было наблюдать въ Кахетіи еще одинъ любопытный обычай, уцѣлѣвшій отъ временъ умыканія невѣстъ. Когда женихъ съ дружками пріѣзжалъ взять невѣсту къ вѣнцу, навстрѣчу имъ у дома невѣсты выступала толпа мужчинъ и женщинъ съ длинными хворостинами и принималась немилосердно стегать лошадей, при чемъ, конечно, заодно доставалось и всадникамъ (сел. Курдгелаури Телавскаго уѣзда). Такую-же враждебную встрѣчу свитѣ жениха, какъ пережитокъ похищенія невѣстъ, устраиваютъ и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа. У грузинъ Ахалцихскаго уѣзда подъѣзжающаго къ дому невѣсты „махаробели“ мальчуганы осыпаютъ снѣжками, камешками и т. п. [1]). У чеченцевъ Аргунскаго округа пріѣхавшихъ за невѣстой встрѣчаютъ камнями, выстрѣлами, бранью.... Въ комнатѣ невѣсты на нихъ набрасываются женщины съ иглами, булавками, ножницами; рвутъ бешметы, отнимаютъ шапки [2]). У осетинъ, когда шаферъ подводитъ невѣсту къ родительскому очагу, дѣвушки бросаются на него, бьютъ по бритой головѣ, обрываютъ бешметъ и т. д. [3]); у тушинъ жениха съ дружками сначала не пускаютъ во дворъ невѣсты, при чемъ ворота держатъ запертыми.

Получивъ напутственное благословеніе, отправляются въ церковь. При входѣ въ церковь наблюдается рядъ мелочныхъ обрядностей и примѣтъ. По существующему повѣрью, кто изъ молодыхъ первый переступитъ порогъ церкви, тотъ дольше проживетъ. Когда женихъ и невѣста входятъ въ церковь, по обѣимъ сторонамъ церковныхъ дверей становятся два человѣка, чтобы никто не прикоснулся къ молодымъ и тѣмъ не причинилъ имъ „порчи“, а также, чтобы не впустить въ церковь нечистую силу, которая въ это время ищетъ случая нанести какой-либо вредъ новобрачнымъ. Шафера—одинъ со стороны невѣсты, другой со стороны жениха—скрещиваютъ въ дверяхъ церкви обнаженные

---

[1]) Ibidem.

[2]) А. П. Ипполитовъ—„Этногр. очерки Аргунск. округа“, „Сб. св. о кавк. горц.“, в. I.

[3]) Кануковъ въ „Сб. св. о кавк. горц.“, вып. VIII, стр. 25.

кинжалы или шашки и подъ ними пропускаютъ молодыхъ. Дѣлается это для огражденія молодыхъ какъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ, такъ и отъ вліянія дурного глаза. Существуетъ примѣта, что, чей шаферъ выше держитъ при этой церемоніи шашку, та сторона будетъ властвовать въ домѣ; желая доставить главенство своей сторонѣ, каждый изъ шаферовъ старается поднять шашку выше, изъ-за чего происходитъ непродолжительная борьба (Джимити).

Обычай держать въ церковныхъ дверяхъ обнаженное оружіе при проходѣ молодыхъ довольно распространенъ на Кавказѣ. Въ Мингреліи держатъ обнаженные кинжалы, когда новобрачные выходятъ изъ церкви [1]); въ Имеретіи держатъ обнаженныя шашки при выходѣ новобрачныхъ изъ церкви и затѣмъ при входѣ въ домъ [2]); у сванетъ держатъ обнаженные кинжалы при входѣ невѣсты въ домъ жениха [3]).

Въ настоящее время въ этомъ обычаѣ сказывается первобытное вѣрованіе въ магическую силу оружія, прогоняющаго злыхъ духовъ и разрушающаго чары и козни недоброжелателей. Не безъ основанія можно также предположить, что этотъ воинственный обычай является однимъ изъ пережитковъ эпохи похищенія невѣстъ, когда для огражденія жениха отъ возможнаго преслѣдованія родственниковъ невѣсты являлась дѣйствительная необходимость ставить у дверей церкви или дома вооруженныхъ людей.

Въ церкви на полу передъ аналоемъ разстилается шелковый платокъ, на который одинъ изъ шаферовъ кладетъ обнаженную шашку. Женихъ и невѣста касаются носками обуви тыльной стороны шашки, священникъ надѣваетъ вѣнцы и приступаетъ къ обряду. При чтеніи словъ Апостола: „жена да боится своего мужа“ невѣста старается наступить на ногу жениху, чтобы властвовать въ домѣ; женихъ съ своей стороны пытается наступить на ногу невѣсты.

Иногда во время обряда суевѣрный женихъ по совѣту свѣдущихъ въ чародѣйствѣ женщинъ раскрываетъ въ карманѣ тайкомъ замокъ, который вложили ему въ карманъ закрытымъ передъ отправленіемъ въ церковь. Продѣлывается эта церемонія съ

---

[1]) „Сб. мат.“, в. XIX, отд. I, стр. 156.

[2]) „Сб. мат.“, в. XVIII, отд. III, стр. 304; XIX. отд. I, стр. 173; М. Ковалевскій—„Законъ и обычай на Кавказѣ“, т. II, стр. 48 и др.

[3]) М. Ковалевскій—„Законъ и обычай на Кавказѣ“, т. II, стр. 48.

замкомъ для того, чтобы разрушить козни нечистыхъ силъ, стремящихся сдѣлать невѣсту навсегда безплодною [1]).

Изъ церкви свадебная процессія отправляется опять въ домъ невѣсты. Въ дверяхъ дома первый шаферъ держитъ одну или двѣ обнаженныя шашки, чтобы не пропустить злыхъ духовъ, которые словно рѣшили устраивать облаву на новобрачныхъ. Такъ по крайней мѣрѣ представляется воображенію современнаго кахетинца. Обнаженную саблю въ дверяхъ дома держатъ у армянъ [2]); въ Карталиніи ударяютъ кинжаломъ по косяку дверей [3]).

У порога вверхъ дномъ лежитъ чашка *джами*; женихъ ударомъ ноги разбиваетъ ее въ куски, чтобы такъ-же разбиты были вражескіе замыслы и чары. Тарелку могла разбить и невѣста, если только она успѣвала это сдѣлать; это считается своего рода удальствомъ. Эта символическая церемонія разбиванія посуды тоже является однимъ изъ общераспространенныхъ свадебныхъ обычаевъ. У имеретинъ женихъ разбиваетъ тарелку, чтобы уничтожить враговъ и недоброжелателей дома [4]). То же соблюдается въ Карталиніи [5]) и у артвинскихъ армянъ [6]) „въ знакъ торжества". Тутъ-же у дверей дома посаженные отецъ и мать подносятъ новобрачнымъ сладости и вино и произносятъ: „такъ да будетъ сладка ваша жизнь!" (Кодало). Эта обрядность выполняется и нѣсколько иначе, обнаруживая значительное разнообразіе формъ. Часто вмѣсто всякихъ другихъ сластей даются кусочки сахара, при чемъ дѣлаетъ это молодой человѣкъ или молодая женщина (иногда замужняя, иногда дѣвушка), у которыхъ непремѣнно должны быть въ живыхъ отецъ и мать. Если сахаръ подастъ мужчина, тогда первый ребенокъ новобрачныхъ будетъ мальчикъ, если женщина,—дѣвочка (сел. Курдгелаури). Сахаръ чаще всего кладутъ прямо въ ротъ жениху и невѣстѣ, иногда-же ограничиваются однимъ прикосновеніемъ къ губамъ: очевидно, послабленіе это новѣйшаго происхожденія. На нѣкоторыхъ свадьбахъ, когда особенно заботятся о выполненіи старыхъ обычаевъ, вслѣдъ за первымъ, поднесшимъ сахаръ новобрачнымъ, это-же дѣлаютъ всѣ присутствующіе. Этотъ распространенный обрядъ

---

[1]) „Сб. мат.", XIX, отд. II, стр. 96.

[2]) Паткановъ—„Свадебные обряды армянъ", „Кавказъ" 1872 г., № 24.

[3]) Л. Андроникова, „З. К. О. И. Р. Г. О.", кн. XVI.

[4]) „Сб. мат.", XIX, отд. I, стр. 173; XVIII, отд. III, стр. 304.

[5]) Л. Андроникова, „З. К. О. И. Р. Г. О.", кн. XVI.

[6]) „Сб. мат.", XXII, отд. II, стр. 49.

представляетъ изъ себя сильно выродившуюся форму обычая совмѣстной ѣды новобрачныхъ, составляющаго чуть-ли не у всѣхъ народовъ Стараго и Новаго Свѣта необходимую принадлежность свадебнаго ритуала.

Кусочки сахара даютъ отвѣдать новобрачнымъ въ Картлиніи [1]), Имеретіи [2]), Мингреліи [3]) и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, равно какъ и иныхъ странъ. У ингилойцевъ въ ротъ невѣстѣ кладутъ немного меда [4]).

Въ домѣ невѣсты садятся за обѣдъ. Тутъ женихъ неожиданно принимаетъ недовольный видъ и отказывается садиться обѣдать, требуя, чтобы тесть или теща подарили серебряную чашку „tʰaci", или деньгами 30—50 коп., или, наконецъ, какую-либо вещь. Требованіе это, или, вѣрнѣе, капризъ продѣлывается, какъ говорятъ кахетинцы, „ради лицезрѣнія" (*пирисанахави*).

Получивъ желаемое, женихъ удовлетворяется и приглашаетъ своихъ макаровъ садиться за столъ и веселиться.

Во время обѣда родственники и дружки жениха дарятъ невѣстѣ деньги (10, 20, 30 коп.) и вещи. Это одариваніе невѣсты называется *чадалоцва* и представляетъ отголосокъ той эпохи, когда невѣсту покупали цѣлымъ родомъ или всей общиной. Насколько распространенъ былъ въ свое время такой порядокъ, настолько-же теперь распространенъ происшедшій изъ него обычай одариванія невѣсты.

У армянъ Зангезурскаго уѣзда невѣсту одариваютъ только женщины: дарятъ платки, чулки, головныя украшенія и т. п. [5]).

Постепенно обычай этотъ утратилъ свой первоначальный характеръ купли невѣсты и превратился въ поднесеніе подарковъ обоимъ новобрачнымъ, какъ-бы для того, чтобы положить основаніе ихъ будущему хозяйству. Такъ, въ Мингреліи подарки деньгами или вещами даются обоимъ молодымъ [6]); то же дѣлается и въ Имеретіи [7]).

Наконецъ, наступаетъ время, когда молодые изъ дома невѣсты должны ѣхать въ домъ жениха. Весь день молодая почти ничего

---

[1]) Л. Андрониковъ — „Описаніе 3-го, Уравельск. полиц. участка", „З. К. О. И. Р. Г. О.", кн. XVI.
[2]) „Сб. мат.", XIX, отд. I, 174.
[3]) Тамъ-же, стр. 156.
[4]) А. Фонъ-Плотто въ „Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ", вып. IV.
[5]) „Сб. мат.", XIX, отд. II, 223 и 224.
[6]) „Сб. мат.", XIX, отд. I, 157.
[7]) Тамъ-же, стр. 174.

не ѣстъ, выражая тѣмъ свою тоску по родному дому, съ которымъ приходится разстаться. Часто это дѣйствительная грусть, еще чаще показная, требуемая обычаемъ. По старому обычаю, молодая два дня послѣ вѣнчанія не должна ничего ѣсть: грѣшно; говорить должна тихо,—иначе дѣти будутъ крикливыя [1]).

Молодую усаживаютъ въ арбу или въ фаэтонъ рядомъ съ мужемъ; съ ними-же садится шаферъ и ближайшіе родственники, и поѣздъ трогается въ путь. По дорогѣ макари, между прочимъ, поютъ слѣдующую свадебную пѣсенку: „ѣдемъ и радуемся, что веземъ самку и самца-фазана".

На дорогѣ свадебный поѣздъ встрѣчаетъ махаробели, посланный изъ дома жениха. Въ рукѣ у него „тһаси" (чашка) съ виномъ. Махаробели выпиваетъ вино до дна, бросаетъ „тһаси" къ ногамъ жениха и возглашаетъ: „Да уничтожатся враги твои, какъ выпито это вино до дна! Путь вашъ миренъ, пожалуйте къ намъ" (сел. Кодало). Во время пути шаферъ жениха, сидя на лошади, держитъ въ одной рукѣ *пуриджвари*, въ другой хеладу вина и угощаетъ всѣхъ встрѣчныхъ. Кромѣ того онъ везетъ вареную курицу, иногда укрѣпленную на „пуриджвари". „Пуриджвари" представляетъ изъ себя слѣдующее: въ хлѣбъ устанавливается крестъ изъ деревянныхъ палочекъ, на свободныхъ концахъ котораго нанизанъ шашлыкъ (на горизонтальной перекладинѣ) и яблоко.

У дверей дома жениха молодымъ опять подносятъ сладости; какъ и передъ домомъ невѣсты, женихъ разбиваетъ ногою чашку, положенную у дверей дома, чтобы разсѣять дурные замыслы враговъ. Разбиваніе посуды первоначально могло имѣть значеніе жертвы, приносимой духамъ, хранителямъ дома. Жертву могъ приносить какъ новобрачный, такъ и новобрачная, чтобы снискать къ себѣ милость и расположеніе духовъ—покровителей дома. Новобрачная является пришельцемъ изъ чужой семьи, отъ чужого очага; поэтому прежде, чѣмъ ввести ее въ домъ, необходимо жертвами и обрядами склонить домашнихъ духовъ милостиво принять ее и признать членомъ охраняемаго ими дома. Въ виду этого у зангезурскихъ армянъ невѣста, направляясь въ домъ свекра, разбиваетъ ногою тарелки, разставленныя по дорогѣ. По современному толкованію, это дѣлается, чтобы прогнать злыхъ духовъ [2]); кромѣ того, до сихъ поръ у тѣхъ-же армянъ сохранились и дѣйствитель-

[1]) „Сб. мат.", XIX, отд. II, стр. 96.
[2]) Тамъ-же, отд. II, стр. 223.

ныя жертвы божествамъ новой семьи: именно, у порога передъ ногами новобрачныхъ рѣжутъ барана [1]); у гурійцевъ-мусульманъ невѣста передъ домомъ жениха три раза объѣзжаетъ кругомъ барана, затѣмъ спутники ея рѣжутъ барана, или надрѣзываютъ ему ухо, чтобы показалась кровь. Если собрать на вату эту кровь, не давъ ей коснуться земли, и сжечь затѣмъ вату, домъ новобрачныхъ навсегда будетъ огражденъ отъ дѣйствія колдовства [2]). У грузинъ Ахалцихскаго уѣзда новобрачные, подъѣхавъ къ дому жениха, не слѣзаютъ съ лошади, пока у ногъ лошади не зарѣжутъ барана или курицу [3]).

Войдя въ домъ, кахетинскіе молодые три раза обходятъ вокругъ очага, при чемъ сопровождающіе ихъ шафера ударяютъ кинжалами по кувшину съ орѣхами, привѣшенному посреди дома къ потолку. Послѣ третьяго обхода очага кувшинъ разбиваютъ, и орѣхи разсыпаются по комнатѣ. Гости подбираютъ и ѣдятъ (сел. Курдгелаури).

Иногда вокругъ очага обводятъ одну невѣсту; обводятъ три или семь разъ; въ домахъ, гдѣ нѣтъ срединнаго очага, невѣсту обводятъ вокругъ центральнаго столба дома, считающагося такимъ-же священнымъ мѣстомъ, какъ и очагъ. Въ разныхъ селеніяхъ эта церемонія выполняется неодинаково.

По записи Ѳ. Мтавріева [4]), новобрачныхъ обводитъ вокругъ очага тотъ мужчина или та женщина, которая угощала ихъ у порога сахаромъ и ширбати. Шафера и поѣзжане сбиваютъ фрукты съ досокъ потолка, на которыя они положены. Въ сел. Кодало мною записана иная картина. Поѣзжане составляютъ въ домѣ кругъ, въ серединѣ котораго становятся молодые. Шаферъ держитъ одной рукой руку молодой, а въ другой рукѣ пурисджвари и командуетъ: „джвари цина, джварсъ укана!“ и кругъ вращается то вправо, то влѣво; при этомъ бьютъ кинжалами по кувшину, пока послѣдній не разобьется.

Нынѣшніе кахетинцы далеко не всѣ выполняютъ эту церемонію и рѣшительно не знаютъ, какой смыслъ имѣетъ хожденіе невѣсты вокругъ очага, хотя повсемѣстно въ Кахетіи очень распространенъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 223.

[2]) Н. Державинъ въ „Сб. мат.“, XXXI, отд. III.

[3]) Л. Андроникovъ—„Описаніе 3-го, Уравельскаго полиц. участка“, „З. К. О. И. Р. Г. О.“, кн. XVI.

[4]) „Сб. мат.“, вып. XXXI, отд. III.

обычай ходить вокругъ всевозможныхъ святынь, въ знакъ посвященія святынѣ. Очагъ всегда считался мѣстомъ пребыванія домашняго божества: поэтому невѣсту обводятъ вокругъ очага, или замѣняющаго его столба, чтобы посвятить ее божествамъ дома, вручить ихъ заботамъ и попеченію. Приведеніе невѣсты къ очагу или хожденіе вокругъ очага выполняется или выполнялось въ недавнее время у хевсуръ [1]), пшавовъ [2]), тушинъ, осетинъ [3]), чеченцевъ [4]), армянъ [5]) и у множества другихъ народностей.

Исполнивъ обрядъ хожденія вокругъ очага, молодые направляются къ столу, чтобы сѣсть. Но ихъ мѣсто оказывается занятымъ: на немъ лежитъ, повернувшись лицомъ книзу, мальчикъ лѣтъ семи (мальчикъ непремѣнно долженъ имѣть въ живыхъ отца и мать: это сулитъ новобрачнымъ счастье). Онъ не встаетъ съ мѣста, пока у него не выкупятъ право на мѣсто сами молодые или шаферъ, заплативъ копѣекъ 20—30. Въ Карталиніи, въ Ахалцихскомъ уѣздѣ мѣсто молодыхъ еще въ домѣ невѣсты занимаютъ нѣсколько мальчиковъ и получаютъ выкупъ [6]). Послѣ уплаты выкупа молодые садятся на свое мѣсто.

Какая-либо изъ родственницъ жениха приноситъ и кладетъ или сажаетъ на колѣни жениху мальчика, высказывая желаніе, чтобы и у него родился сынъ. Женихъ передаетъ ребенка невѣстѣ, которая, подержавъ немного, возвращаетъ его роднымъ. Мальчика даютъ иногда прямо въ руки невѣстѣ. Этотъ обычай едва-ли могъ когда-либо имѣть иной смыслъ, кромѣ символическаго, который придаютъ ему и въ настоящее время. Однако, мы знаемъ этотъ обычай у многихъ народовъ—у имеретинъ [7]), армянъ [8]) и др.

Иногда тотчасъ послѣ обхода очага свекоръ ведетъ молодую невѣсту въ марани, гдѣ она должна открыть винный кувшинъ.

---

[1]) П. Надеждинъ—„Опытъ географіи Кавказскаго края", стр. 146; Р. Эристовъ—„О тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ", „З. К. О. И. Р. Г. О.", кн. III, стр. 112.

[2]) М. Ковалевскій—„Законъ и обычай на Кавказѣ", ч. II, стр. 88.

[3]) Дж. Шанаевъ въ „Сб. св. о кавк. горц.", вып. IV, стр. 25.

[4]) Б. Далгатъ—„Первобытная религія чеченцевъ", стр. 86—88, а также „Кавказъ" за 1846 г., № 28.

[5]) С. П. Зелинскій въ „Изв. Кавк. Отд. И. Р. Геогр. Общ.", т. XII, вып. III.

[6]) Сб. мат., XIX, отд. I, стр. 173.

[7]) Л. Андрониковъ въ „З. К. О. И. Р. Г. О.", кн. XVI.

[8]) „Сб. мат.", в. XVII, отд. II, стр. 199; XIX, отд. II, стр. 223.

Молодой даютъ желѣзную лопату; она дѣлаетъ ею нѣсколько ударовъ въ землю, послѣ чего лопату берутъ у нея другіе, откапываютъ кувшинъ, набираютъ вина и подносятъ молодой и поѣзжанамъ. Затѣмъ снова входятъ въ домъ и начинаютъ пиръ. Этимъ обрядовымъ дѣйствіемъ молодая вступаетъ въ отправленіе обязанностей хозяйки.

У ингилойцевъ вступленіе въ обязанности хозяйки знаменуется тѣмъ, что молодая прилѣпляетъ данный ей кусочекъ тѣста къ косяку двери [1]).

Въ началѣ обѣда молодымъ приносятъ вареную лопатку буйвола (*бечи*). Шаферъ отрѣзаетъ отъ нея по куску каждому изъ присутствующихъ. Шаферъ-же избирается и тамадой. Тосты произносятся имъ отъ имени молодыхъ: „*мепе* (царь) приказываетъ: за здоровье всѣхъ моихъ макаровъ!“ „*Дедопали* (царица) приказываетъ: за здоровье моихъ макаровъ!“ За этими тостами слѣдуютъ тосты „за благодѣтельнаго ангела дома жениха“ и „за благодѣтельнаго ангела дома невѣсты!“ Эти тосты весьма характерны, какъ одинъ изъ отзвуковъ древняго культа домашнихъ духовъ.

На второй день свадьбы родственники и макари жениха дарятъ его деньгами или вещами. Это несомнѣнный остатокъ практиковавшейся прежде въ болѣе широкихъ размѣрахъ общинной помощи вновь возникающей семьѣ. Съ этимъ обычаемъ мы встрѣчаемся у многихъ народовъ. У армянъ Зангезурскаго уѣзда родители жениха на второй день свадьбы приглашаютъ родню и знакомыхъ; это такъ и называется—„зовъ“, „приглашеніе“. Приглашенные дарятъ новобрачнаго деньгами; иногда такимъ путемъ набирается рублей 150 [2]). У куртинъ приношенія молодому приносятъ передъ свадьбой, какъ-бы на покрытіе расходовъ [3]).

Въ тотъ-же, второй день свадьбы сосѣди приглашаютъ къ себѣ молодую, чтобы познакомиться съ ней, и дарятъ ей куръ, гусей, индѣекъ, яйца и т. п. Характеръ подарковъ не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что это опять таки общинная (сосѣдская) помощь новому хозяйству.

Въ продолженіе трехъ дней молодого величаютъ „царемъ“—*мепе*, а молодую „царицей“—*дедопали*. Соотвѣтственно этимъ титуламъ новобрачнымъ предоставляется нѣкоторая власть надъ

[1]) А. Фонъ-Плотто въ „Сб. свѣд. о кавк. горц.“, вып. IV.
[2]) „Сб. мат.“, XIX, отд. II, 223 и слѣд.
[3]) Камсараканъ—„Свадьба у куртинъ“, „Кавказъ“, 1874 г., № 113.

„макарами". „Мепе" принадлежитъ право разбирать недоразумѣнія, возникающія между макарами, и налагать наказанія на виновныхъ: налагаемыя имъ наказанія носятъ въ себѣ слѣды деспотизма. Такъ, „мепе" приказываетъ привязать провинившагося къ столбу—„на бодзи", иногда приказываетъ другимъ макарамъ бить виновнаго. Освободить приговореннаго отъ отбыванія наказанія можетъ только „дедопали". Въ этомъ случаѣ она посылаетъ свой багдади или обыкновенный карманный платокъ. Освобожденный самъ объявляетъ во всеуслышаніе о милости „дедопали": „вотъ дедопали освободила такого-то и никто не наложитъ на него руки!"

Въ прежнее время вѣнцы съ молодыхъ снимали только на третій день, и снимали обнаженнымъ кинжаломъ; теперь это очень рѣдко соблюдается.

Вѣнцы бываютъ украшены позументомъ, когда замужъ выходитъ дѣвушка, и красною и бѣлою нитью, когда вѣнчается вдова.

Народное врачеваніе въ Кахетіи. Всякую болѣзнь темный кахетинскій людъ объясняетъ, какъ наказаніе, посланное иконой *хати* за непосѣщеніе ея *салоцави*—мѣста богомолья. Такое пониманіе причинъ болѣзни опредѣляетъ и способы врачеванія: необходимо скорѣе умилостивить разгнѣваннаго святого; всякое иное лѣченіе безполезно; примѣненіе врачебныхъ средствъ было-бы оскорбленіемъ святого, который, какъ выражаются кахетинцы, „требуетъ къ себѣ" заболѣвшаго. Чтобы узнать, какая именно икона причиняетъ болѣзнь, на имя каждаго „хати", подозрѣваемаго въ насланіи болѣзни, дѣлаютъ *птила*, т. е. обматываютъ ватой маленькую палочку, и каждую изъ такихъ палочекъ вертятъ надъ чашкой съ водой: отъ которой изъ нихъ вата упадетъ въ воду, святой этой „птила" и есть настоящій виновникъ болѣзни. Къ нему, значитъ, и нужно ѣхать на богомолье, хотя-бы его „салоцави" находилось за нѣсколько сотъ верстъ. Изъ многихъ святыхъ правильно указать того, который служитъ причиной болѣзни,—дѣло не легкое, и не всякая гадалка—*мкитхави*—дѣлаетъ это съ одинаковымъ успѣхомъ. Часто бываетъ, что всѣ примѣты указали на какого-нибудь „хати", напр., на Георгія Цкароставскаго; отправляются къ нему, приносятъ жертвы, дѣлаютъ все, какъ научила ворожея, но болѣзнь не проходитъ. Обращаются опять къ ворожеѣ: оказывается, она ошиблась, не туда послала, неправильно опредѣлила *мизези*—причину. Снова начинаетъ „вопрошать" мкитхави; на этотъ разъ выходитъ, что болѣзнь послана Мтаваръ-ангелозомъ, и

нужно отправиться съ умилостивительными дарами къ нему, на противоположный конецъ Кахетіи, въ сел. Анага. А тамъ, кто знаетъ, можетъ быть, опять обнаружится, что ворожея и на этотъ разъ ошиблась, и не въ Анагу нужно было ѣхать, а въ Телеты, къ Тифлису. Да, поистинѣ трудно бываетъ вѣрно опредѣлить, какой „хати" наслалъ болѣзнь и „требуетъ къ себѣ", гораздо труднѣе, чѣмъ врачу поставить правильный діагнозъ.

Такъ возятъ больного отъ одного мѣста богомолья къ другому, пока онъ не выздоровѣетъ. Ворожея указываетъ, куда слѣдуетъ отправиться на поклоненіе, опредѣляетъ, какія должны быть принесены жертвы: теленокъ, баранъ, курица и т. п., и, наконецъ, назначаетъ «наказаніе», которое надлежитъ выполнить больному, напр., итти босикомъ къ мѣсту богомолья, девять разъ обойти вокругъ церкви или священнаго дерева, проползти вокругъ святыни на колѣняхъ три раза, обойти нѣсколько разъ съ желѣзною цѣпью на шеѣ и т. п. За свой трудъ ворожея получаетъ курицу, яйца, платокъ или иныя вещи и деньгами не меньше 20 коп. Безъ денегъ и восковой свѣчки ворожба считается невозможной. Эпитимію или такъ называемое «наказаніе» для исцѣленія отъ болѣзни налагаютъ также «монеби», женщины, временно посвятившія себя какому-либо святому.

Больные, отправляясь къ указанному ворожеей мѣсту богомолья, надѣваютъ сверхъ одежды нѣкоторое подобіе рубахи или просто кусокъ коленкора. При внутреннихъ болѣзняхъ эта рубаха или повязка бываетъ бѣлаго цвѣта; при такихъ-же болѣзняхъ, какъ оспа, корь, которыя выражаются накожными сыпями, надѣвается матерія краснаго цвѣта. Это одѣяніе оставляется въ церкви передъ иконой, или у наружной стѣны церкви, какъ знакъ исполненнаго долга. Гдѣ есть «монеби», онѣ берутъ эту матерію себѣ. Чтобы и на будущее время пользоваться расположеніемъ святого, отъ четырехъ угловъ его церкви несутъ домой землю, чтобы вмѣстѣ съ нею принести и благодать святого. Иногда также просятъ священника обмыть икону умилостивляемаго святого, и эту воду даютъ пить больному.

Когда послѣ долгихъ хожденій по разнымъ «салоцави» (мѣстамъ богомолья) больной не поправляется, нужда заставляетъ родныхъ больного прибѣгнуть къ врачебной помощи. Въ такихъ случаяхъ обращаются прежде всего къ знахарю или знахаркѣ. Пріемы врачеванія знахарей также основываются часто на одномъ суевѣріи. Многія знахарки, какъ цѣлебное средство, держатъ круг-

лые камешки съ береговъ Алазани или другихъ рѣчекъ. Знахарка обмываетъ эти камешки водой, воду разливаетъ въ пузырьки и, какъ лѣкарство, раздаетъ больнымъ. Про одну знахарку въ Телавскомъ уѣздѣ (въ сел. Шильда) разсказывали, что деревенскіе мальчишки, чтобы подшутить, ночью положили у двери ея дома кучу камешковъ. Утромъ ворожея увидѣла камешки и просіяла отъ радости. «Видѣла я во снѣ, говоритъ она, какъ святой (такой-то) явился ко мнѣ и говоритъ: «возьми эти камни и лѣчи!» Это и есть тѣ камни, что принесъ мнѣ святой». Конечно, ворожея съ подобающимъ благоговѣніемъ собрала камешки и теперь занимается перемываніемъ ихъ, а воду раздаетъ своимъ паціентамъ въ качествѣ самаго надежнаго лѣкарства. Подобнаго рода врачевателями бываютъ какъ женщины, такъ и мужчины. Тѣ и другіе имѣютъ обыкновенно хорошую практику и обширный кругъ паціентовъ. Иногда у такого лѣкаря въ день перебываетъ 15—20 человѣкъ; каждый приноситъ копѣекъ 20 или что-либо изъ деревенскихъ продуктовъ. Кромѣ воды, въ которой были обмыты рѣчные камешки, даютъ иногда настой разныхъ травъ, иногда и аптечные медикаменты. Къ лѣченію различными веществами зачастую присоединяется лѣченіе нашептываніемъ, заговорами, молитвами. Этотъ видъ народнаго врачеванія тоже пользуется широкимъ распространеніемъ въ Кахетіи. Противъ каждой болѣзни существуетъ свой особый заговоръ или «молитва». Образцы подобныхъ молитвъ можно найти въ грузинскихъ народныхъ лѣчебникахъ—«карабадинахъ»; въ нихъ много заимствованнаго съ персидскаго или арабскаго, поэтому часто встрѣчаются слова, не имѣющія смысла.

Сумасшествіе, помѣшательство встарину объяснялось вселеніемъ въ человѣка бѣсовъ. Эта «бѣсовская» теорія сумасшествія, повидимому, до сихъ поръ удерживается въ полной силѣ среди темнаго кахетинскаго люда; по крайней мѣрѣ, способы лѣченія помѣшанныхъ основываются на этой древней теоріи. Изъ больного стараются всякими способами изгнать бѣсовъ: больныхъ бьютъ, запираютъ, держатъ безъ пищи; словомъ, продѣлываютъ все, чтобы сдѣлать тѣло больного неудобнымъ жилищемъ для демоновъ. Особенною извѣстностью, какъ лучшій врачеватель помѣшанныхъ, пользуется въ Телавскомъ и Тіонетскомъ уѣздахъ мулла Муса изъ татарскаго селенія Ахатели близъ Телава. У него всегда имѣются паціенты въ разныхъ селеніяхъ, и мулла періодически навѣщаетъ ихъ, выполняя надъ ними свои чудодѣйственные пріемы. Онъ на-

клеиваетъ больнымъ на лобъ какія-то бумажки, вѣроятно, съ заклинательными формулами или изреченіями изъ корана. Мулла Муса, какъ увѣряютъ, обладаетъ большею, чѣмъ какой-либо другой кахетинскій лѣкарь, способностью изгонять демоновъ. О немъ разсказываютъ цѣлыя легенды.

Любопытныя черты представляетъ существующее въ Кахетіи воззрѣніе на дѣтскія болѣзни—оспу и корь, любопытны также и способы воздѣйствія на эти болѣзни. Оспа (и корь), по понятію кахетинца, происходитъ отъ вселенія въ ребенка ангеловъ, называемыхъ по-просту „батонебами"—*господами*. Борьба съ ними можетъ привести лишь къ печальнымъ послѣдствіямъ, и кахетинцу и въ голову не приходитъ тягаться съ сонмищемъ безплотныхъ духовъ: напротивъ, онъ всячески старается угодить „батонебамъ". Эти нѣжныя существа не выносятъ чада, горящихъ углей и кипящей воды: поэтому въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больной оспою, не готовятъ обѣда, не разводятъ жаровни, не вносятъ туда ни кипящаго самовара, ни утюга съ углями, а также не стираютъ и не гладятъ бѣлья. Воздерживаются кромѣ того отъ многаго, что могло-бы быть непріятно или неудобно для ангеловъ оспы. Чтобы какъ-нибудь по неосторожности не уколоть ангеловъ, въ комнатѣ больного не шьютъ, во всемъ домѣ не рѣжутъ куръ, такъ какъ это опять таки непріятно батонебамъ.

Чтобы доставить удовольствіе батонебамъ, въ комнатѣ, гдѣ они истязаютъ больного, вѣшаютъ лоскутки цвѣтныхъ матерій, на окна вѣшаютъ красныя занавѣси, на пальцы рукъ и ногъ наматываютъ красныя нитки; зажигаютъ *ниѳзисъ сантели* (свѣтильни, погруженныя въ орѣховое масло[1]), поютъ заунывную монотонную пѣсню „іавъ, нана, вардо, нана", тихонько играютъ на чонгури или гармоникѣ; наконецъ, женщины ублажаютъ непрошенныхъ гостей плясками, при чемъ танцовщицы раздѣваются донага, пляшутъ и поютъ: „іавъ, нана, вардо, нана" [1]). Для угощенія ангеловъ болѣзни пекутъ длинные чуреки, такъ называемые *ангелозисъ шоти*, затѣмъ кладутъ въ комнатѣ сладости и фрукты.

Господиномъ и повелителемъ ангеловъ оспы считаютъ св. Варвару. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Телавск. у.) ей обѣщаютъ бѣлую курицу, если она оставитъ больного въ живыхъ. По выздоровленіи больного одѣваютъ въ красное и ведутъ въ церковь св. Вар-

[1]) „Сб. мат.", вып. XIX, отд. II, стр. 89.

вары; тамъ курицу бросаютъ къ церкви, красное облаченіе съ ребенка снимаютъ и оставляютъ. Вообще св. Варвара считается въ Грузіи покровительницей врачевателей. У гурійцевъ, напримѣръ, знахарки празднуютъ 4 декабря день св. Варвары („барбалоба"). Согласно существующему въ Гуріи сказанію, Богъ велѣлъ св. Варварѣ лѣчить отъ оспы, что она и дѣлала съ большимъ успѣхомъ; поэтому нынѣшнія знахарки обращаются къ ней съ мольбами объ исцѣленіи отъ оспы [1]). Объясненіе оспы и способы ея лѣченія (умилостивленіе духовъ) въ общихъ чертахъ одинаковы по всей Грузіи—въ Кахетіи, Карталиніи, Гуріи, Имеретіи, Мингреліи. Умилостивительныя приношенія духу оспы въ болѣе значительныхъ размѣрахъ преподносятся въ Осетіи, гдѣ, кромѣ плясокъ, молитвъ и скачекъ въ честь патрона оспы Аларды [2]), ему приносятъ ягненка или годовалаго барашка, „чтобы умилостивить злого Аларду, оставляющаго послѣ своего посѣщенія столько смертей и уродовъ" [3]).

Похоронные обычаи. Послѣ наступленія смерти у тѣла умершаго становится на дежурство одинъ изъ его родственниковъ, чтобы охранять покойника отъ кошекъ, которыя, говорятъ, отъѣдаютъ у мертвыхъ губы и носъ; въ Кизикіи къ этому присоединяется боязнь нападенія гіены „мгелкаци", хотя гіена нигдѣ въ Сигнахскомъ уѣздѣ не встрѣчается. На груди или на лицѣ умершаго ставятъ вверхъ дномъ сито и на него кладутъ хлѣбъ. Значеніе этого обычая въ настоящее время понимается различно: одни (Телавск. у.) говорятъ, что хлѣбъ кладется для того, чтобы кошки, наѣвшись его, не тронули покойника; по другому объясненію (Кодало), совершенно фантастическому, хлѣбъ кладутъ, „чтобы покойникъ не раздулся".

Въ Телавскомъ уѣздѣ на грудь покойника кладутъ также лошадиную подкову, чтобы прогнать изъ дома смерть. Это суевѣрное средство выпроваживать смерть примѣняется и тушинами [4]). Въ Кизикіи кромѣ того около умершаго кладутъ топоръ, ножъ, сѣкиру или кинжалъ, чтобы злые духи не причинили покойнику вреда, и чтобы не допустить гіены. О смерти даютъ знать

---

[1]) „Сб. мат.", вып. XVII, отд. II, стр. 69 и 70.

[2]) Вс. Ѳ. Миллеръ—„Осетинскіе этюды", ч. 2, стр. 275.

[3]) „Сборн. свѣд. о кавк. горц.", вып. IX, Гатіевъ—„Суевѣрія и предразсудки у осетинъ", стр. 48.

[4]) А. Хахановъ—„Тушины", „Этн. Обозр.", кн. II.

родственникамъ и знакомымъ, которые являются оплакать умершаго и выразить участіе его семьѣ. Каждый изъ приходящихъ приноситъ съ собой что-либо для поминальнаго обѣда—курицу, яйца, муку.

Этотъ старинный обычай общинной поддержки семьѣ, оказавшейся въ несчастіи, распространенъ какъ у народностей грузинскаго племени—имеретинъ [1]), мингрельцевъ [2]), гурійцевъ [3]), такъ и у другихъ кавказскихъ народовъ, напр., у ингушей, гдѣ приношенія бываютъ значительнѣе: быкъ, теленокъ, баранъ или не меньше одного рубля деньгами [4]).

Безъ такой помощи не только бѣдныя, но даже и средняго достатка семьи не могли-бы, разумѣется, угостить, какъ слѣдуетъ, все то множество народа, которое собирается на *келехи* (поминки). Въ конечномъ расчетѣ, однако, помощь эта нисколько не уменьшаетъ расходовъ семьи, такъ какъ все, полученное для келеха, рано или поздно придется по частямъ возвратить тѣмъ, кто его доставилъ, какъ только у нихъ самихъ случится покойникъ. Это долгъ, который предстоитъ выплачивать, новое бремя для бѣдняка.

Пока приходятъ оплакивать умершаго, въ домѣ идутъ приготовленія къ поминальному обѣду. Въ торне женщины пекутъ хлѣбы, которыхъ нужно приготовить иной разъ громадное количество. Чтобы умершій не имѣлъ потомъ никакихъ претензій къ оставшимся въ живыхъ родственникамъ, стараются теперь-же сдѣлать все для его удовлетворенія. Было время, когда съ умершимъ зарывали или уничтожали на могилѣ все, что составляло его собственность, чтобы такимъ путемъ покойникъ могъ взять съ собою свое имущество. Впослѣдствіи этотъ убыточный для живыхъ обычай былъ оставленъ, и для удовлетворенія духа умершаго стали считать достаточнымъ символическое погребеніе или разрушеніе его собственности. Подобнаго рода символическое дѣйствіе продѣлывается въ настоящее время въ Кахетіи. Когда пекутъ хлѣбы для келеха, въ торне вмѣстѣ съ дровами кладутъ кусокъ дерева изъ забора или изъ какого-либо строенія, и дѣлаютъ это съ тою именно цѣлью, „чтобы покойникъ взялъ съ собою часть своего имущества“ (сел. Кодало). Слѣды такого-же воззрѣнія заключаются

---

[1]) „Сборн. матер.“, вып. XIX, отд. I, стр. 131.
[2]) Ibid., вып. XIX, отд. I, стр. 159.
[3]) Ibid., вып. XVII, отд. II, стр. 83.
[4]) Н. Грабовскій въ „Сборн. свѣд. о кавк. горц.“, вып. IX, стр. 60.

и въ другомъ погребальномъ обыкновеніи кахетинцевъ. Чтобы сдѣлать гробъ, а также вырыть соотвѣтствующихъ размѣровъ могилу, измѣряютъ ростъ покойника; въ качествѣ мѣрки берутъ камышину изъ крыши или какую-нибудь трость. Отмѣривъ мѣсто для могилы, камышину (или палку) ломаютъ и бросаютъ тамъ-же, но ни въ какомъ случаѣ не несутъ домой, изъ опасенія, что тогда еще кто-нибудь умретъ изъ той-же семьи. Здѣсь, очевидно, кроется та первобытная мысль, что все, что понадобилось умершему, должно навсегда принадлежать ему, за нарушеніе же своихъ правъ покойникъ накажетъ смертью. Впрочемъ, въ качествѣ раціональнаго объясненія церемоніи оставленія на могилѣ мѣрки покойника можетъ быть выставлено соображеніе, что этотъ обычай внушенъ печальнымъ опытомъ переноса заразныхъ болѣзней посредствомъ предметовъ, соприкасавшихся съ умершимъ, но въ такомъ случаѣ непонятно, для чего эту камышину или трость *ломаютъ на могилѣ*. Обыкновенно, какъ извѣстно, ломаютъ или сжигаютъ на могилѣ предметы съ цѣлью освободить души покойниковъ и предоставить ихъ въ распоряженіе умершихъ.

Обратимся къ дальнѣйшимъ сопровождающимъ похороны обычаямъ. Первые хлѣбы для келеха испечены; два или три первыхъ хлѣба бросаютъ собакамъ, чтобы загладить вину умершаго передъ ними на тотъ случай, если онъ когда-либо забылъ покормить собакъ (сел. Арашенда Сигнахск. уѣзда). Это умилостивленіе собакъ облегчаетъ также душѣ странствованіе въ загробномъ мірѣ (сел. Джимити Сигнахскаго уѣзда).

Женщины, приготовляющія хлѣбы, выпиваютъ за упокой усопшаго немного вина, что считается полезнымъ для души усопшаго.

Въ то-же время въ комнатѣ, гдѣ лежитъ покойникъ, происходитъ оплакиваніе. Изъ двухъ восковыхъ свѣчей дѣлаютъ крестъ; одинъ конецъ его даютъ въ руки умершему, а три свободныхъ зажигаютъ и тотчасъ тушатъ, прикрывая свѣчи саваномъ (сел. Джимити). Этотъ обрядъ выполняютъ и ингилойцы, которые даютъ въ правую руку покойнику вдвое сложенную свѣчу, зажигаютъ и немедленно тушатъ [1]). Церемонія эта, повидимому, является символомъ угасшей, какъ свѣча, жизни.

Патріархальный кахетинскій крестьянинъ все еще придерживается простодушной вѣры, будто мертвецъ слышитъ все, что около

[1]) „Сб. матер.“, вып. XVII, отд. II, стр. 159 и 160.

него говорятъ,—поэтому окружающіе покойника не прочь вступить съ нимъ въ бесѣду. Близкіе родственники иногда упрекаютъ покойника за то, что онъ оставилъ ихъ въ этомъ мірѣ нужды и печали, а самъ ушелъ, причинивъ глубокое горе.

Упреки переходятъ въ брань: „пусть закроются твои глаза за то, что оставилъ насъ; пусть сожженъ будетъ твой „джани" (сила, здоровье), какъ ты сжегъ нашъ „джани"! (сел. Арашенда Сигнахск. уѣзда).

Въ такомъ отношеніи къ покойнику ничего нѣтъ удивительнаго. Готтентоты не только ругаютъ, но даже бьютъ мертвыхъ за то, что они уходятъ отъ нихъ. Осетины тоже иногда обращаются къ покойнику съ проклятіями—„судзгӕ фӕба-дай!" („сидѣть-бы тебѣ въ огнѣ!"), и все за то, что онъ покинулъ малолѣтнихъ дѣтей, оставилъ стариковъ безъ потомства и т. д. [1]). Нѣкоторыя женщины, приходя проститься съ умершимъ, просятъ его передать ихъ близкимъ покойникамъ разныя порученія: напр., что имъ здѣсь хорошо живется, пусть тамъ не безпокоятся, было-бы имъ хорошо (Арашенда) и т. п. Взглядъ достаточно распространенный. Новый мертвецъ представляется путешественникомъ, отправляющимся въ страну тѣней, куда онъ можетъ снести словесныя порученія и даже вещественныя посылки. Порученія мертвымъ даютъ, напр., гурійцы [2]), пшавы [3]).

Незадолго передъ выносомъ покойника двѣ женщины вносятъ въ комнату въ ситѣ лавашъ, обливаютъ его виномъ и, ставъ по обѣ стороны покойника, ломаютъ надъ нимъ лавашъ на куски и раздаютъ присутствующимъ, чтобы тѣ помянули усопшаго (Телавъ). Лавашей бываетъ одинъ или нѣсколько, но непремѣнно нечетное число—3, 5, 7. Иногда хлѣбъ и вино даются отдѣльно (Кодало), или хлѣбъ крошится въ чашкѣ съ виномъ и каждый изъ присутствующихъ беретъ по куску (сел. Уріатубани Телавск. уѣзда). Это угощеніе присутствующихъ, въ сущности говоря, есть угощеніе покойника передъ отправленіемъ его въ путь,—по смыслу то-же самое, что у гурійцевъ „сулисъ сагзали" или „дорожное довольствіе для души"; разница лишь въ томъ, что гурійцы съѣдаютъ и распиваютъ дорожную порцію мертвеца на его могилѣ [4]), а кахетинцы въ домѣ.

---

[1]) К. Хетагуровъ—„Оссоба", „Кавк. Вѣстн.", 1902 г., № 7-й.
[2]) „Сб. мат.", XVII, отд. II, стр. 81.
[3]) М. Ковалевскій—„Законъ и обычай на Кавказѣ", т. II, стр. 76.
[4]) „Сб. матер.", XVII, отд. II, стр. 84.

Какъ ни хорошъ былъ человѣкъ при жизни, но кто поручится за то, что, и переселившись въ царство духовъ, онъ будетъ такъ-же доброжелательно относиться къ живымъ?

Быть можетъ, найдутся у него причины мстить живымъ и дѣлать имъ непріятности. Благоразуміе поэтому требуетъ напередъ принять мѣры для огражденія дома отъ непріязненныхъ посѣщеній покойника. Мѣры эти бываютъ разнаго рода. Прежде всего, унося покойника изъ дома, заботятся о томъ, чтобы онъ не могъ найти дорогу обратно. У многихъ народовъ было въ обычаѣ выносить умершаго не черезъ дверь, а черезъ особое отверстіе, продѣланное для этого въ стѣнѣ. Отверстіе послѣ того задѣлываютъ, и мертвецъ, еслибы и вернулся къ дому, все-таки не съумѣлъ-бы проникнуть внутрь. У современныхъ кахетинцевъ умершаго выносятъ въ дверь, но, какъ воспоминаніе о старинномъ предохранительномъ пріемѣ, сохраняется слѣдующій обычай. Прежде, чѣмъ выносить покойника, притворяютъ дверь и гробомъ три раза ударяютъ въ стѣну или въ затворенную дверь. Этотъ обычай, какъ и многіе другіе, въ разныхъ мѣстностяхъ Грузіи претерпѣваетъ измѣненія. Такъ, въ Кодало иногда только хлопаютъ дверью три раза, поднимаютъ и опускаютъ гробъ, а потомъ выносятъ. Въ Гуріи воспоминаніе о древнемъ обычаѣ выносить покойника черезъ проломанное въ стѣнѣ отверстіе сохраняется нагляднѣе: послѣ выноса умершаго разбиваютъ стекло въ окнѣ или ломаютъ заборъ или плетень. Этимъ, по современному объясненію, домъ очищается отъ смерти [1]).

Черезъ проломъ въ стѣнѣ выносили покойника и славяне. Такъ, напр., вынесли св. Владимира (1015 г.): „межю клѣтьми проимавше помостъ“... Самоѣды вытаскиваютъ трупъ умершаго за ноги черезъ отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ [2]); такъ-же иногда выносили своихъ покойниковъ монголы страны Тангутъ временъ Марко-Поло [3]). Такъ поступаютъ еще и теперь остяки, юраки, тунгусы, маньзы, эскимосы и различныя племена сѣверо-американскихъ индѣйцевъ—аджибвеи, алгонкины, тлинкиты и мн. др. народы [4]).

---

[1]) „Сб. матер.“, XVII, отд. II, стр. 84 и 85.

[2]) Лангкафель — „Азіатскія расы“, прибавленіе В. Передольскаго; С. Максимовъ — „Годъ на Сѣверѣ“, стр. 533.

[3]) И. П. Минаевъ—„Путешествіе Марко-Поло“, СПб., 1902 г., стр. 76.

[4]) Д. Анучинъ—„Сани, ладья и конь, какъ принадлежности похоронаго обряда“, стр. 3—13.

Когда покойникъ вынесенъ, вслѣдъ ему бросаютъ камень, чтобы прогнать смерть; при этомъ мальчикъ, бросающій камень, становится спиной къ удаляющейся похоронной процессіи (Уріатубани). Вмѣсто того, чтобы бросать камень вслѣдъ покойнику, во многихъ мѣстностяхъ Кахетіи камень кладутъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ гробъ. Въ Кизикіи кладутъ не камень, а желѣзныя орудія—топоръ, кинжалъ, ножъ. Подобныя суевѣрія знакомы и другимъ народамъ. У ингилойцевъ мальчикъ бросаетъ вслѣдъ покойнику камень и говоритъ: „изъ твоей доли здѣсь ничего болѣе не остается; ты, что тебѣ слѣдовало, все уже получилъ; теперь оставь насъ въ покоѣ!“ [1]).

У абхазцевъ по выносѣ гроба домъ немедленно опоясываютъ шелковымъ шнуркомъ, „чтобы еще кто-нибудь въ домѣ не умеръ“, какъ они объясняютъ [2]). Карталинцы послѣ похоронъ возвращаются другой дорогой, „чтобы не было несчастья“ (Гори). Дагестанскіе горцы сел. Мюраго, очевидно, чтобы покойникъ не нашелъ дороги въ домъ, послѣ похоронъ не возвращаются съ кладбища прямо домой (тогда „не долго будешь жить“, говорятъ они): сначала слѣдуетъ куда-нибудь зайти, посидѣть, поговорить, потомъ уже итти домой [3]).

Темиргоевцы, возвращаясь послѣ похоронъ съ кладбища, стараются не оглядываться назадъ [4]), опять таки, несомнѣнно, изъ опасенія, чтобы покойникъ не послѣдовалъ за ними.

Въ Гуріи безъ оглядки идетъ на кладбище изъ дома тотъ, кто несетъ „сулисъ сагзали“—„дорожное довольствіе для души“ [5]). У армянъ Зангезурскаго уѣзда не долженъ оглядываться при выносѣ покойника изъ дома священникъ [6]).

День похоронъ долженъ быть посвященъ покойнику. Поэтому повсюду въ Кахетіи въ день похоронъ умершаго сосѣди его не работаютъ, и, если строго придерживаются старыхъ обычаевъ, то весь день; но такъ какъ время иногда дорого и терять его хотябы и въ угоду мертвымъ невыгодно, то установился новый обычай—не работать до тѣхъ поръ, пока покойника пронесутъ мимо девяти торне (печей). Если-же кто-либо позволитъ себѣ работать

---

[1]) „Сб. мат.“, вып. XVII, отд. II, стр. 160
[2]) „Сб. мат.“, вып. IV, отд. II, стр. 82.
[3]) „Сб. мат.“, XIII, отд. II, стр. 154.
[4]) „Сб. мат.“, XXIX, отд. I, стр. 110.
[5]) „Сб. мат.“, XVII, отд. II, стр. 84.
[6]) „Сб. мат.“, XIII, отд. I, стр. 111.

раньше этого срока, то разгнѣванный этимъ покойникъ потребуетъ его къ себѣ: „кончай работу, скажетъ ему мертвецъ, и иди за мною!“ (сел. Курдгелаури Телавск. уѣзда).

Въ Карталиніи въ день похоронъ умершаго не работаютъ его сосѣди и всѣ желающіе выразить покойнику свое уваженіе (Горійскій уѣздъ).

Любопытны бываютъ позднѣйшія толкованія, которыя придаетъ народъ обычаю, унаслѣдованному отъ предковъ, первоначальный смыслъ котораго утратился. У зангезурскихъ армянъ, напр., родственники покойника не работаютъ, пока покойникъ находится въ церкви; въ случаѣ нарушенія этого запрета покойникъ лишится рая [1]).

Кромѣ воздержанія отъ работы необходимо и иными способами выразить свое почтеніе къ умершему: если можно, проводить до кладбища, если нѣтъ, хотя встать, когда его проносятъ. Въ Кахетіи, когда проносятъ покойника, поднимаютъ даже дѣтей, лежащихъ въ люлькахъ. Если не приподнять колыбели, то лежащій въ ней ребенокъ, какъ полагаютъ, не научится ходить, не будетъ даже держаться на ногахъ, пока его затѣмъ не подержатъ нѣкоторое время въ стоячемъ положеніи надъ какимъ-либо покойникомъ [2]). Почтительное отношеніе къ умершимъ наблюдается у большинства народовъ. Айсоры увѣрены, что мертвецъ или сопровождающій его ангелъ накажетъ всякаго, кто не выйдетъ, когда несутъ этого покойника: поэтому они выводятъ дѣтей и выносятъ больныхъ, если послѣдніе сами не въ силахъ выйти [3]). Карачаевцы считаютъ необходимымъ провожать покойника хотя-бы на небольшое разстояніе. У пшавовъ тѣ селенія, въ которыхъ проживаютъ родственники умершаго, „обязаны принять участіе въ похоронахъ и съ этою цѣлью пріостановить работы до момента преданія мертвеца землѣ“ [4]).

Въ гробъ кахетинцы кладутъ иногда предметы, которые особенно любилъ покойный, напр., табакъ, чтобы покойный не терпѣлъ въ немъ нужды; иногда заботливая жена въ карманы покойнаго мужа тайкомъ кладетъ немного денегъ на дорогу; быть можетъ, покойнику придется гдѣ-нибудь заплатить за пропускъ (Уканамхари).

---

[1]) „Сб. мат.“, XVII, отд. II, стр. 201.
[2]) „Сб. мат.“, XIX, отд. II, стр. 86.
[3]) „Сб. мат.“, IV, отд. I, стр. 316, 322 и 323.
[4]) М. Ковалевскій—„Законъ и обычай на Кавказѣ“, т. II, стр. 75.

Нужно, однако, замѣтить, что этотъ видъ трогательной заботливости объ умершемъ въ настоящее время въ Кахетіи наблюдается рѣдко. Монету для привратника рая кладутъ своимъ мертвымъ ингилойцы [1]); для другихъ надобностей кладутъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, напр., въ Пошехонскомъ уѣздѣ, чтобы заплатить за перевозъ черезъ огненную рѣку, отдѣляющую рай [2]), въ Малороссіи для уплаты „за мѣсто" [3]), у болгаръ, чтобъ расплатиться на томъ свѣтѣ съ долгами [4]) и т. п.

Считается выраженіемъ вниманія къ покойнику принять участіе въ засыпаніи его могилы: поэтому всѣ присутствующіе на кладбищѣ бросаютъ въ могилу по горсти или по лопатѣ земли, произнося при этомъ: „да помилуетъ Богъ!" (*Гмертма шегицкалосъ!*). Взглядъ, что участіе въ засыпаніи могилы является выраженіемъ почтенія къ умершему, существуетъ у многихъ народовъ и имѣетъ свое объясненіе. Съ этимъ обыкновеніемъ мы встрѣчаемся у черкесъ [5]) и др. народовъ [6]).

Происхожденіе обычая могло быть таково. Увеличивая могильную насыпь, родственники умершаго руководились желаніемъ укрыть трупъ отъ расхищенія животными; съ другой стороны, могло дѣйствовать и опасеніе, какъ-бы покойникъ не вышелъ изъ могилы и не надѣлалъ непріятностей живымъ, и потому каждый изъ членовъ общины или рода принималъ участіе въ засыпаніи покойника. Вслѣдствіе этого величина могильной насыпи сдѣлалась показателемъ многочисленности рода, слѣдовательно, и могущества покойника. Отсюда, чѣмъ знатнѣе умершій, тѣмъ больше насыпь. Примѣромъ могутъ служить курганы кочевниковъ и пирамиды фараоновъ. Такъ было и у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Участіе въ засыпаніи покойника сдѣлалось знакомъ уваженія и вниманія къ умершему. Горные шотландцы, выражая свое расположеніе къ человѣку, обѣщаютъ: „и я прибавлю камень къ твоей могилѣ!"—„Curri mi clach du cuirn" [7]).

При зарываніи могилы кахетинцы лопату не передаютъ изъ

---

[1]) „Сб. мат.", XVII, стр. 159.

[2]) „Этногр. Обозр.", XXXIX, ст. А. Балова.

[3]) „Этногр. Об.", XXXVIII, ст. Хр. Ящуржинскаго.

[4]) „Этн. Об.", XXXIX, ст. Н. Державина, стр. 115.

[5]) Н. Дубровинъ—„Исторія войны и владыч. русскихъ на Кавк.", т. I, кн. 1-я, стр. 186.

[6]) Магаффи—„Древне-греческая жизнь", стр. 95.

[7]) Дж. Леббокъ—„Доисторическія времена", стр. 95.

рукъ въ руки, а кладутъ на землю, такъ что слѣдующій беретъ лопату не изъ рукъ, а съ земли. Эта суевѣрная предосторожность соблюдается, какъ извѣстно, и русскими.

Уходя съ могилы, кахетинскіе могильщики снимаютъ лопаты съ древка и надѣваютъ такъ, чтобы острая сторона приходилась кверху; въ такомъ видѣ приносятъ лопаты во дворъ умершаго, на келехи.

Возвращающихся съ похоронъ встрѣчаетъ во дворѣ одинъ изъ родственниковъ умершаго съ кувшиномъ воды. Пришедшіе должны прежде всего вымыть руки, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и глаза. Встрѣтившій ихъ льетъ непрерывной струей изъ кувшина воду, и, пока течетъ вода, всѣ родственники умершаго должны успѣть помыть руки. Если вода въ кувшинѣ останется, ее сейчасъ-же выливаютъ; если воды не станетъ, тогда плохо: новая смерть случится въ этомъ домѣ. Обыкновеніе мыть руки происходитъ изъ распространеннаго у многихъ народовъ представленія, по которому мертвый—существо нечистое, почему всякій, хотя-бы только провожавшій его до кладбища, становится оскверненнымъ и нуждается въ очищеніи. Вѣроятно, къ числу такихъ-же очистительныхъ средствъ слѣдуетъ отнести существующій въ Телавскомъ уѣздѣ обычай по возвращеніи съ похоронъ съѣдать по куску хлѣба, намоченнаго въ уксусѣ. Мытье рукъ практикуется въ Карталиніи, гдѣ провожавшихъ покойника встрѣчаетъ человѣкъ съ кувшиномъ воды и накрошеннымъ хлѣбомъ, намоченнымъ въ винѣ (Гори), въ Имеретіи [1]), въ Гуріи, гдѣ руки обмываютъ уксусомъ [2]), и у другихъ племенъ Кавказа. Пермскіе вотяки Гондырскаго края послѣ похоронъ даже моются въ банѣ [3]).

Поминальный обѣдъ или келехъ, устраиваемый по возвращеніи съ похоронъ, имѣетъ, конечно, назначеніемъ послужить на пользу умершему, но въ настоящее время этотъ первоначальный смыслъ похороннаго пиршества почти утраченъ кахетинскимъ населеніемъ; сохраняется лишь неопредѣленное опасеніе, что, если не устроить келеха, покойнику будетъ нехорошо. Келехъ заканчивается обыкновенно слѣдующимъ обрядомъ. Приносятъ зажженную восковую свѣчу, хеладу вина и шашлыкъ на деревянномъ шампурѣ. Ка-

---

[1]) „Сб. мат.“, XIX, отд. I, стр. 133.

[2]) „Сб. мат.“, XVII, отд. II, стр. 85.

[3]) „Изв. общ. истор., арх. и этн. при казанск. унив.“, т. XIX, вып. 3 и 4, ст. И. Яковлева, стр. 195.

ждый изъ присутствующихъ беретъ свѣчу, съѣдаетъ кусокъ шашлыка и, отливъ изъ хелады нѣсколько капель вина на хлѣбъ, лежащій на столѣ, произноситъ: „за упокой усопшаго“ и пьетъ изъ хелады. Церемонію эту начинаетъ священникъ, какъ самое почетное лицо на обѣдѣ. Когда шашлыкъ, свѣча и вино обойдутъ всѣхъ присутствующихъ, шампуръ ломаютъ на куски, „чтобы не понадобился для другого покойника“, т. е. чтобы еще кто-нибудь не умеръ въ домѣ. Очевидно, шампуръ, какъ и приготовленный на немъ шашлыкъ, долженъ поступить въ распоряженіе умершаго и потому больше не можетъ служить живымъ: долженъ быть сломанъ. Отданное мертвецу неприкосновенно для живыхъ: взглядъ въ свое время очень распространенный. Самоѣдъ ни за что не рѣшится взять сучка для костра изъ саней, на которыхъ отвезенъ къ могилѣ покойникъ,—иначе мертвецъ пожалуетъ въ юрту [1]).

Съ погребеніемъ умершаго заботы о немъ далеко не кончены. Необходимо время-отъ-времени доставлять ему приношенія, чтобы облегчить загробную его участь. Съ этой цѣлью въ 7-й, въ 40-й день и черезъ годъ послѣ смерти устраиваются поминки. Какое именно облегченіе дадутъ онѣ умершему, нынѣшній кахетинецъ не представляетъ ясно. Повидимому, первое время по смерти души кахетинскихъ покойниковъ обрѣтаются въ загробномъ мірѣ на привязи или связанныя. Освобождаютъ ихъ изъ этого неловкаго положенія поминки, устроенныя въ указанные сроки. Вотъ почему эти поминки носятъ многознаменательное названіе „*сулисъ ахсна*“—„отвязываніе души“. Безусловно необходимую принадлежность этихъ поминокъ составляетъ баранъ. Прежде чѣмъ рѣзать барана, ему въ знакъ посвященія его умершему даютъ немного освященной соли и прижигаютъ клокъ шерсти на лбу. Сначала отправляются въ церковь отслужить панихиду и освятить соль для барана; изъ церкви приглашаютъ священника въ домъ, гдѣ онъ освящаетъ мясо въ котлахъ. Лучшая часть барана—филе по обычаю поступаетъ въ собственность священника. Остальное поѣдается приглашенными гостями и раздается сосѣдямъ. „Сулисъ ахсна“ черезъ недѣлю послѣ смерти устраивается также у гурійцевъ [2]), имеретинъ [3]), карталинцевъ; баранъ у всѣхъ считается неизбѣжнымъ.

---

[1]) Ланггафель—„Азіатскія расы“, прибавл. В. Передольскаго.

[2]) „Сб. мат.“, XVII, отд. II, стр. 79.

[3]) „Сб. мат.“, XIX, отд. I, стр. 133. Здѣсь почему-то названо „хелисъ гахсна“—„открытіе руки“.

Въ Кизикіи поминки въ седьмой день совершаются на могилѣ. На коврѣ („халича“) ставятъ принесенную пищу—„*таблу*“ (хлѣбъ, курица, вино и ребра барана съ почками). „Табла“ освящается священникомъ, и присутствующіе приступаютъ къ ѣдѣ на благо усопшаго. При этомъ не забываютъ, что все это дѣлается ради дорогого покойника,—поэтому на могилу отливаютъ вина изъ хеладъ и стакановъ; иногда приносятъ также кувшинчикъ или бутылку воды и выливаютъ на могилу, чтобы покойникъ могъ утолить жажду.

Въ Уканамхари мною записанъ также обычай, котораго я не встрѣчалъ въ другихъ частяхъ Кахетіи. Въ седьмой или въ годовой день послѣ смерти на могилу приносятъ всю одежду покойнаго, начиная съ папахи и кончая чустами; складываютъ одежду такъ, какъ она надѣвается на человѣка, такъ что получается нѣчто вродѣ чучела покойника. Чучело освящается священникомъ и раздается по частямъ сверстникамъ умершаго. Въ Гуріи надъ такимъ чучеломъ продѣлывается церемонія оплакиванія. У абхазцевъ въ годовой день или по истеченіи 10 мѣсяцевъ послѣ смерти совершается оплакиваніе надъ вещами покойнаго въ его домѣ [1]). Въ теченіе перваго года по смерти на могилу по субботамъ (или воскресеньямъ) приносятъ коливо—*цандили*. Кромѣ цандили приносятъ иногда хлѣбъ, сыръ, мясо, вино, чтобы хорошенько угостить покойника, и поливаютъ могилу водой, чтобы покойникъ могъ напиться. По истеченіи годового срока эти приношенія обыкновенно прекращаются, хотя нѣкоторые особенно заботливые родственники и послѣ года не оставляютъ своихъ умершихъ безъ пищи. Кормленіе мертвыхъ одинъ разъ въ недѣлю въ обычаѣ у многихъ кавказскихъ народовъ. Осетинскія женщины посѣщаютъ своихъ мертвыхъ съ приношеніями по пятницамъ, почему эти поминки называютъ *сабатизаръ—вечеръ подъ субботу* [2]); сванеты приноситъ пищу на кладбище въ теченіе года по субботамъ [3]); карталинцы каждую субботу пекутъ пирожки и разсылаютъ сосѣдямъ (Горійскій уѣздъ).

Годовыя поминки повсюду отличаются отъ другихъ поминокъ большимъ обиліемъ яствъ, большею пышностью. Въ Кахетіи

---

[1]) „Сб. мат.“, IV, отд. II, стр. 73.

[2]) Вс. Миллеръ—„Осетинскіе этюды“, ч. II, стр. 287; „Сб. мат.“, XVI, отд. I, стр. 16.

[3]) „Сб. мат.“, X, отд. I, стр. 80, а также А. И. Стояновъ—„Путешествіе по Сванетіи“, стр. 440.

для этого случая рѣжутъ не меньше двухъ барановъ, а богатые и нѣсколько десятковъ. Поминальную пищу разсылаютъ также тѣмъ сосѣдямъ, которые почему-либо не могутъ присутствовать на поминкахъ, и бѣднымъ односельчанамъ: посылается лавашъ, кусочекъ баранины, немного супа, бутылка вина и т. п., въ зависимости отъ состоянія справляющаго *цлисъ цирва*—годовыя поминки.

За 2—3 дня до истеченія годового срока на могилу кладутъ каменную плиту, или ставятъ простой камень въ головахъ могилы. Плита или камень освящается священникомъ. Класть камень въ самый годовой день избѣгаютъ вслѣдствіе предубѣжденія, что это непремѣнно навлечетъ рядъ несчастій на всю фамилію. Если бы случилось такъ, что въ теченіе года камень не удалось положить, въ такомъ случаѣ нельзя уже класть его до тѣхъ поръ, пока еще кто-нибудь въ семьѣ не умретъ, хотя-бы этого случая пришлось дожидаться много лѣтъ. Въ плитѣ иногда бываютъ выдолблены однадвѣ неглубокія чашечки, куда во время дождя собирается вода „для птицъ“. Карталинцы кладутъ камень также до истеченія года послѣ смерти (Гори).

По прошествіи года покойникамъ, какъ уже сказано, прекращаютъ еженедѣльныя приношенія, но въ нѣкоторые дни о нихъ все-таки вспоминаютъ и устраиваютъ поминки. Важнѣйшіе поминальные дни пріурочены къ веснѣ. По древнему иранскому вѣрованію, весной, вмѣстѣ съ оживаніемъ природы, пробуждаются и умершіе отъ зимняго сна. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и теперь, когда во время зимнихъ холодовъ вдругъ наступаетъ оттепель, говорятъ: „родители вздохнули“, т. е. дохнули теплomъ [1]). Очевидно, въ связи съ такимъ представленіемъ о загробномъ существованіи и находится обычай устраивать большія, общія поминки умершихъ именно въ началѣ весны.

Въ Кахетіи, въ день Вербнаго Воскресенія тѣ, у кого есть недавно умершіе, приносятъ въ церковь для поминовенія ихъ балыкъ. Священникъ освящаетъ приношеніе, отмѣриваетъ одну пядь (четверть) себѣ, а остальное принесшіе берутъ домой, и тамъ поминаютъ покойниковъ (Телавскій уѣздъ).

Совершенно такъ же поступаютъ карталинцы Горійскаго уѣзда въ Вербное Воскресеніе и на Благовѣщеніе. На Пасху для поминовенія недавно умершихъ (1—3 года) рѣжутъ барашка, приносятъ на могилу, часть раздаютъ сосѣдямъ, часть бѣднымъ, часть

[1]) А. Фаминцынъ въ „Этногр. Об.“, кн. XXVI.

съѣдается участниками поминокъ. Въ Горійскомъ уѣздѣ на второй день Пасхи поздравляютъ умершихъ и кладутъ на могилѣ два-три яйца, которыя забираютъ мальчишки. На Троицу на могилу дѣтей приносятъ живыхъ голубей, чаще пару; голуби поступаютъ въ пользу священника.

Въ день Успенія, 15 августа на могилы приносятъ плоды новаго сбора—яблоки, груши, сливы, инжиръ, виноградъ, арбузы, дыни и т. п., чтобы покойники вкусили новыхъ плодовъ земныхъ. Часть приношеній поступаетъ причту, остальное съѣдается на могилѣ. Ингилойцы 15 августа устраиваютъ общія поминки на могилахъ [1]).

Несмотря на установленный рядъ поминальныхъ дней, родственники умершаго могутъ иногда оказаться недостаточно внимательными къ его нуждамъ въ загробномъ мірѣ и оставить его долгое время безъ пищи. Какъ тутъ заявить о своихъ неудовлетворенныхъ потребностяхъ? Довольно просто. Покойникъ является во снѣ. Приснился умершій родственникъ,—значитъ, онъ терпитъ лишенія. Послѣ такого сновидѣнія спѣшатъ устроить поминки, чтобы накормить умершаго; самое меньшее, чѣмъ можно ограничиться, это—поставить свѣчу въ память умершаго, и отъ этого ему станетъ лучше.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще нѣкоторые обычаи, относящіеся къ умершимъ. О покойникѣ у кахетинцевъ, какъ и у большей части человѣчества, не принято говорить дурно: умершаго можно поминать только добромъ: „Что за хорошій человѣкъ былъ“! „Такого человѣка не найти въ нашемъ селеніи“! Вотъ выраженія, которыя чаще всего приходится слышать о покойникѣ.

Дурнымъ предзнаменованіемъ считается чихнуть въ присутствіи покойника или въ то время, когда о немъ упоминаютъ въ разговорѣ. Это значитъ, что покойникъ требуетъ чихнувшаго къ себѣ; чтобы отстранить эту опасность, кто-либо изъ присутствующихъ тотчасъ-же прикасается рукой къ землѣ, потомъ къ плечу чихнувшаго и произноситъ: „пусть сверстникъ умретъ, но не ты!“ или „мтрисасъ!“=„у врага“ (*пусть умретъ*). Это продѣлывается трижды. Такой же взглядъ на чиханіе при разговорѣ объ умершемъ имѣютъ и гурійцы; чихнувшему у нихъ говорятъ: „будь здоровъ до его (умершаго) возвращенія“ [2]); карталинцы три раза ударяютъ чихнувшаго по плечу и говорятъ: „тависъ гвари мой-

[1]) „Сб. мат.“, вып. XVII, отд. II, стр. 162.

[2]) „Сб. мат.“, вып. XVII, отд. II, стр. 121.

китхосъ"—*пусть требуетъ представителя своей фамиліи*, или „шенъ джвари кцерія"—*пусть защититъ тебя крестъ* (Гори).

Встрѣча съ покойникомъ (съ похоронной процессіей) считается дурной примѣтой. Такъ, когда везутъ или ведутъ больного и встрѣтятъ покойника, это вѣрный знакъ, что больной не выздоровѣетъ. Если охотникъ или рыболовъ, отправляясь на промыселъ, встрѣтятся съ покойникомъ, это предвѣщаетъ неудачу; особенно нехорошо, когда священникъ, сопровождающій мертваго, обернется въ сторону охотника или рыболова.

Небезынтересное обыкновеніе сообщаетъ Марко-Поло о монголахъ, обыкновеніе, которое, пожалуй, можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе существующаго у многихъ народовъ предразсудка, что встрѣча съ покойникомъ—дурное предзнаменованіе. „Когда тѣла великихъ хановъ несутъ (хоронить) къ той горѣ, всякаго, кого повстрѣчаютъ, дней за сорокъ, побольше или поменьше, убиваютъ мечомъ провожатые при тѣлѣ, да приговариваютъ: „Иди на тотъ свѣтъ служить нашему государю!"... Когда умеръ Монгу ханъ, такъ знайте, болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, встрѣченныхъ по дорогѣ, гдѣ несли его тѣло хоронить, было побито" [1]). При такихъ условіяхъ встрѣтить похоронную процессію мало пріятнаго. А подобныя избіенія, какъ извѣстно, производились у очень многихъ народовъ. Если не убивали всякаго встрѣчнаго, то убивали слугъ, рабовъ, плѣнниковъ, женъ и т. д. Эти жертвоприношенія смѣнились затѣмъ кровавыми битвами въ честь мертвыхъ [2]). Естественно, что подальше отъ похоронъ—меньше опасности.

Г. Ф. Чурсинъ.

---

[1]) И. П. Минаевъ—„Путешествіе Марко-Поло", изд. 1902 г., стр. 87.
[2]) См., напр., Белохъ—„Исторія Греціи", т. I, стр. 91.

3102

Stanford University Libraries
3 6105 021 401 216